

А К А Д Е М И Я   Н А У К   У К Р А И Н С К О Й   С С Р
И Н С Т И Т У Т   А Р Х Е О Л О Г И И

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1959

Редакционная коллегия:

С. Н. Бибилов (ответственный редактор), Е. В. Максимов, М. Я. Рудинский,
Л. М. Славин, И. Г. Шовкопляс.

Редактор издательства Зуц В. Л.

Технический редактор Склярова В. Е.

Корректор Курбанова Л. Н.

БФ 06720. Зак. № 1161. Изд. № 155. Тираж 1000. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. Физ. печ. листов 11,25.
Усл. печ. листов 15,4. Учетно-издат. листов 13,83. Бум. листов 5,63. Подписано к печати 31.VIII 1959 г.
Цена 8 руб. 30 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 2.

КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА КРЕМЕНЧУГСКОЙ ГЭС И РАСКОПКИ У НОВО-ГЕОРГИЕВСКА В 1956 ГОДУ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

Археологические памятники, находящиеся в Среднем Поднепровье, имеют большое значение для освещения истории различных племен эпохи неолита и бронзы, обитавших на этой территории.

К началу железного века в правобережной Лесостепи сложился важный культурный центр, известный по многочисленным городищам и поселениям чернолесского типа. На его основе потом возникла в междуречье Днестра и Днепра яркая культура земледельческих племен, известных по Геродоту под названием «скифов-пахарей». Их памятниками являются Мотронинское, Большое каневское, Трахтемировское и другие городища, а также большие курганные могильники.

В днепровском Правобережье были впервые открыты памятники зарубинецкой и черняховской культур, изучение которых тесно связано с разработкой проблемы древней истории славян. Раскопки селищ и могильников, клады I тысячелетия н. э. дают ценные материалы для освещения вопросов образования первого государства у восточных славян—Киевской Руси.

Плотина строящейся Кременчугской ГЭС перекроет Днепр там, где он выходит из Лесостепи в степное Причерноморье. Будущее водохранилище zalьет на огромном пространстве долину этой реки—от с. Табурище, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области, до Канева. Предстоит исследовать множество древних памятников, находящихся на затопляемой местности.

С этой целью Институт археологии АН УССР в 1956 г. организовал, наряду с другими исследованиями в зоне строительства Кременчугской ГЭС, комплексную экспедицию, которая провела исследовательские работы на участке правого берега Днепра между городами Чигирин и Ново-Георгиевск¹.

Исследования, начатые здесь, целиком подтвердили мысль, что памятники на территории будущего Кременчугского водохранилища дадут очень много ценных археологических материалов по древней истории нашей Родины.

В низинах долины Днепра, находящихся в зоне затопления, археологическими разведками обнаружено большое количество мест древ-

¹ В экспедиции, кроме автора, принимали участие научные сотрудники Д. Т. Березовец, С. С. Березанская, Р. И. Ветштейн, К. Д. Ганина, В. Н. Даниленко, В. А. Ильинская, Г. Т. Ковпаненко, М. Л. Макаревич, Е. В. Максимов, В. Г. Петренко, Е. А. Петровская, Е. Ф. Покровская, О. Г. Шапошникова. Лаборантами в экспедиции работали: А. В. Бодянский, Г. С. Ковпаненко, Е. А. Ирицкий, М. В. Кретович, Г. М. Падава, Е. А. Тереножкина, Н. А. Панова, М. Л. Будниченко, Т. А. Половинкина. Экспедиция работала с 10 июля по 1 октября 1956 г.

них поселений. Наиболее ранние из них относятся к неолиту. Нередко здесь встречаются поселения среднего периода бронзового века (точнее—катакомбного времени), для которых характерны глиняные сосуды, украшавшиеся частыми расчлененными валиками, оттисками шнура и другими видами орнамента¹. Поселения расположены на дюнных всхолмлениях, в настоящее время развееванных или сильно распаханных. Раскопки этих поселений в большинстве случаев нецелесообразны.

На левом берегу р. Цыбульника близ с. Ревовка, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области, было обнаружено поселение чернолесской культуры. Остатки такого же поселения оказались в с. Адамовка, Чигиринского района, Черкасской области.

Самыми интересными и сравнительно хорошо сохранившимися памятниками, обнаруженными в долине р. Тясмина, являются славянские поселения, относящиеся ко времени, которое предшествовало образованию древнерусского государства. Большое славянское поселение было обнаружено около с. Стецовка, Чигиринского района. Близ с. Пеньковка, Ново-Георгиевского района, оказалось целое сосредоточие подобных же поселений.

На высоких берегах Тясмина и Днепра выявилась еще одна весьма важная в научном отношении группа памятников, которые необходимо исследовать в связи со строительством Кременчугской ГЭС. Памятники эти относятся к чернолесскому времени (VIII—первая половина VII в. до н. э.) предскифского периода. Два из них—городища в с. Калантаев и у хут. Тясминка—были известны ранее². Кроме того, на Московской горе близ Ново-Георгиевска удалось обнаружить еще одно чернолесское городище, а возле с. Адамовки—поселение (или городище, но с плохо сохранившимися остатками укреплений) того же времени.

Беднее всего на изучаемой территории представлены памятники скифского времени (конец VII—III в. до н. э.). Лишь на развееванных дюнах встречались малочисленные обломки керамики скифского времени и изредка—бронзовые наконечники стрел. Только значительно севернее, около с. Крещатик, Черкасского района, близ устья р. Роси было обнаружено одно поселение с культурными остатками чернолесского и раннескифского времени, заслуживающее внимания в качестве объекта исследования.

Раскопки на ряде археологических памятников, обнаруженных экспедицией, производились четырьмя отрядами, которыми руководили В. Н. Даниленко, Е. В. Максимов, Е. Ф. Покровская и автор, а также группой Д. Т. Березовца.

Отряд В. Н. Даниленко раскопал небольшое, но интересное поселение около с. Новоселица, Чигиринского района, знакомящее нас с ранее неизвестной в Среднем Поднепровье культурой, по-видимому, энеолитической поры. Тот же отряд на возвышенности правого берега Днепра близ с. Адамовки раскопал небольшой курган с захоронениями катакомбной культуры и скифского времени и начал раскопки чернолесского поселения, на котором обнаружены курганообразные бугры с большим количеством культурных и кухонных остатков.

Отряд Е. В. Максимова раскопал около с. Большая Андрусовка, Ново-Георгиевского района, два небольших кургана, в которых оказались погребения бронзового века, не сопровождавшиеся вещами. В дальнейшем этот отряд приступил к раскопкам чернолесского городища около хут. Тясминки.

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, 1955, стр. 112—117, рис. 26, 9, 12; А. В. Добровольский, Поселение бронзового века Бабино III, КСИА, в. 7, К., 1957, стр. 40—45, рис. 3.

² А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, в. XLIII, 1952, стр. 84, рис. 26, 1, 2.

Раскопки на обоих городищах, помимо того, что они дали новые материалы по археологии предскифского времени, увенчались важным для истории фортификации в Среднем Поднепровье открытием. Выяснилось, что чернолесские городища укреплялись не только с напольной стороны, как это можно было думать по их внешнему виду, но обводились валами вкруговую и, что особенно важно, обносились по земляным валам деревянными стенами, рубленными из бревен в виде клетей.

Отряд, которым руководила Е. Ф. Покровская, исследовал девять жилищ-землянок на славянском поселении близ с. Стецовки, интерес к которому определяется тем, что оно очень близко в культурном отношении к известному Пастырскому городищу. Вслед за тем отряд перенес раскопки на Калантаевское чернолесское городище.

Д. Т. Березовец произвел углубленную разведку с раскопками на славянских поселениях возле с. Пеньковки и выяснил, что все они относятся приблизительно к VI—началу IX в. н. э. Большой интерес представляет найденный им в землянке замечательный по полноте набор железных орудий труда.

Не давая здесь подробного описания работ каждого из упомянутых отрядов, поскольку они освещены в ряде других статей этого выпуска «Кратких сообщений»¹, остановимся на результатах раскопок, произведенных нашим отрядом близ Ново-Георгиевска.

Около восточной окраины этого города по берегам стариц р. Цыбульника находится девять курганов высотой от 0,5 до 5 м. Из их числа раскопаны три насыпи средних размеров. Кроме того, на восточной оконечности Московской горы, в 2 км от Ново-Георгиевска, был раскопан еще один небольшой курган. Основные погребения в них оказались древнейшими. Кажется, что единственное отличие этих могил от погребений древнейшей культуры в степной полосе заключается лишь в том, что они имеют не прямоугольную, а квадратную форму. Во всех же прочих элементах погребального обряда они аналогичны друг другу. Сопровождающих вещей в могилах не оказалось.

В этих курганах также обнаружено несколько разновременных впускных могил. Из них более интересными являются погребения катакомбной культуры в кургане № 4 около Ново-Георгиевска. Так, при погребении 1, в котором костяк лежал скорченно на боку, головой на север, находился целый череп овцы (рис. 1). При погребении 3, где скелет лежал в вытянутом положении, головой на запад, стоял сплошь орнаментированный сосуд (рис. 2). Другой богато орнаментированный сосуд катакомбного типа был найден в насыпи кургана. По-видимому, он принадлежал несохранившемуся детскому погребению.

В кургане № 8 при плохо сохранившихся погребениях, по-видимому, позднего периода бронзового века, найдены маленькие глиняные сосуды грубой лепки, в том числе один прямостенный баночной формы, может быть, срубной культуры. В том же кургане открыта позднековническая могила без вещей. В ней над погребенным лежала целая туша молодого коня, рассеченная поперек на две половины (рис. 3).

Вторым объектом раскопок близ Ново-Георгиевска являлось городище чернолесского времени, расположенное на восточной оконечности Московской горы, над левым берегом р. Цыбульника. Поселение находится на краю плато этой горы, на одном выдающемся мысу которой сооружено небольшое городище, и у ее подножья (рис. 4). Более обжитой частью поселения, как можно о том судить по насыщенности культурного слоя, служила площадка у подножья, где оно прослеживается в полосе до 100 м ширины и на протяжении не менее 250 м.

¹ См. статьи В. Н. Даниленко, Е. В. Максимова и Е. А. Петровской, Е. Ф. Покровской и Г. Т. Ковпаненко, Д. Т. Березовца.

Культурный слой залегает на глубине 0,3—0,6 м от поверхности и вследствие этого почти совершенно не попорчен пахотой.

Раскопками была вскрыта площадь в 1340 м² на участках, расположенных у подножья горы, в середине поселения, в местах, где культурный слой отличался большей мощностью и насыщенностью находками.

Жилища на поселении были наземными или слабо углубленными, вследствие чего остатки их сохранились очень плохо. Единственным

Рис. 1. Катакомбное погребение 1 в кургане № 4 у Ново-Георгиевска.

признаком существования здесь жилищ служат остатки глинобитных очагов в виде сильно прокаленных огнем очажных подов, диаметр которых достигает 0,8 м.

При раскопках (рис. 5) открыто небольшое количество ям, заполненных землей, золой, культурными и кухонными остатками. Два погребения, обнаруженные здесь, были без вещей; вероятнее всего, они относятся к более позднему времени, чем поселение.

На поселении культурный слой местами почти отсутствует, однако постоянно встречаются скопления костей домашних животных и, реже, обломков керамики с костями животных, имеющие вид продолговатых куч длиной по нескольку метров. В некоторых таких кучах насчитывается до 500 костей. Имеются находки раздавленных землей глиняных сосудов. Бросается в глаза большое количество находок обломков ручных зернотерок. Они попадаются здесь значительно чаще, чем на других памятниках чернолесского типа. Обычными находками также являются различные растиральники шаровидной формы. Среди находок имеются обломки каменных проушных шлифованных топора и молот-

ка цилиндрической формы, но нет ни одного кремневого вкладыша от серпов. Среди изделий из кости и рога оленя можно упомянуть тупики, проколки, пряслица. Интересно одно, сделанное из куса рога оленя орудие, конец которого снабжен шестью крупными зубцами, служившее, по-видимому, для начесывания шерсти с овец и коз. Изделия из бронзы, если не считать мелких обломков, представлены только одной целой иглой с ушком.

Судя по культурному единобразию вещественных остатков, городище на Московской горе существовало сравнительно недолго и относится к собственно чернолесскому времени. Обильные керамические находки позволяют несколько уточнить историческое место этого памятника.

Для него типичны кухонные сосуды тюльпановидной формы. Среди них встречаются высокие сосуды со слабо выпуклым корпусом (табл. I, 2; II, 9), а чаще всего с сильно раздутыми боками, вследствие чего они напоминают по внеш-

Рис. 2. Сосуд из катакомбного погребения 3 в кургане № 4 у Ново-Георгиевска.

Рис. 3. Скелет коня в позднекочевническом погребении в кургане № 8 у Ново-Георгиевска.

нему виду горшки. Как правило, такие сосуды украшаются сквозными проколами по краю и расчлененными пальцевыми вдавлениями валиком, идущим по плечикам. В отличие от керамики с других чернолесских городищ валик здесь зачастую бывает расчленен косыми насечками. Также чаще, чем на другой чернолесской керамике, сосуды вместо валика украшаются просто одним рядом пальцевых вдавлений.

Миски имеют обычную для чернолесской культуры коническую форму и прямой или чуть вогнутый внутрь край. Найдено большое фрагментированное блюдо, украшенное снаружи вдоль края поясом из

прочерченных острием треугольников с белой инкрустацией (табл. I, 5). Встречены обломки мисок с проколами по краю (табл. I, 6), а один, кроме того, с гладким валиком (табл. II, 5).

Крупные чернолощенные сосуды представлены только обломками. Среди них есть обломки от сосудов виллановского типа, имевших высокое коническое горло и широкие плечики, украшенные массивными коническими налепами (табл. II, 7). Один чернолощенный сосуд (табл. I, 7) средних размеров с сильно раздутым корпусом обращает на себя

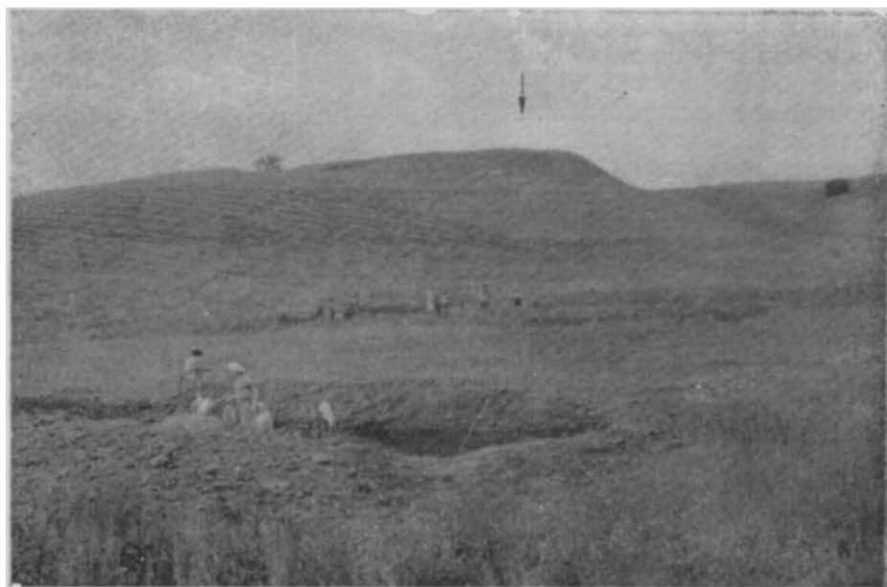

Рис. 4. Общий вид Московской горы.

внимание богатой резной орнаментацией в виде пояса из коротких заштрихованных треугольников. Обломки кубков и черпаков встречались редко. Среди последних интересен обломок с ленточной ручкой, украшенный своеобразным резным орнаментом (табл. I, 9, 10). Наконец, находки на поселении знакомят нас с ранее неизвестными в чернолесской культуре, но довольно обычными для культуры раннего скифского времени в Среднем Поднепровье сосудами цилиндрической формы с плоским дном. Один из них, сохранившийся полнее (табл. I, 1), сплошь украшен резным геометрическим орнаментом с белой инкрустацией.

В орнаментации лощеной керамики явно обнаруживаются отступления от традиционной чернолесской композиции в виде узкого пояса, от которого спускаются вниз заштрихованные треугольники. Образчики такого орнамента, как отмечалось выше, имеются здесь на сосудах, но для них гораздо типичнее орнамент просто пояском, без свисающих треугольников (табл. II, 3, 8). Так как орнаментация в виде замкнутого пояса или ленты особенно характерна для керамики раннескифского времени в Среднем Поднепровье, то можно признать, что городище на Московской горе хронологически стоит особенно близко к концу предскифского периода. Последнее подчеркивается распространением на лощеной керамике орнамента (табл. I, 1; II, 1), образуемого чередованием заштрихованных и гладких геометрических фигур, расцвет которого также приходится на начало скифского периода. Нет на нашем поселении только раннескифских черпаков с высокими ручками с выступами на них в верхней части.

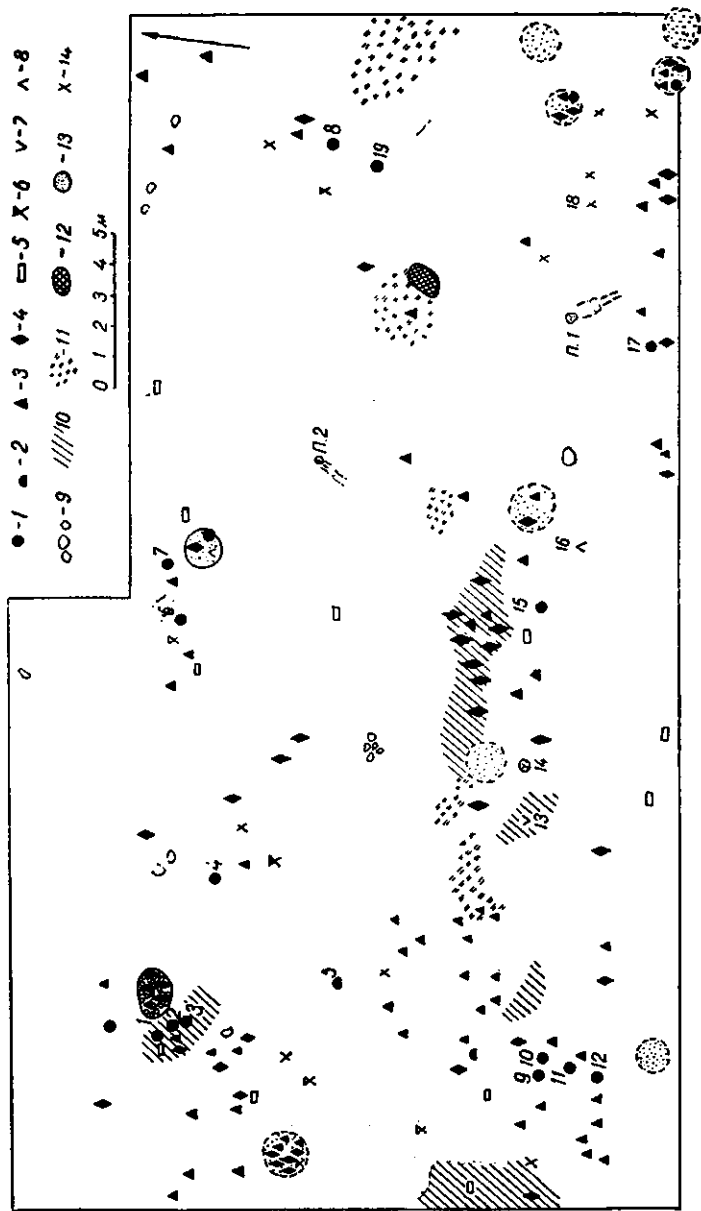

Рис. 5. План раскопов V и VI на чернолесском поселении у подножья Московской горы.

Условные обозначения: 1 — сосуды; 2 — глиняные поделки; 3 — глиняные поделки; 4 — зернотерки; 5 — точильные камни; 6 — костяные скобели; 7 — железные поделки; 8 — бронзовые поделки; 9 — камни; 10 — скопления керамики и костей животных; 11 — комья обожженной глиняной обмазки; 12 — очаги; 13 — ямы; 14 — костяные поделки (преимущественно пряслица). Отдельные находки: 1 — черлощенный сосуд; 2 — часть лошадной морды; 3 — часть черлака; 4 — крупный простой сосуд; 5 — зооморфная глиняная фигурка; 6 — три простых фрагментированных сосуда; 7 — миниатюрная баночка; 8 — простой сосуд; 9 — глиняная кружка; 10 — миниатюрная мисочка; 11 — скопление обломков простых сосудов; 12 — простой сосуд; 13 — обломок железного ножа; 14 — череп человека; 15 — цилиндрический сосуд; 16 — бронзовый браслет; 17 — небольшой простой сосуд; 18 — «стребень» из рога оленя; 19 — верхняя часть простого сосуда.

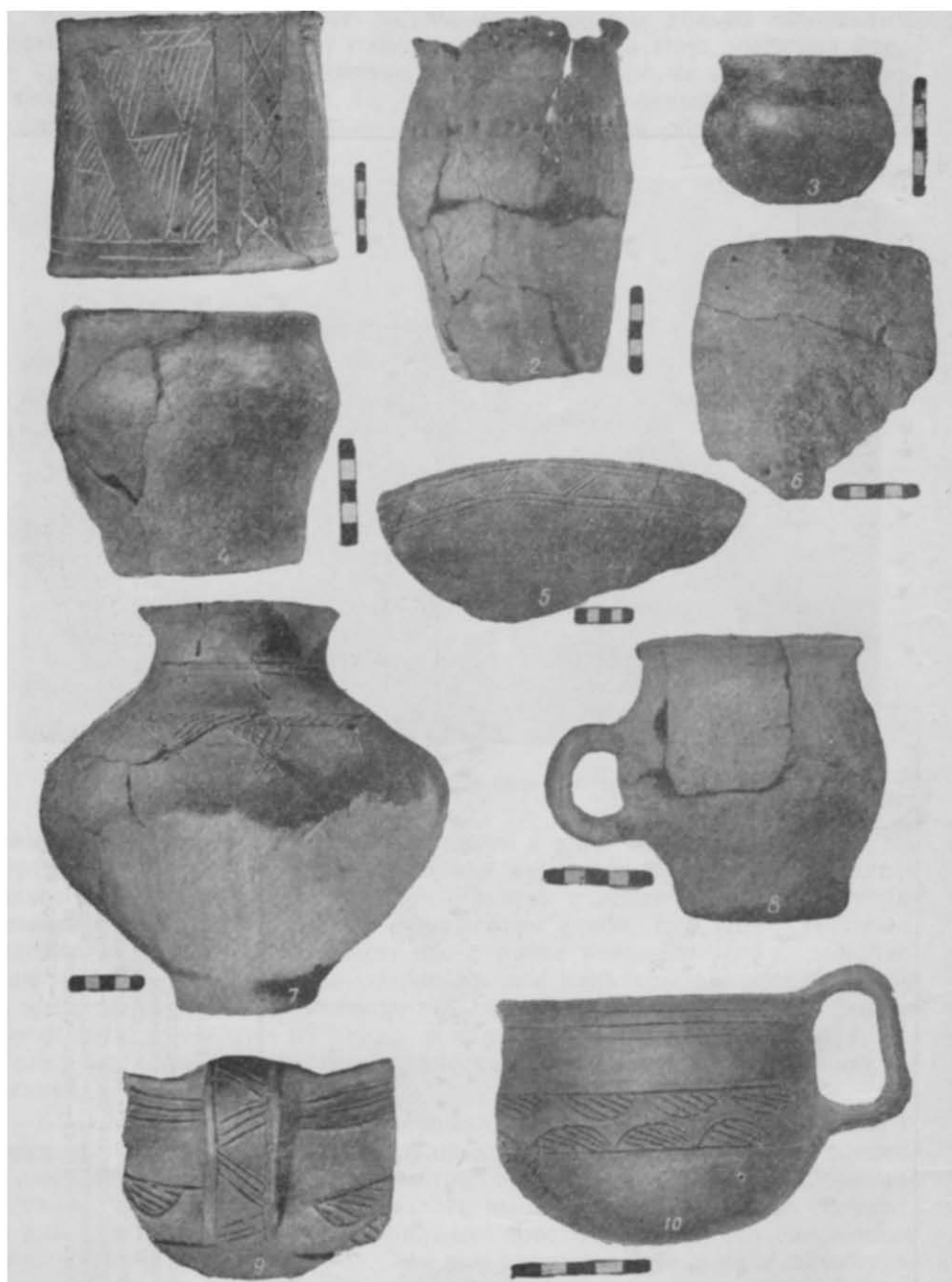

Табл. I. Керамика с поселения у подножья Московской горы.

1 — цилиндрический сосуд; 2 — простой сосуд; 3 — чернолощеный кубок; 4 — залощенный сосуд с выпуклыми боками; 5, 6 — обломки мисок; 7 — узкогорлый сосуд черного цвета; 8 — кружка; 9 — обломок черпака; 10 — реконструкция того же черпака.

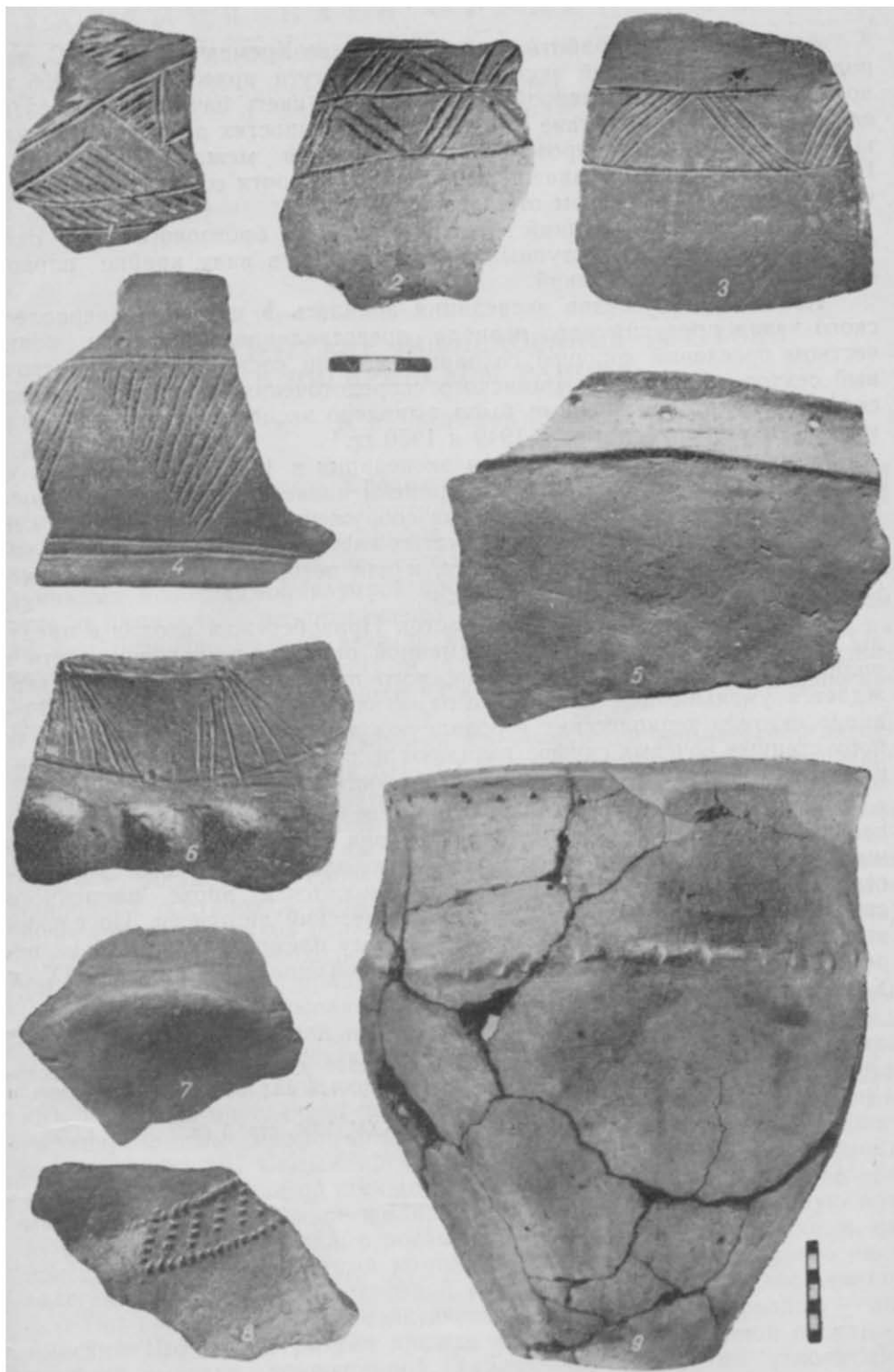

Табл. II. Керамика с поселения у подножья Московской горы.

1, 2 — обломки кубкообразных сосудов; 3 — стенка сосуда; 4 — обломок цилиндрического сосуда; 5 — обломок миски; 6 — обломок сосуда с налепами; 7 — обломок чернолощеного сосуда виллановского типа с большим налепом; 8 — обломок сосуда с выпуклиной; 9 — простой сосуд.

Археологические работы на строительстве Кременчугской ГЭС, выполненные комплексной экспедицией Института археологии в 1956 г., носили характер углубленной разведки. В их свете начало складываться представление о составе и основных особенностях древних памятников на территории днепровского Правобережья между Чигирином и Ново-Георгиевском, остававшейся до сих пор почти совершенно не изученной в археологическом отношении.

Эпоха энеолита, ранний и средний периоды бронзового века оказались здесь трудно доступными для изучения в виду крайне плохой сохранности мест поселений.

Наибольших успехов экспедиция добилась в изучении чернолесского этапа предскифского периода, представленного большим количеством поселений хорошей сохранности. Они составляют юго-восточный сектор обширного тясминского сосредоточения городищ чернолесской поры, которое впервые было выявлено экспедиционными работами Института археологии в 1949 и 1950 гг.¹

Самым важным достижением экспедиции в 1956 г. в вопросе изучения памятников чернолесского времени является открытие основных приемов устройства оборонительных сооружений, воздвигавшихся, как выяснилось, в виде стен из бревенчатых клетей, что имеет большое значение и для истории фортификации, и для истории деревянного зодчества вообще.

В чернолесское время этот участок Правобережья входил в пределы густо заселенной большой племенной округи, пришедшей почти в полное запустение с началом скифского периода. Последнее подтверждается уменьшением количества памятников VI—III вв. до н. э. Очевидно, жители чернолесских городищ под давлением усилившихся в ту пору степных кочевых скифов покидают издавна обжитые места и начинают отодвигаться к северу, в глубь Лесостепи.

Другим важнейшим результатом экспедиции явилось открытие ранее неизвестного в науке большого района древнеславянских поселений, предшествовавших по времени образованию Киевского государства. Поселения, обнаруженные здесь, относятся к эпохе племенного строя, память о которой нам сохранил киевский летописец. Поселения эти, несомненно, принадлежали славянскому племени уличей до их переселения с Днестра к Днестру, которое произошло на рубеже IX и X вв.²

¹ О. І. Тереножкін, Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області, Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 117 сл.; его же, Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, стр. 80 сл.

² Б. А. Рыбаков, Уличи, КСИИМК, в. XXXV, 1950, стр. 3 сл.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1956 ГОДА В ЧИГИРИНСКОМ РАЙОНЕ

В. Н. ДАНИЛЕНКО

Правобережная часть Среднего Поднепровья и примыкающий к нему бассейн Тясмина в отношении памятников первобытнообщинной эпохи исследованы все еще крайне недостаточно. Это касается даже курганов бронзового века, исследованных здесь до революции и не получивших необходимой научной проработки. Еще меньше было известно о памятниках неолитического времени, а сведения о следующем за ним периоде—медном веке до недавнего времени основывались на случайных находках. Поэтому понятны и особый интерес к памятникам первобытнообщинной эпохи на этой территории, и их большое научное значение.

Отряд первобытной археологии Кременчугской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР¹ в 1956 г. проводил свою раскопочную и разведочную деятельность в основном на территории Чигиринского района, Черкасской области. В качестве опорной базы были избраны в притясминской части района с. Новоселица, а в приднепровской—с. Адамовка. Условия работы, определявшиеся своеобразием природной обстановки, а также характер обнаруженных здесь археологических памятников оказались в значительной степени различными, что и определяет необходимость рассматривать в отдельности памятники притясминской и приднепровской частей района.

Работы у с. Нозоселицы, куда мы прибыли по следам разведки А. И. Тереножкина, были начаты еще в 1955 г. Главным объектом раскопок явились здесь остатки древнего поселения в урочище Молюхов Бугор (древнее песчаное островное образование в дельте р. Полудневки). Как было определено еще в 1955 г., Молюхов Бугор оказался стратифицированным местонахождением, имевшим остатки, относящиеся к трем периодам. Самым древним является неолитический горизонт, залегающий в буровой песчанистой ископаемой почве. За ним во времени следуют углубленное жилище, впущенное сквозь ископаемую почву в толщу речного песка, относящееся к середине медного века, и, наконец, обширный жилищный комплекс позднего периода медного века, залегающий в основании покровной песчанистой гумусированной толщи.

Тип культуры позднелинитического времени своеобразный—тясминский. Его характеризуют прежде всего остатки глиняной посуды—хорошей выделки, тонкостенной, украшенной сложными угловатыми линейными композициями, врезанными и проглаженными, а также горизонтальными рядами из отпечатков мелкозубчатого гребенчатого

¹ В работе отряда, кроме автора, принимали участие научные сотрудники О. Г. Шапошникова, С. С. Березанская и непродолжительное время Р. И. Ветштейн.

штампа (рис. 1, 1—3). Одни из образцов этой посуды находят аналогии в находках из района Киева¹, а другие (с линейнопроглаженным орнаментом) — в находках Бугского бассейна². Кремневый инвентарь, включающий микролитические нуклеусы, пластинки, округлые скребки, трапецию с ретушированной спинкой (рис. 1, 5—9), «степного» характера, и распространение его в лесостепной полосе, несомненно, обусловлено южными связями.

Слой, относящийся к середине медного века, представлен в основном остатками упоминавшегося выше углубленного жилища. С наи-

Рис. 1. Инвентарь из неолитического слоя поселения Молухов Бугор.

большей определенностью оно прослеживалось по пятну темного заполнения, достигавшего в длину 6 м, в ширину 2 м и имевшего мощность в центральной части более 0,5 м. Учитывая, что часть контура жилья, приходившаяся на гумусированный горизонт, не прослеживалась, следует предполагать его несколько большие размеры. Жилище могло достигать 6,5—7 м в длину и 3 м в ширину, будучи углубленным в средней части до 0,7 м.

Следов очага в этом жилище не оказалось, что вместе с обилием находок костей водоплавающей птицы и речной черепахи свидетельствует о связи данного комплекса с пребыванием здесь человека в период весенне-летнего сезона.

Среди находок оказалось большое количество фрагментированной посуды, а также костей животных: из домашних — коня, быка, овцы, козы, свиньи; из диких — оленя, медведя, бобра, черепахи, водоплавающей птицы. Встречались также раковины *Unio*. Из других находок следует назвать обломок роговой мотыги, целый экземпляр и фрагмент изогнутых ножей из клыка кабана (табл. 1, 3, 6), а также фрагмент сосуда поры расцвета трипольской культуры.

Основным, очень характерным типом посуды являются плечистые остродонные горшки с высоким цилиндрическим, иногда слегка отогнутым венчиком. В составе керамической массы, как правило, имеется примесь толченых раковин и мелкий песок; цвет ее — светло-серый. Поверхности стенок сначала обрабатывались зубчатым инструментом, а

¹В. М. Даниленко, Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., АП, т. VI, К., 1956, стр. 172—179; О. Г. Шапошнікова, Пам'ятки неоліту та трипольської культури в районі Києва, Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 138—142; Д. Я. Телегін, Неолітичні пам'ятки Києва та його околиць, Вісник АН УРСР, 1956, № 3, стр. 42—46.

²В. М. Даниленко, Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бугу, Археологія, т. X, К., 1956, стр. 36—49.

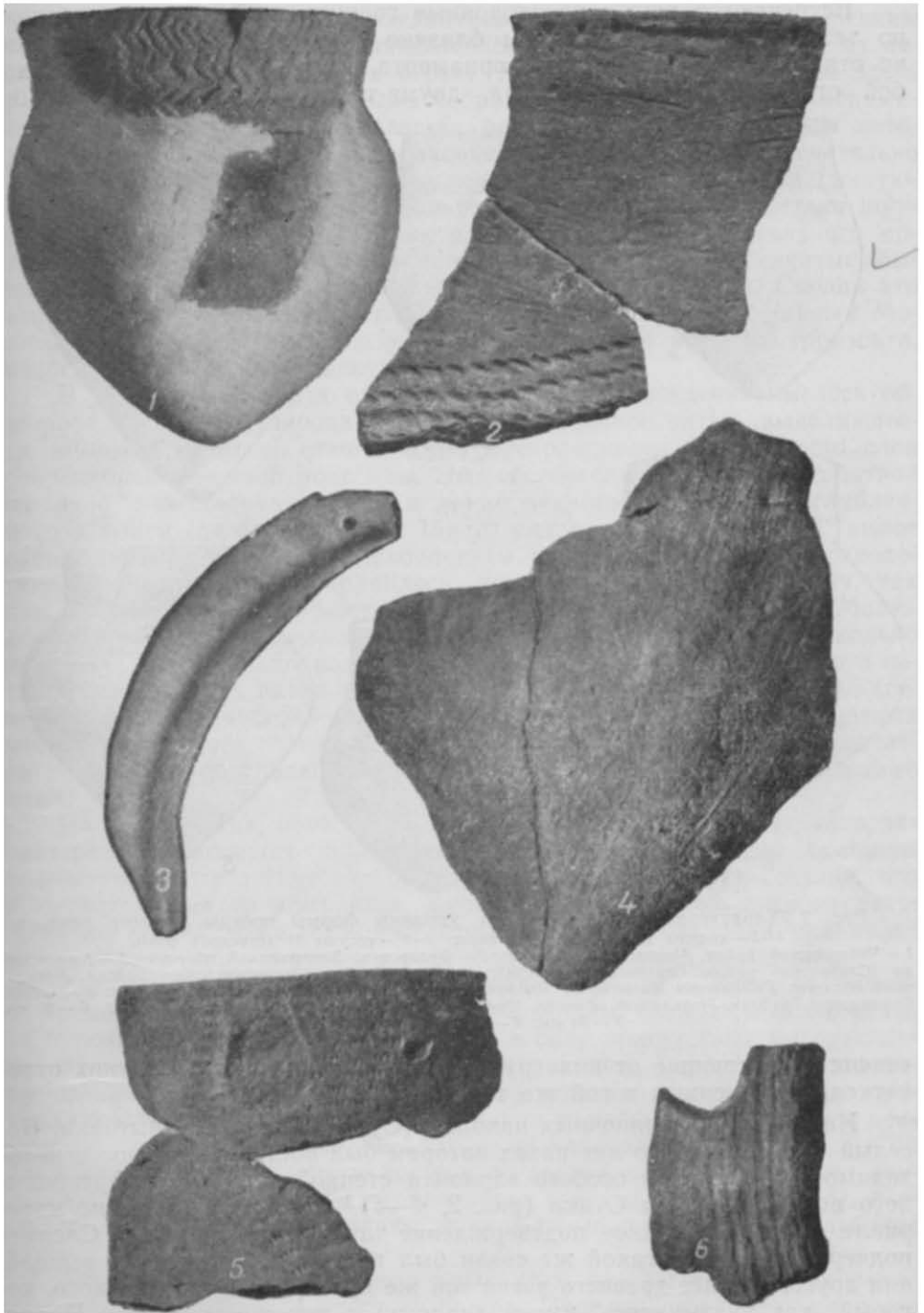

Табл. I. Молухов Бугор. Инвентарь из землянки среднего периода медного века.
1, 2, 4, 5 — образцы керамики; 3 — нож из клыка кабана; 6 — обломок мотыги.

затем сглаживались, иногда до легкого поблескивания. Орнамент занимает весь венчик и верхнюю часть плечиков. Представлен он в основном елочно-гусеничными зональными композициями (табл. I, 1, 4, 5).

Встречаются также плоскодонные горшки, подобные трипольским, по технологическим признакам близкие к описанным выше сосудам, но отличающиеся характером орнамента. Последний представляет собой отпечатки простого шнура, двумя-тремя рядами опоясывающие

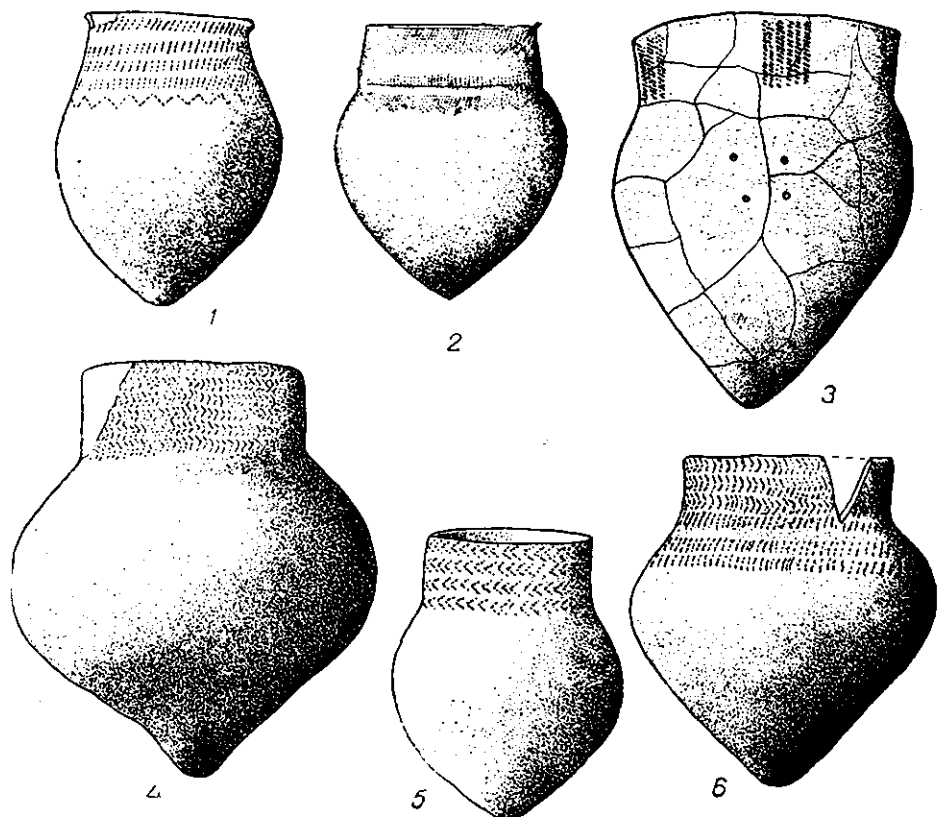

Рис. 2. Характерные для Лесостепи Украины формы посуды медного века.

1—3 — сосуды I (чигиринской) фазы; 4—6 — сосуды II (сунской) фазы.

1 — Чигиринский район, Черкасской области; 2 — Федоровка, Запорожской области; 3 — Миневский яр (Славянский район, Сталинской области); 4 — Веселый Кут, Звенигородского района, Черкасской области; 5 — Мокрая Калыгирка, Мокрокалыгирского района, Черкасской области; 6 — Сунка, Смелянского района, Черкасской области. Приблизительная высота сосудов: 1—10 см, 2, 6—20 см, 3—50 см, 4—25 см, 5 — неизвестна.

венчик и свисающие от них группы косо поставленных коротких отпечатков, исполненных в той же технике (табл. I, 2).

На основании одиночных находок (Сунка, Мокрая Калыгирка, Веселый Кут) несколько лет назад автором был поставлен вопрос о необходимости выделения особого варианта степной культуры додревнеянного возраста — типа Сунка (рис. 2, 4—6)¹. В описанном выше материале мы видим полное подтверждение такой необходимости. Следует подчеркнуть, что в такой же связи был поставлен вопрос и о выделении другого, более древнего звена той же культуры — чигиринского, который, как указывалось, имеет аналогии в порожиистой части Поднепровья, на нижнем Днепре и на Донце (рис. 2, 1—3)².

¹ В. Н. Даниленко, К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе, КСИИ, в. 2, К., 1953, стр. 81—83; его же, О ранних звеньях развития восточноевропейских степных культур шнуровой керамики, КСИИ, в. 4, К., 1955, стр. 126—128.

² См. там же.

Подтверждением последней мысли является открытие во время работ отряда в 1956 г. нового местонахождения, давшего однородные керамические находки того же чигиринского типа.

Речь идет об урочище Тетянчино, также являющемся древним островным образованием. Находится оно на расстоянии 0,7 км от левого устья р. Полудневки, на берегу Тясмина. Культурный слой здесь распахан; на поверхности было собрано большое количество керамических обломков, принадлежавших различным сосудам, формы которых сводятся к нескольким разновидностям глубоких, исключительно остродонных горшков с высокими венчиками, незначительно варьирующимися по профилю. Чрезвычайно характерно полное отсутствие шнуrowого или даже хронологически его предвещающего гусеничного орнамента. Определяющими являются зональные елочно-гребенчатые композиции, занимающие венчик и верхнюю часть плечиков. Сделав это необходимое отступление, возвращаемся к рассмотрению данных Молюхова Бугра — к описанию культурных остатков верхнего горизонта, относящегося к медному веку.

В верхнем горизонте описываемого местонахождения имелось обширное сильно гумусированное подпрямоугольное пятно, выделявшееся темным цветом на фоне слабо гумусированного светло-серого слоя современной песчаной подпочвы. Это обстоятельство делает вероятной мысль о существовании здесь в конце медного века слегка углубленного в почву (не более чем на 15—20 см) наземного жилища. Темное пятно, характеризовавшееся скоплением большого количества археологического материала, сохранилось, возможно, лишь наполовину, так как, по свидетельствам местных жителей, северная оконечность Молюхова Бугра, где находилась сохранившаяся часть комплекса, несколько лет назад была сильно подмыта разлившимся Тясмином. Однако и сохранившаяся часть пятна значительна по размерам: площадь ее 15 (север — юг) × 12 (восток — запад) м, что вместе с наличием в разных местах следов трех очагов позволяет предположить здесь скорее остатки нескольких обособленных небольших жилищ, чем одного большого дома.

Площадь пятна, помимо обычного археологического материала, характеристика которого приводится ниже, была насыщена большим количеством остеологических остатков, примерно того же состава, что и происходящие из комплекса, датированного серединой медного века. Наличие костей водоплавающей птицы и речной черепахи указывает на весенне-летнюю приуроченность и этого горизонта памятника.

Керамические фрагменты, происходящие из этого слоя, отличаются прежде всего по технологическим признакам. Сосуды изготовлялись из буровой массы, заметно пористой в силу присутствия выгорающего органического вещества и толченых раковин. Характерно полосчатое сглаживание поверхностей сосудов. Среди керамических форм преобладают плечистые остродонные горшки с неизменно высокими венчиками, отличающимися в деталях профилировки (табл. II, 1, 2). За ними следуют плоскодонные горшки со сравнительно невысокими венчиками, наподобие кухонных трипольских сосудов (табл. II, 3—8). Малочисленную группу составляют миниатюрные плоскодонные глубокие чашки.

Типичной чертой орнаментальных схем посуды является широкое использование оттисков простого шнура. Практикуется довольно часто также украшение оттисками различных штампов — гусеничного, прямого, накольчатого и др.

Орнамент сосредоточивается только в верхней части сосудов. В наиболее полном виде композиция включает горизонтальный ряд ниже среза венчика, несколько рядов по горлу, и ниже — уже по плечикам — ряд в виде ломаной линии или в виде системы петельчатых оттисков.

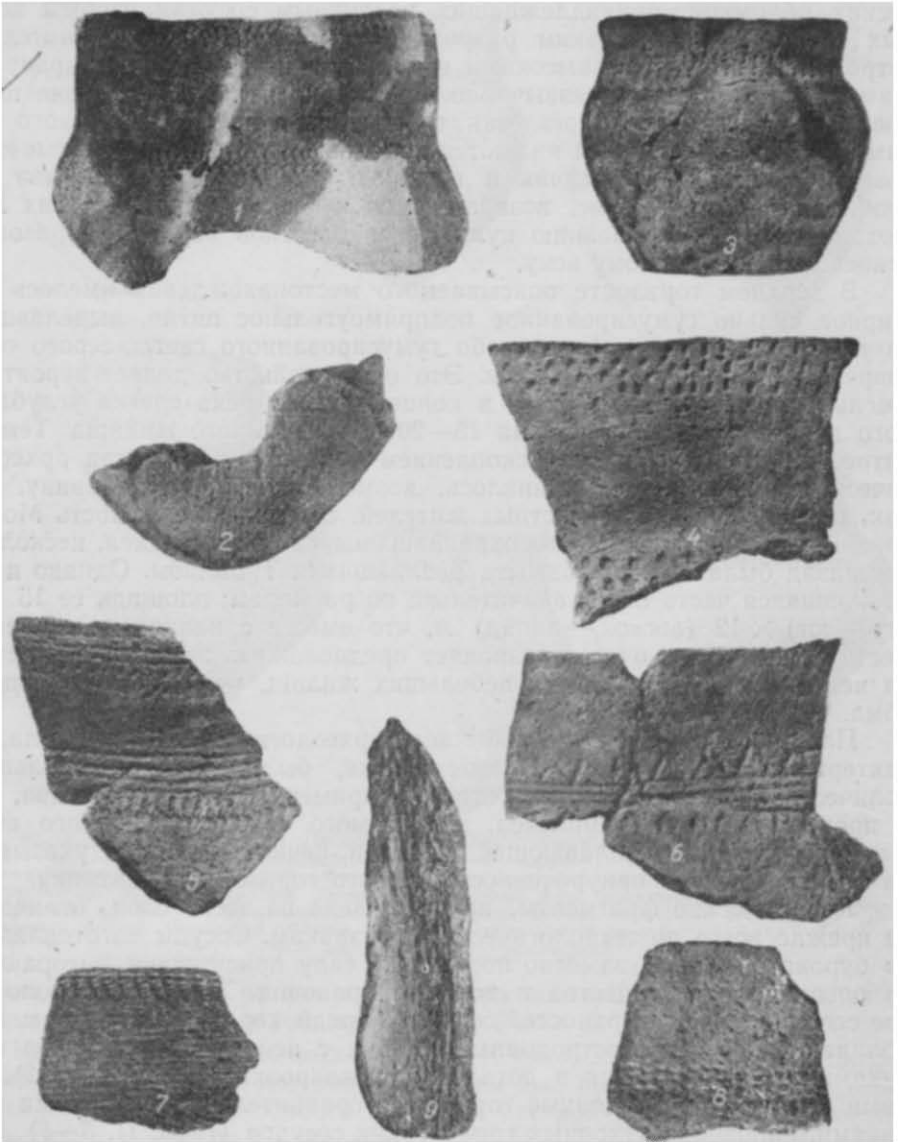

Таблица II. Молюхов Бугор. Инвентарь из комплекса позднего периода
медного века.

1 — 8 — образцы посуды; 9 — часть роговой мотыги.

Значение важного датирующего момента имеют находки фрагментов привозных трипольских сосудов — широко открытой чаши, биконического сосуда и др., которые по системе Т. С. Пассек могут быть отнесены к этапу С1.

Из других находок, происходящих из этого слоя, следует назвать несколько треугольных кремневых наконечников стрел, обушковую часть боевого топора, а также обломок роговой мотыги и долотца.

Из приведенной выше характеристики обоих комплексов медного века с Молюхова Бугра можно заключить, что они оставлены пастушеским населением, занимавшимся в долине Тясмина выпасом скота,

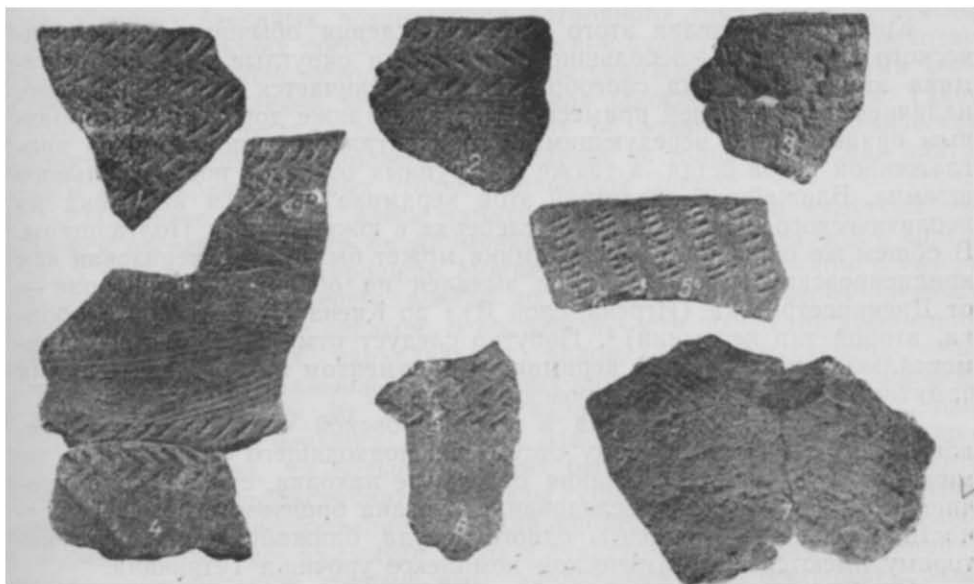

Рис. 3. Образцы керамики из урочища Тетянчина (ранний период медного века).

до известной степени земледелием и в большей мере — приречной охотой. В целом же оба горизонта должны быть связаны с временными, летне-весенними пастушескими стойбищами.

В свое время мы уже указывали на то, что в медном веке (точнее — в додревнеянное время) бассейн Тясмина в культурно-хозяйственном отношении тяготел не к трипольской, а к степной области¹. Раскопки на Молюховом Бугре и сборы в урочище Тетянчино подтверждают правильность этой мысли, что позволяет ставить вопрос о существовании в бассейне Тясмина и на соседних территориях Поднепровья особого типа древней культуры — чигиринской (рис. 3, 1—7).

Несколько в иных, значительно более сложных условиях протекала работа отряда в приднепровской части Чигиринского района. Наши обследования песчаных возвышенностей борového и надпойменного уровней в обширной долине Днепра привели к выводу о том, что поверхность их сильно развеена в позднейшее время и что здесь встречаются лишь разрозненные вещи различных эпох — от раннего неолита до раннего железного века. Именно это обстоятельство и побудило нас вести работы в непосредственной близости от сохраняющихся здесь заболоченных стариц, а также по краю коренного правого берега Днепра.

Остатки неолитической эпохи приднепровской части района сосре-

¹ В. Н. Даниленко, К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе, стр. 82; его же, О ранних звеньях развития восточно-европейских степных культур шнуровой керамики, стр. 127—128.

доточены в двух различных зонах днепровской надпоймы. На обширных высоких всхолмлениях борového уровня встречались сильно разрушенные в результате развеивания стоянки ранне-неолитического возраста (на окраинах сел Адамовки и Рацево), а на склонах надпоймы, находящихся близ стариц, отмечались следы небольших поселений поздне-неолитического возраста (например, урочище «Грузьке» в районе Адамовки). Более подробной характеристики заслуживают лишь более поздние местонахождения. Так, например, в урочище «Грузьке» бедный неолитический горизонт залегал в буроватой песчаной ископаемой почве (над светлым песком) и ниже современного почвенного покрова.

Кремневые изделия этого местонахождения обычного микролитического характера — небольшие пластинки и округлые скребки. Керамика этого памятника своеобразна. Она отличается тонкостенностью, наличием растительной примеси в массе, а также довольно своеобразным орнаментом — чередующимися горизонтальными полосами из проглаженной косой сетки, а также из крупных оттисков подтреугольного штампа. Ближайшей аналогией этой керамике является керамика из неолитического поселения у с. Келеберда в южной части Полтавщины. В общем же описанный тип керамики может быть охарактеризован как приднепровский лесостепной; он выявлен на обширной территории — от Днепропетровска (Игрень, слой Д) ¹ до Киева (Никольская слободка, второй тип керамики) ². Попутно следует отметить сходство орнаментальных мотивов этой керамики с орнаментом поздне-неолитических памятников приазовско-днепровских степей ³.

Памятники медного века в приднепровской части района исследовать нам не удалось ввиду отсутствия подходящего объекта. Тем не менее заслуживают упоминания отдельные находки, сделанные в урочище «Магдівське» при исследовании кургана бронзового века. В частности, интересны фрагменты одного сосуда, ближайшие аналогии которых имеются в керамическом комплексе урочища Тетянчина.

Поселения ранней и средней поры бронзового века в приднепровской части района находятся в тех же топографических условиях, что и поселения позднего неолита, — на небольших песчаных образованиях островного типа близ стариц. Такие пункты открыты в целом ряде мест (сс. Бужин, Тарасовка, Адамовка, Рацево и др.). Большинство памятников этого времени сильно попорчено в результате развеивания и для стационарных раскопок не подходит. Однако в отдельных случаях, например в урочищах «Чамайданівка» и «Солонія», близ Адамовки и в других местах, удавалось уловить обрывки слоя с залеганием материала *in situ*. Ниже почвенного покрова встречались типичные остатки дребнеяного возраста, а в основании этого слоя — материалы так называемой позднекатакомбной культуры с керамикой, украшенной елочным валиковым орнаментом.

Самым значительным памятником среднего периода бронзового века, исследованным в этой части Чигиринщины, несомненно, является бывший едва приметным курган в урочище «Магдівське», на южной окраине Адамовки. В нем было открыто 15 погребений катакомбного времени и два впускных бедных скифских погребения V—IV вв. до н. э. Большой интерес представляют погребения бронзового века. Некоторые

¹ А. В. Добровольський, Восьма Ігрінська неолітична стоянка, АП, т. II, К., 1949, стр. 243—254.

² О. Г. Шапошнікова, Пам'ятки неоліту та трипільської культури в районі Києва, стр. 199.

³ А. В. Добровольський, Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрелістану р. 1927, Збірник Дніпропетровського історико-краєзнавчого музею, I, Дніпропетровськ, 1929, стр. 120—140; М. Я. Рудинський, Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень в межах УРСР, Антропологія, III, К., 1931, стр. 156—161, рис. 3—7.

из них сопровождалась сосудами, в двух случаях — обычными плоскодонными горшками катакомбного типа, несущими следы грубоватых расчесов, в одном — плечистым плоскодонным горшком, сплошь украшенным елочными рядами оттисков гусеничного штампа. Особый интерес представляют групповые захоронения: в одном случае мужчины, женщины и младенца, в другом — захоронение младенца, непосредственно выше которого находился скелет взрослого человека, вероятно женщины. Можно думать, что захоронения этого типа должны были возникать в условиях господства моногамной патриархальной семьи.

Заслуживают внимания и результаты изучения памятников чернолесского типа. Здесь, в различных местах обширной долины Днепра, на обычных песчаных возвышениях островного типа были встречены следы 10 небольших поселений чернолесской культуры, давших находки типичной керамики, которые изредка сопровождалась остатками очагов в виде скоплений угольков и кусков обожженного камня. Такие поселения убедительно свидетельствуют об очевидной экономической заинтересованности чернолесского населения не только в склонах плато, но и в обширных луговых угодьях надпоймы Днепра.

Наиболее важным здесь памятником чернолесской культуры является поселение к югу от Адамовки, расположенное на мысу коренного берега Днепра (урочище Монастырище), ограниченном с севера участком коренного берега длиной до 200 м, а с юга, через интервал до 100 м, — глубоким оврагом. В восточной части поселения зафиксированы остатки двух параллельных валов, перехватывающих перешеек мыса. В центральной части открыт крупный зольник округлой формы диаметром до 40 м, а к западу от него — другой зольник значительно меньших размеров. На обоих зольниках нами проложены траншеи, на большем из них был вскрыт один из секторов. Здесь удалось зафиксировать две фазы существования памятника. Первая фаза его существования отвечала процессу образования округлого холма, состоявшего из гумуса, золы и культурных остатков, а вторая — бытованию большой круглой ямы, эпизодически заполнявшейся большим количеством сгоравшего здесь же древесного горючего, а также типичными для этого времени бытовыми остатками.

Тип культуры Адамовского поселения хорошо определяется составом археологических находок. Набор посуды характерный — так называемые тюльпановидные сосуды, украшенные расчлененным валиком на плечике и проколами ниже среза венчика, чернолесские кувшинообразные сосуды, ковши и пр. Из других находок этого типа выделяется часть плечистого сосуда, украшенного сложной композицией в виде косой сетки, состоящей из оттисков гребенчатого и круглого штампов. Чернолесский характер культуры подтверждается и находкой части глиняной формы, предназначавшейся для отливки массивного «проволочного» бронзового браслета. Очень интересна находка костяного псаля, имитирующего соответствующую раннегалльштатскую форму.

Из других находок чернолесской культуры следует назвать клад из урочища Стинки, близ с. Красноселье. Клад был найден еще в 1955 г. и зафиксировать его удалось лишь частично. Он включал обычные выпуклые бронзовые пуговицы нескольких размеров, парные бляшки из бронзового листа и т. п. Следует подчеркнуть первую для чернолесской культуры находку золота — пары круглых массивных височных колец с заходящими утоншенными концами.

В ходе работ отряда, кроме памятников первобытной культуры, были открыты и более поздние. Из них следует назвать, например, раннеславянскую полуземлянку VI—VII в., открытую на Молюховом Бугре, а также обширное, несомненно подлежащее раскопкам черняховское поселение, занимающее значительный участок в с. Адамовке.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ с. БОЛЬШОЙ АНДРУСОВКИ НА ТЯСМИНЕ

Е. В. МАКСИМОВ, Е. А. ПЕТРОВСКАЯ

Территория нижнего течения Тясмина, составляющая окрестности сел Большая Андрусовка, Малая Андрусовка и Тясминка, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области, представляет собой широкую, не так давно еще сильно заболоченную пойму этой реки. Правый берег поймы, на котором расположены указанные села, имеет вид невысокой террасы, над которой возвышается черноземное плато. Высота плато достигает здесь нескольких десятков метров.

В археологическом отношении этот район изучался крайне недостаточно. Работами, проведенными за последнее время, здесь открыты многочисленные памятники различных эпох, начиная от неолита и до раннеславянского времени¹.

К неолитической эпохе относятся так называемые шлифовальни. Они представляют собой два продолговатых и одно круглое углубление на гладкой горизонтальной поверхности большой гранитной плиты, образовавшиеся в результате шлифовки каменных орудий. Плита с шлифовальнями расположена среди скальных выходов надпойменной террасы, близ колхозной овчарни в с. Тясминке.

В 1,5 км к северо-западу от Большой Андрусовки в урочище Каменоватое, на пойменных дюнах, достигающих здесь высоты 5 м, обнаружены фрагменты посуды поздне трипольского времени. Они находились в скоплениях площадью от 1 до 4 м² каждое, располагавшихся на расстоянии 6—10 м одно от другого. Черепки принадлежат тонкостенным острореберным горшкам, сделанным из хорошо отмученной глины без заметных примесей. Темно-коричневая поверхность горшков покрыта лощением. Венчик плавно отогнут наружу. Орнамент начинается в нижней части шейки и состоит из горизонтальных рядов отгисков веревочки, между которыми помещены круглые точечные розетки (табл. I, 5). Близкая по виду и орнаментации керамика известна из с. Олышанка, Ново-Архангельского района, Кировоградской области².

К памятникам эпохи меди-бронзы относятся следы нескольких поселений, находившихся в пойме реки, и курганы, расположенные на плато и исследованные путем раскопок.

Наиболее интересный материал этого времени найден в урочище Чаплин, у восточной окраины Большой Андрусовки. Урочище пред-

¹ Работы в окрестностях Большой Андрусовки в 1956 г. проводил отряд Кременчугской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в составе Е. В. Максимов, Е. А. Петровской, М. В. Кретович и П. Г. Прохоренко.

² Д. М. Щербакowskiй, Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний, АЛЮР, 1905, № 1-2, стр. 16.

ставляет собой холмистую возвышенность в пойме, близ русла реки, еще недавно являвшуюся островом. Длина острова 250 м, ширина 150 м. В восточной части урочища были найдены материалы главным образом катакомбного времени. Керамика представлена обломками горшков, которые не отличаются ни формой, ни элементами орнаментации от классических образцов катакомбной посуды (табл. I, 1)¹.

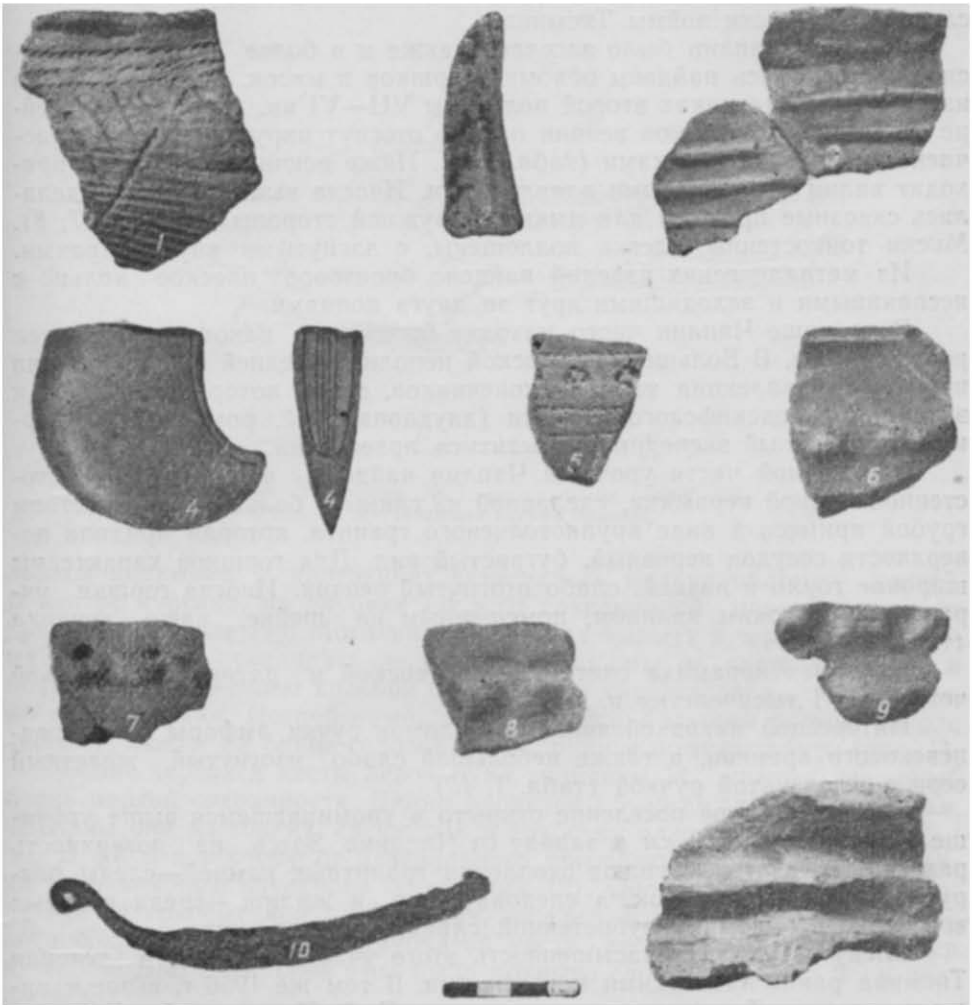

Табл. I. Предметы эпохи меди-бронзы (1—5), скифского (6—9) и раннеславянского времени (10, 11).

Кроме типично катакомбной, встречены фрагменты многоваликовой керамики—обломки горшков со слегка отогнутыми венчиками и прямыми стенками, сплошь покрытые рядами небольших горизонтальных, треугольных в сечении валиков (табл. I, 3). Аналогии им известны из поселения Бабино III (нижний Днепр)² и других мест, где они датируются позднекатакомбным временем.

Интересной находкой можно считать обломок лезвийной части

¹ Ср. В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года, Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. IX, 2.

² А. В. Добровольский, Поселение бронзового века Бабино III, КСИИ, в. 7, К., 1957, стр. 45.

шлифованного диоритового топора (табл. I, 4), аналогичного одному из топоров известного Бессарабского клада¹.

Следует еще упомянуть хорошей сохранности медный нож. Черенок ножа обломан, спинка прямая с небольшой выемкой, лезвие со следами сработанности плавно изогнуто к острому окончанию (табл. I, 2).

Следы поселений того же времени отмечены и в других местах исследованной части поймы Тясмина.

Урочище Чаплин было заселено также и в более позднее, скифское время. Здесь найдены обломки горшков и мисок, которые хорошо известны в памятниках второй половины VII—VI вв. до н. э. в бассейне Тясмина². У горшков венчик плавно отогнут наружу и иногда расчленен пальцевыми ямками (табл. I, 9). Ниже венчика, по шейке, проходит валик с пальцевыми вдавлениями. Иногда выше валика делались сквозные проколы или ямки с наружной стороны (табл. I, 7, 8). Миски тонкостенны, слегка подлощены, с загнутыми внутрь краями.

Из металлических изделий найдено бронзовое плоское кольцо с неспаянными и заходящими друг за друга концами.

В урочище Чаплин часто находят бронзовые наконечники стрел разных типов. В Большеандрусовской неполной средней школе собрана небольшая коллекция таких наконечников, среди которых оказался и экземпляр предскифского времени (двухлопастный, ромбовидной формы), переданный экспедиции Института археологии.

В западной части урочища Чаплин найдены фрагменты толстостенной лепной керамики, сделанной из глины с большим количеством грубой примеси в виде крупнотолченого гранита, которая придавала поверхности сосудов неровный, бугристый вид. Для горшков характерны широкое горло и низкий, слабо отогнутый венчик. Иногда горшки украшались высоким валиком, помещенным на шейке, ниже венчика (табл. I, 11).

Подобная керамика считается славянской и датируется третьей четвертью I тысячелетия н. э.

Интересной находкой является обломок ручки амфоры раннесредневекового времени, а также небольшой слабо изогнутый железный серп с петельчатой ручкой (табл. I, 10).

Еще одно такое поселение открыто в упоминавшемся выше урочище Каменоватое, в 3 км к западу от Чаплина. Здесь на поверхность разветвленных дюн выступают скопления гранитных камней—следы разрушенных печей-каменок, а следовательно, и жилищ,—среди которых встречались обломки грубостенной славянской керамики.

Следует отметить насыщенность этого участка нижнего течения Тясмина раннеславянскими поселениями. В том же 1956 г. выше и ниже по течению Тясмина отряды во главе с Е. Ф. Покровской и Д. Т. Березовцом, входившие в состав Кременчугской комплексной экспедиции, исследовали поселения, находившиеся в точно таких же топографических условиях. Среди вещественного материала этих поселений, помимо толстостенной грубой посуды, встречены кружальная керамика и фибулы, позволяющие датировать эти памятники временем VI—VIII вв. н. э.

На западной окраине Большой Андрусовки на плато находятся сильно распаханные курганы. Эта местность составляет теперь территорию нового села, где, в связи с переселением с затопляемых Кремен-

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Бессарабский клад, изд. ГИМ, М., 1949, стр. 16, табл. VIII, 1, XI, XVI.

² Е. Ф. Покровська, Поселения VIII—VI ст. до н. э. на Тясмині, Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 57, табл. IV, 1—5, М. И. Вязьмитина, Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской области, КСИА, в. 1, К., 1952, стр. 61.

чугским водохранилищем мест, ведется большое жилищное строительство. От могильника сохранились лишь три самых крупных насыпи, из них одна давно уже разрушена при постройке мельницы. Два оставшихся кургана были нами исследованы.

Курган № 1 имел высоту 1 м, диаметр 35 м. Насыпь состояла из чернозема. Погребенный грунт обнаружен на глубине 0,65—1,1 м (в центре кургана). В разных местах насыпи найдено несколько обломков

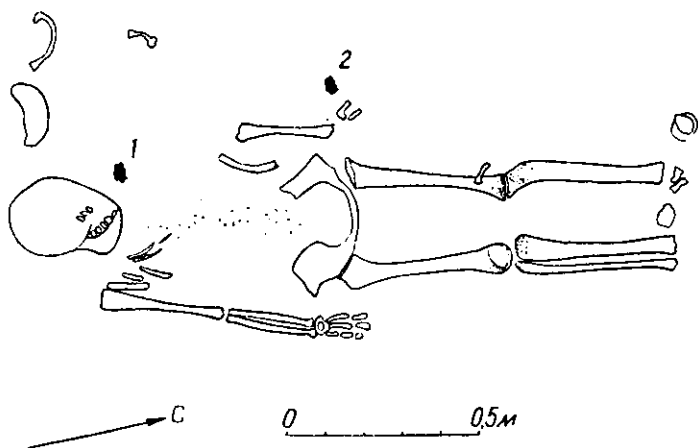

Рис. 1. Курган № 1, центральное погребение.
1, 2 — скопления медных пронизей.

лепной керамики. В кротовинах встречались мелкие обломки костей. В центре кургана, на глубине 1,6 м от современной поверхности, открыто погребение (1). Могильная яма была вырыта в черноземе, поэтому ее контуры проследить не удалось. Дно ямы на площади 1,2×2 м покрыто тонким слоем красной охры. Кости скелета окрашены, сохранность их плохая. Погребенный, отличавшийся большим ростом (около 180 см), лежал на спине головой на юг, руки и ноги вытянуты (рис. 1).

Возле черепа и кисти левой руки найдены 14 медных пронизей очень плохой сохранности. Длина пронизей 1,5—2 см, диаметр 3—4 мм. Сделаны они из тонких, свернутых в трубочку пластинок.

В 3,8 м к востоку от центрального погребения обнаружены остатки разрушенного впускного погребения (2). Оно находилось на глубине 1 м от современной поверхности, на уровне древней почвы. От скелета сохранился обломок трубчатой кости, несколько обломков ребер и черепа. Дно могильной ямы было покрыто слоем охры (до 2 см толщины).

В 7,8 м к югу от центра кургана находилось скорченное впускное погребение (3). Скелет обнаружен на глубине 0,65 м от современной поверхности, на уровне древней почвы. Кости хорошо сохранились. Погребенный лежал на левом боку, головой на запад. Дно могилы слабо окрашено красной охрой.

Черты погребального обряда позволяют датировать курган древнеямыми временем.

Курган № 2 находился в 650 м к юго-западу от первого кургана. Его высота достигала 1 м, диаметр 24 м. Насыпь состояла из чернозема, материк выявлен на глубине 1,35—1,55 м. В насыпи встречены обломки керамики раннего периода бронзового века.

В кургане обнаружены шесть погребений. Центральное погребение целиком разрушено. Дно могильной ямы находилось на глубине 2,2 м от уровня современной поверхности и на 0,65 м от уровня материка. Могильная яма была ориентирована с севера на юг.

Разрозненные и окрашенные красной охрой кости скелета найдены в засыпке могилы на различной высоте.

Так же плохо сохранились остатки еще трех погребений (1, 5, 6), находившихся в восточном поле кургана на уровне древней поверхности. Кости одного из этих погребений (5) были окрашены.

Лучшую сохранность имели впускные погребения 2 и 3. Скелет погребения 2 лежал на уровне древней поверхности (на глубине 1,35 м), в 6,5 м к юго-востоку от центра кургана, на спине, головой на север. Правая рука согнута в локте, левая вытянута вдоль туловища. Ноги

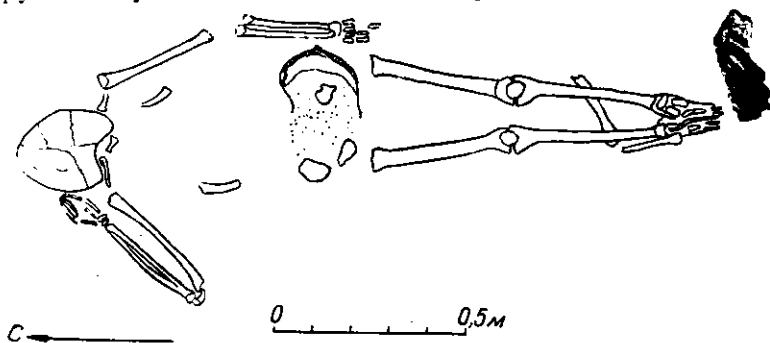

Рис. 2. Курган № 2, погребение 2.

вытянуты и соприкасались ступнями (рис. 2). Скелет погребения 3 находился на глубине 1,25 м от современной поверхности, на расстоянии 5,5 м к северо-востоку от центра кургана. Яма выкопана в черноземе, дно ее находилось на уровне лесса. Погребенный лежал на спине, головой на юг с небольшим отклонением к западу. Ноги согнуты коленями вверх. Кости, особенно череп, окрашены.

Курган № 2 может быть датирован также древнеямным временем.

Кроме разведочных работ и раскопок курганов, отряд произвел детальное обследование и начал раскопки известного уже в литературе городища у с. Тясминки¹.

А. И. Тереножкин, обследовавший его в 1950 г.², отнес городище к чернолесскому времени: к VIII—первой половине VII в. до н. э.

Городище площадью более 1 га расположено на левом берегу оврага, выходящего здесь в пойму р. Тясмина. По дну оврага протекает ручей. С трех сторон городище ограничено крутыми склонами оврага, а от плато оно отделено двойной линией искусственных укреплений, которые разделяют ровную покатуую площадку городища на две части: небольшое круглое, диаметром 60 м, северное укрепление и большее, трапециевидной формы южное укрепление (длина 100 м, ширина 50—90 м). Валы укреплений расплылись, а рвы заплыли; высота валов сейчас составляет 1,5 и 1,8 м, глубина рвов 1 и 1,3 м.

На берегах ручья, где располагалось поселение чернолесского времени, в 130 м к западу от городища³, были заложены шурфы, давшие, однако, немного материала.

У подножья городища и по его склонам интересные находки дали лишь два шурфа, расширенные затем в раскоп I площадью 130 м², расположенный к северу от городища.

Наиболее многочисленными были обломки простой и лощеной посуды. Простые горшки имеют слегка выпуклый корпус, плавно отог-

¹ В. И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии, кн. I, Херсон, 1903, стр. 18.

² А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, в. XLIII, 1952, стр. 84.

³ А. И. Тереножкин, ук. соч., стр. 84.

нутый наружу венчик. Край венчика обычно украшен сквозными проколами или косыми нарезками по срезу. На плечике расположен треугольный в сечении валик, расчлененный пальцевыми ямками или на-

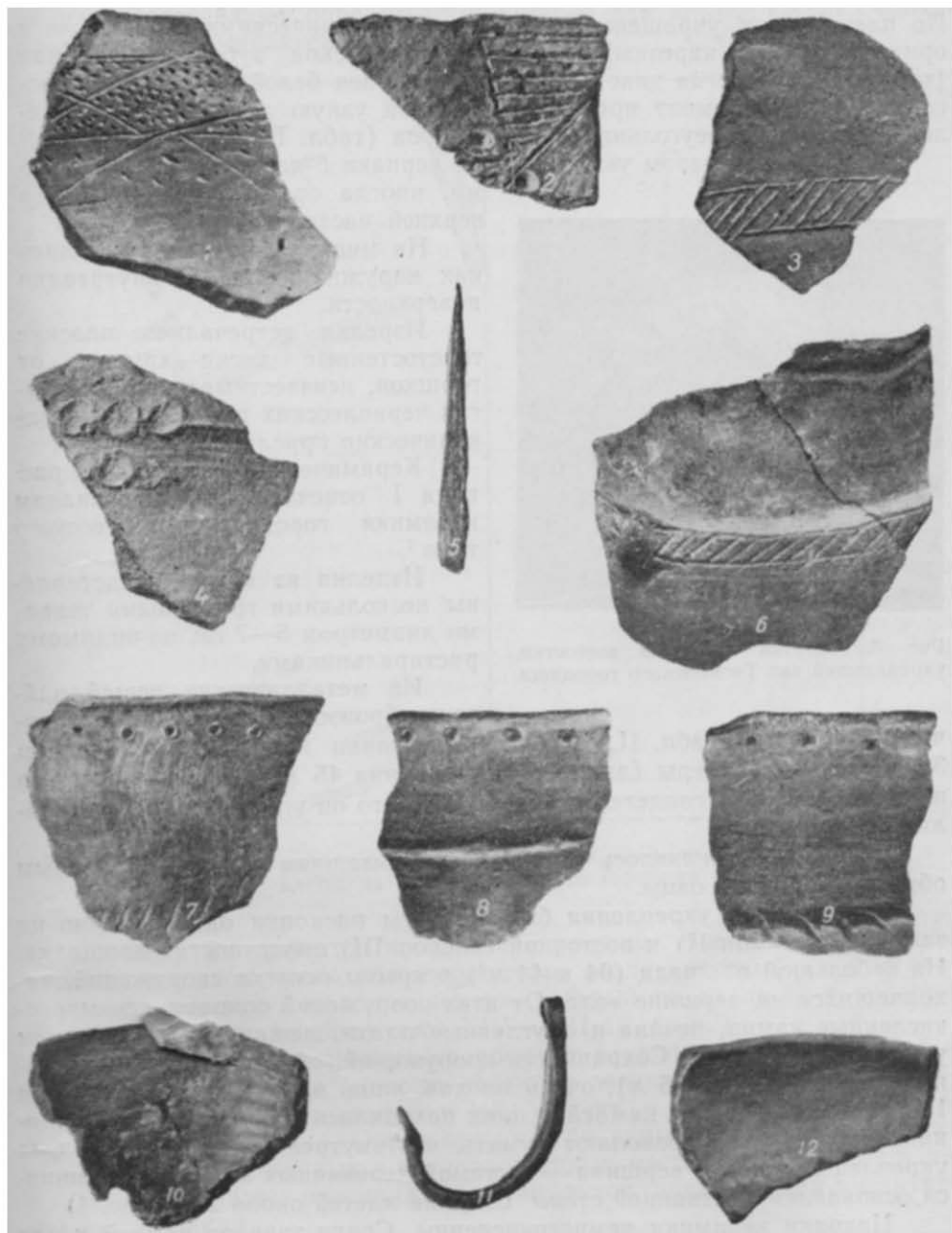

Табл. II. Предметы, найденные у подножья Тясминского городища.

резками (табл. II, 8, 9). Иногда горшки украшались двумя валиками, изредка вместо валика наносились косые нарезки или ямки (табл. II, 4, 7). Глубокие миски делались со слегка загнутыми внутрь или прямыми краями и не отличались формой или размерами от лощеных мисок (табл. II, 10, 12).

Обломков с лощением найдено меньше. Лощеная посуда изготов-

лялась из хорошо отмученной глины, цвет ее преимущественно коричневый, реже — черный. Она представлена горшками, черпаками и мисками. Для горшков, отличающихся крупными размерами, характерны сильно выпуклый корпус, маленькое дно и высокое коническое горло. По плечу они украшены тремя-четырьмя коническими отростками и орнаментом из нарезных линий или оттисков зубчатого штампа (табл. II, 6). Иногда такой орнамент заполнен белой известковой массой. Обычно орнамент представляет собой узкую ленту косых параллельных линий, треугольников или ромбов (табл. II, 1—3).

Подобным образом украшались и черпаки с характерными плоскими, иногда орнаментированными в верхней части ручками.

На мисках лощеными делались как наружная, так и внутренняя поверхности.

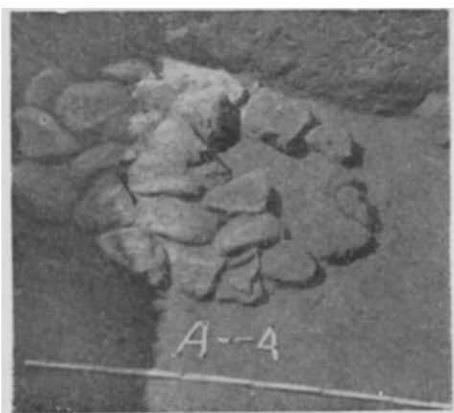
Иногда встречались плоские толстостенные диски—крышки от горшков, неизвестные пока на других черноморских памятниках, и биконические пряслица.

Керамический материал из раскопа I отвечает всем признакам керамики городищ черноморского типа¹.

Изделия из камня представлены несколькими гранитными шарами диаметром 5—7 см, по-видимому растиральниками.

Из металлических вещей найдены бронзовые рыболовный крючок

Рис. 3. Остатки каменной вымостки, укреплявшей вал Тясминского городища.

и проколка (табл. II, 5). Крючок выкован из пластины сечением 3×5 мм. Его размеры (длина 60 мм, ширина 45 мм), большое ушко и шип (табл. II, 11) свидетельствуют о том, что он употреблялся для ловли крупной рыбы.

В раскопе I оказалось много костей домашних животных, главным образом коровы и овцы.

На северном укреплении были начаты раскопки одновременно на западной (раскоп II) и восточной (раскоп III) оконечностях площадки. На небольшой площади (64 и 44 м²) вскрыты остатки сооружений, находившихся на вершине вала. От этих сооружений сохранились многочисленные камни, печина и обугленные плахи, лежащие под прямым углом друг к другу. Сохранность сооружений, обнаруженных неглубоко в земле (0,35—0,75 м), очень плохая, лишь в двух местах раскопа II небольшие участки камней и плах находились в нерушенном состоянии (рис. 3). Они позволяют думать, что внутренний склон вала был укреплен камнем, а вершина — системой деревянных клетей, являвшихся основанием деревянной стены. Ширина клетей около 2 м (рис. 4).

Находки керамики немногочисленны. Среди завалов камней и над клетями найдены фрагменты венчиков, стенок и днищ обычных кухонных горшков, подобных встреченным в раскопе I у подножья городища. В верхних штыках раскопа III обнаружен большой раздавленный лепной горшок известного из зарубинецких материалов типа.

¹ См. А. И. Тереножкин, Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье, сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 96—99; е г о ж е, Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області, Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 122—124.

На мысах плато, расположенных вблизи городища, найдены обломки чернолесской керамики.

Работы в окрестностях Большой Андрусовки показали густую насыщенность этого района археологическими памятниками. Некоторые из них представляют определенный интерес для исследователей эпохи бронзы и раннеславянского времени.

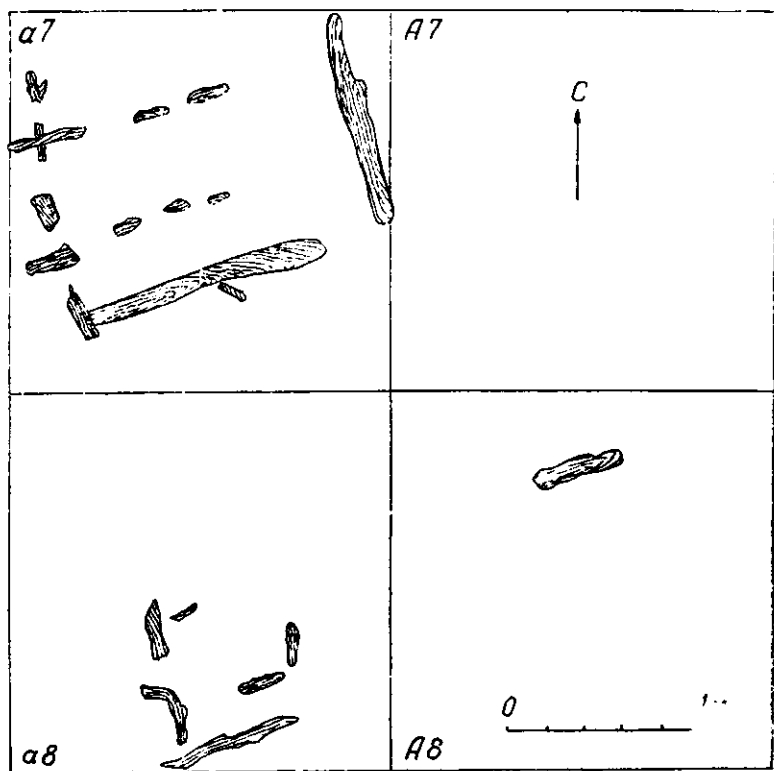

Рис. 4. План части раскопа II с остатками сожженных деревянных клеток на валу Тясминского городища.

К числу их относится поселение в урочище Чаплин, где найдены обломки горшков катакомбной культуры, позднекатакомбная многовазиковая керамика и обломок топора, который по аналогии с топором Бессарабского клада датируется XIV—XIII вв. до н. э.

Поселения раннеславянского времени в урочищах Каменоватое и Чаплин интересны тем, что они являются звеньями цепи многочисленных поселков, существовавших в VI—VIII вв. н. э. на островах болотистой поймы Тясмина. Обращает на себя внимание топография этих поселков, расположенных в труднодоступных местах, среди болот и лесов, что совпадает с описаниями жилищ антов, приводимыми византийскими историками.

Небольшие раскопки на Тясминском городище подтвердили отнесение этого памятника к чернолесскому времени. Раскопки обнаружили интересную систему укреплений городища, в которой заметную роль играли деревянные конструкции на валу. Выяснение особенностей этого памятника требует дальнейших, более широких его раскопок.

**РАСКОПКИ ОКОЛО СЕЛ КАЛАНТАЕВА И СТЕЦОВКИ
НА ТЯСМИНЕ в 1956 ГОДУ**

Е. Ф. ПОКРОВСКАЯ, Г. Т. КОВПАНЕНКО

В западном конце с. Калантаев, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области, находится небольшое городище чернолесского времени (VIII—VII вв. до н. э.), открытое в 1952 г. разведкой Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН УССР¹.

Городище расположено на высоком коренном правом берегу р. Тясмина при впадении в нее небольшого безымянного ручья, протекающего в широкой долине. С восточной стороны мыс городища ограничен молодым глубоким оврагом.

Летом 1956 г. отряд Кременчугской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР² произвел раскопки Калантаевского городища, имевшие целью уточнить время существования этого городища, находящегося под угрозой разрушения водами будущего Кременчугского водохранилища, и выяснить устройство его оборонительных сооружений.

Городище занимает небольшой по площади береговой мыс (40 × 55 м). С напольной (южной) стороны оно ограждено валом и ровом, мало заметными в настоящее время. Как выяснилось в результате раскопок, вал охватывал и все городище вкруговую. Следы древнего поселения прослеживаются к югу от городища, непосредственно за его ровом, и на соседних мысах к юго-западу и востоку (рис. 1).

Исследованию подвергалась восточная часть городища. Раскоп общей площадью в 380 м² был заложен вдоль всего восточного края мыса над обрывом и прорезал часть вала и ров. Траншея двухметровой ширины продолжила разрез вала и рва на 12 м к юго-востоку за пределы городища.

Ров, вырытый в лессовом материке, имел глубину до 4,25 м от современной поверхности поля. Ширина его верхней части равна 8 м, у дна—0,75 м. С напольной стороны стенка рва была почти отвесная, со стороны же вала—пологая. На дне рва обнаружены отдельные большие камни, попавшие сюда случайно, и среди них встречены обломки сосудов чернолесского времени и кости животных.

Вал с напольной стороны насыпан из смешанного с черноземом лесса, добытого из рва. Высота его над уровнем древней поверхности городища у юго-восточного края обрыва равнялась 1,3 м, у юго-западного края раскопа—0,55 м. От восточной, разрушенной обрывом

¹ А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, в. XLIII, 1952, стр. 86, рис. 6.

² В работе отряда принимали участие Е. Ф. Покровская (начальник отряда), Г. Т. Ковпаненко и Р. И. Ветштейн.

части вала сохранился лишь его западный, внутренний склон. В исследованной части вала на уровне древнего горизонта открыты остатки деревянного сооружения, срубленного из дубовых плах в виде клеток. Последние связаны между собой; они расположены вдоль вала, по которому эти остатки прослежены на протяжении 8 м. Длина клеток (поперек вала) 2,5 м, ширина колеблется от 0,75 до 1 м

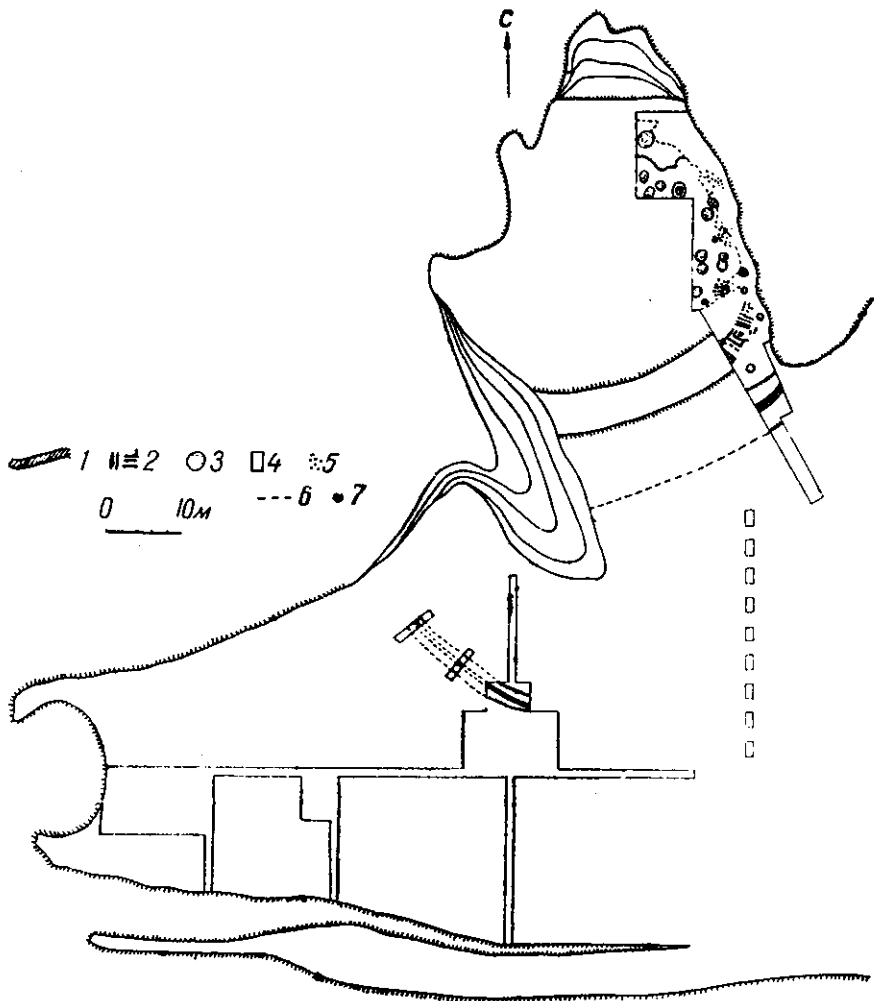

Рис. 1. План Калантаевского городища и мыса к юго-западу от него.
1 — дно рва; 2 — остатки деревянного сооружения; 3 — ямы; 4 — шурфы; 5 — скопления камней; 6 — внешний край вала; 7 — очаги.

(рис. 2). От них сохранилась лишь часть полуистлевших бревен, лежащих в один-два венца.

На внутренней стороне южной части вала по склону обнаружен завал камней. Отдельные россыпи камней были открыты также и на склонах вала у восточного и частично северного края мыса.

Площадь внутри городища, между валами, была заполнена слоем чернозема толщиной до 1,4 м, бедного культурными остатками. Последние были сосредоточены лишь у юго-восточной и восточной частей вала. У подошвы вала открыт под очага (площадью 1×1,5 м), выложенный из камней и черепков сосудов, со следами глиняной обмазки сверху (рис. 2). Рядом с очагом на склоне вала оказалось большое

скопление золы, среди которой встречены кости животных и черепки сосудов. Обломки сосудов принадлежали обычным для чернолесского времени кухонным горшкам с проколами под краем венчика и с поясом пальцевых ямок или валиком на плечиках, а также мискам (рис. 3, 1, 4). Интересны обломок глубокого черпака с гладкой желтоватой поверхностью и фрагмент чашки с широким плоским дном и почти прямыми стенками, найденные на дне рва (рис. 3, 2). Оба сосуда украшены резным орнаментом. На раскрытой площади внутри городища никаких следов жилых сооружений не обнаружено. Здесь были откры-

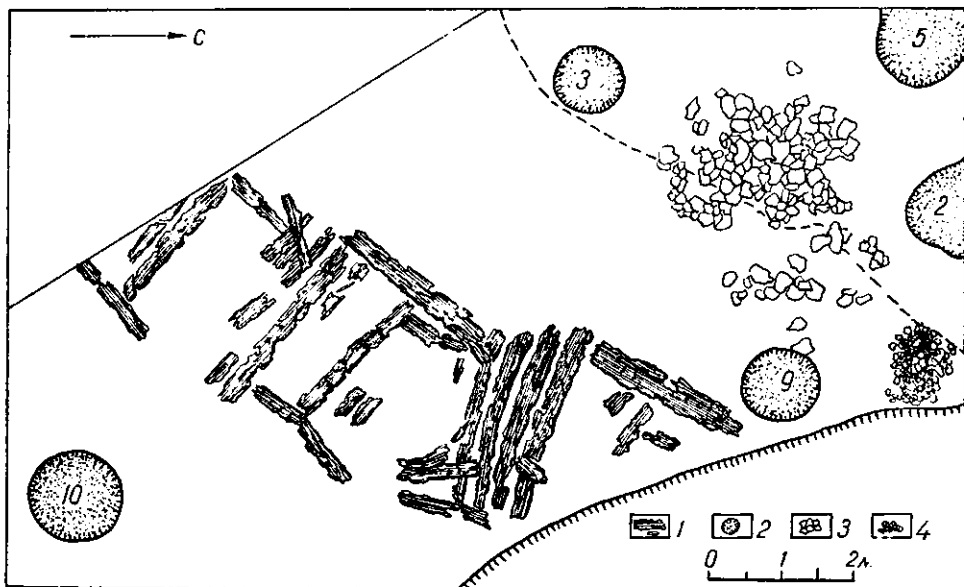

Рис. 2. Калантаевское городище. Остатки деревянного сооружения на валу.
1 — дерево; 2 — ямы; 3 — камни; 4 — под очага из камней и обломков сосудов.

ты 14 ям, округлых в плане и суженных ко дну (диаметр их от 1 до 2 м), впущенных в материковый лесс на глубину от 0,6 до 1,5 м. В ямах археологических находок не оказалось. Лишь в засыпке одной из них было найдено бронзовое спиральное кольцо из тонкой узкой пластинки в два оборота, характерное для чернолесского времени. В трех ямах обнаружены остатки панцирей черепах.

На исследованной площади городища был обнаружен бескурган-ный сарматский могильник¹.

В шурфах, заложенных за пределами городища и на соседних с ним мысах, встречены культурные остатки, одновременные городищу.

Западнее городища, на мысу, расположенном над долиной безымянного ручья, произведены раскопки на площади 388 м². Культурный слой насыщен слабо. Большинство находок встречалось в центральной части мыса от поверхности поля до глубины 0,6 м. Добытые здесь обломки сосудов аналогичны найденным на городище. Интерес представляют обломок малого сосуда (кубка) с прямым горлом и округлой нижней частью корпуса, с орнаментом в виде каннелюр, аналогичного малым сосудам из Днестро-Бугского междуречья (рис. 3, 3)², и миска с выступами по краю. Такого рода миски получают широкое распространение уже в раннескифское время. У западного края мыса на глу-

¹ Результаты исследования могильника будут опубликованы отдельно.

² М. И. Артамонов, Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг., КСИИМК, в. 59, 1955, стр. 114, рис. 47, 1.

бине 0,25 м найдены фрагментированные тюльпановидный сосуд с проколами под краем и валиком на плечах и миска, аналогичная найденной на городище (рис. 3, 4). Кроме обломков керамики, встречены железное и костяное шилья и костяной тупик.

В северо-восточной части западного мыса на глубине 0,8 м открыт древний ров, идущий с запада на восток в сторону городища и просле-

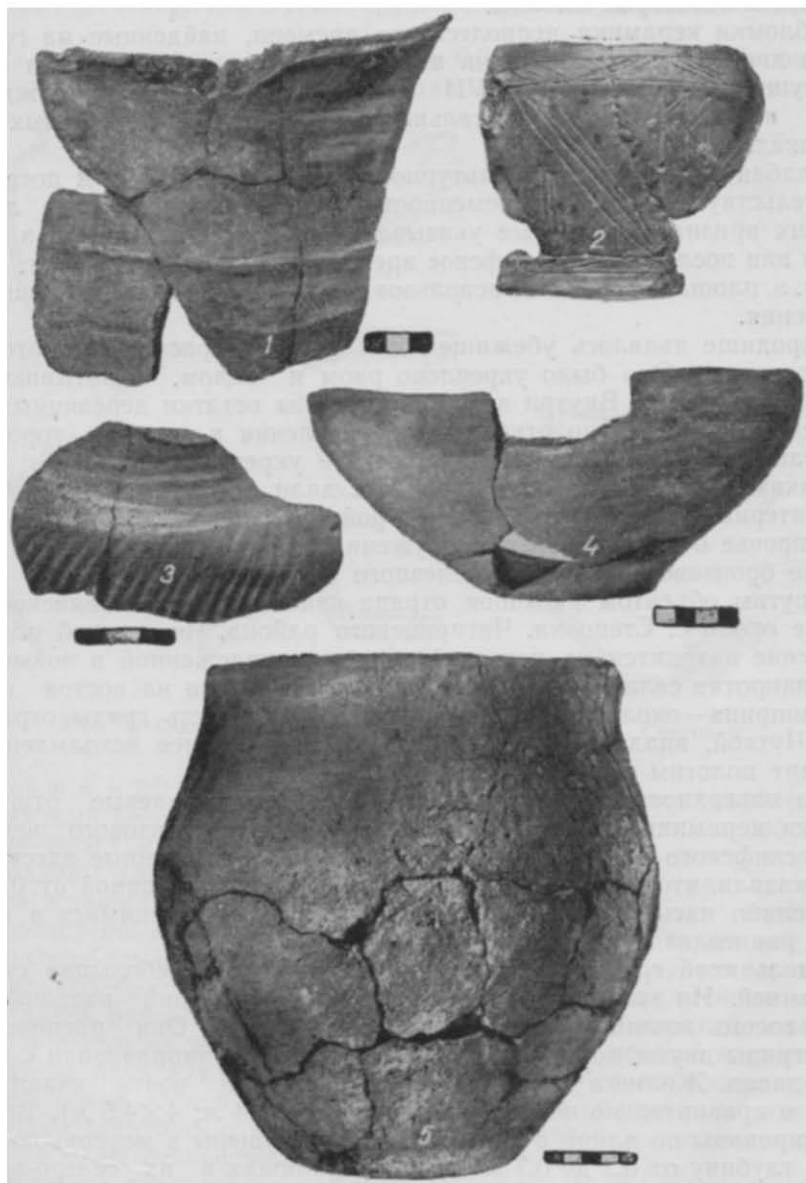

Рис. 3. Керамика с Калантаевского городища (1—4) и из землянки на поселении у с. Стецовки (5).

живаемый на протяжении 22 м. Ров вырыт в материке на глубину 1,25 м. Ширина его вверху 2,2 м, а у дна—0,45 м. Возможно, что он являлся частью системы оборонительных сооружений городища. В заполнении рва встречены в небольшом количестве отдельные черепки сосудов чернолесского времени, обломки костей животных, а также одна человеческая берцовая кость.

На глубине 1—1,2 м от уровня современной поверхности, в неглубоких (0,2—0,25 м) неопределенной формы ямах, обнаружены два древних погребения с признаками насильственного (?) умерщвления погребенных.

Раскопки Калантаевского городища только начаты, но уже и теперь, на основании сравнительно небольшой открытой его части, можно сделать некоторые выводы.

Обломки керамики чернолесского времени, найденные на городище, на дне рва и на поселении вокруг него, точно определили время его существования — VIII—VII вв. до н. э., что подтверждается также и совокупностью остальных наблюдений, сделанных при раскопках.

Слабая насыщенность культурного слоя на городище и поселении свидетельствует о кратковременности пребывания на них людей. Никаких признаков, которые указывали бы на бытование их в более раннее или последующее, скифское время, в культурном слое нет. Лишь в I в. н. э. площадь городища использовалась как место, где совершались погребения.

Городище являлось убежищем для жителей расположенного рядом поселения. Оно было укреплено рвом и валом, охватывающими его со всех сторон. Внутри вала обнаружены остатки деревянных конструкций. Ров, частично открытый на поселении к югу от городища, представлял собой второе оборонительное укрепление.

Таким образом, раскопки городища дали новый, весьма интересный материал, характеризующий устройство древнейших в Среднем Поднепровье оборонительных сооружений, впервые возникающих здесь в конце бронзового и начале железного века.

Другим объектом раскопок отряда явилось древнеславянское поселение около с. Стецовка, Чигиринского района, Черкасской области. Поселение находится на песчаной гряде, расположенной в пойме Тясмина напротив села. Протяженность бугра с запада на восток свыше 1 км, ширина—около 200 м. Западная, пологая часть гряды ограничена р. Чуткой, впадающей в Тясмин, восточная, более всхолмленная—подходит пологим склоном к болоту.

На поверхности песчаной гряды встречены кремневые отщепы и обломки керамики среднего и позднего периодов бронзового века, а также скифского и раннеславянского времени. Заложенные здесь шурфы показали, что песчаный гумусированный слой толщиной от 0,2 до 0,5 м слабо насыщен культурными остатками, относящимися в основном к раннеславянскому времени.

Вдоль всей гряды прослеживаются отдельные небольшие скопления камней. На заложенных на местах этих скоплений раскопано открыто восемь жилищ-полуземлянок (2—7, 9, 10). Они расположены вдоль гряды двумя почти правильными рядами в направлении с востока на запад. Жилища имели прямоугольную или почти квадратную форму и сравнительно небольшие размеры (3×4 м; 4×4,5 м). Все они ориентированы по длине с севера на юг и впущены в материковый песок на глубину от 0,2 до 0,7 м. Во всех жилищах в их северо-восточном углу обнаружены остатки округлого каменного очага диаметром от 1 до 1,2 м в виде беспорядочного скопления пережженных камней. По середине очагов прослеживалось небольшое углубление, заполненное золой и мелкими угольками.

Около жилищ 6 и 7 были обнаружены две ямы, доведенные до глубины грунтовых вод (до 1,6 м ниже современной поверхности), являющиеся, по-видимому, остатками древних колодцев.

Кроме полуземлянок, на поселении встречены остатки двух наземных жилищ. Так, у восточного конца поселения открыты остатки глиняных стен прямоугольного жилища и глинобитного пода от очага. От-

сутствие археологических находок среди этих остатков не позволяет определить их время.

Близ одной из полуземлянок (9) на глубине 0,25 м от современной поверхности обнаружены остатки пода глинобитного очага, обломки сосудов и костей животных. Недалеко от этого места на глубине 0,6 м найден целый и фрагментированный сосуды (рис. 4, 3, 4). На той же глубине, к востоку, обнаружен крупный обломок третьего сосуда (рис. 4, 7).

На одном из раскопов на глубине 0,25 м от современной поверхности открыты остатки овального в плане наземного сооружения с диа-

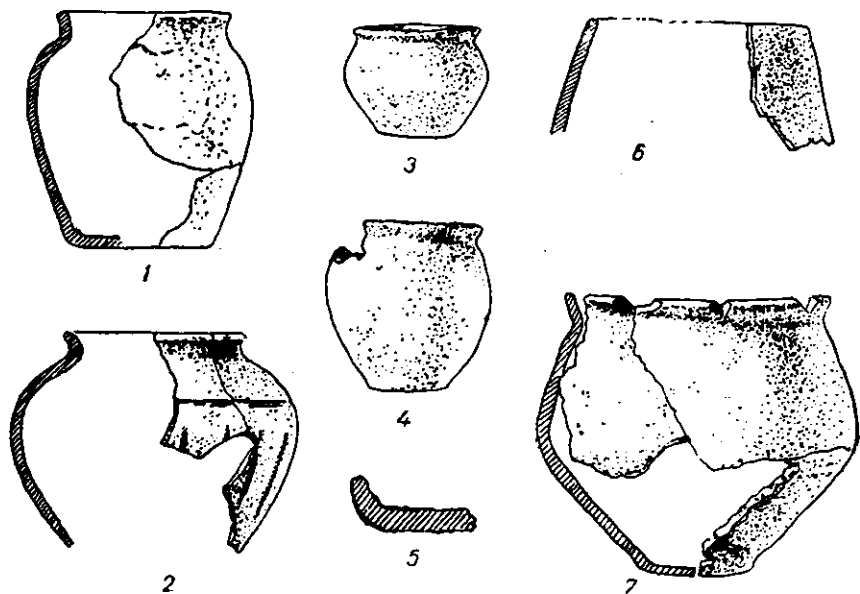

Рис. 4. Сосуды из землянок на поселении у с. Стецовки.

метрами в 6 и 7,2 м. От него сохранилась лишь канавка, углубленная в материковый песок на 0,1—0,5 м, шириной 0,3—0,4 м (на восточной стороне до 0,7 м). Внутри круга находились золистые пятна и небольшие впадины (до 10 см глубины), заполненные сажей (рис. 5).

Все жилища были бедны находками. В основном они содержали немногочисленные обломки лепной керамики, среди которых встречено несколько обломков кружальных сосудов, глиняные пряслица, обломки точильных брусков. В четырех землянках найдены каменные жернова с гладкой рабочей и полукруглой грубо оббитой верхней поверхностями. В одном из жилищ рядом с очагом найден полный жернов, состоящий из двух камней, верхнего и нижнего. Металлические предметы очень редки. Они представлены здесь двумя обломками ножей и железными стержнями. В описанном выше овальном наземном сооружении найдены лезвия железных ножей.

Керамика представлена обломками грубых лепных горшков с короткими прямыми или отогнутыми наружу венчиками. Поверхность их серая, темно-серая, коричневая, шероховатая, в большинстве случаев неровная, бугорчатая. Глина грубая с примесью дресвы (рис. 3, 5).

Кроме горшков, встречены обломки лепных сосудов баночной формы, со слегка выпуклым корпусом с плоским срезом края (рис. 4, 6). Выделка их более тщательная. Найдены обломки грубо сделанных сковородок с низкими бортиками, с большой примесью дресвы в глине (рис. 4, 5).

Основная масса лепных горшков не орнаментирована. Лишь изред-

ка встречаются обломки сосудов, украшенные по краю небольшими пальцевыми ямками или короткими нарезками. В землянке 7, рядом с обломками двух обычных для этого поселения лепных горшков (рис. 4, 1), найден крупный обломок сероглиняного горшка, сделанного на круге. Горшок был орнаментирован вертикально спускающимися от округлых плечиков ко дну пролощенными линиями (рис. 4, 2). Данный сосуд и немногочисленные обломки кружальных сосудов, найденных в жилищах этого поселения, с орнаментом в виде рядов прочерченных волнистых и прямых линий, имеют полные аналогии в керами-

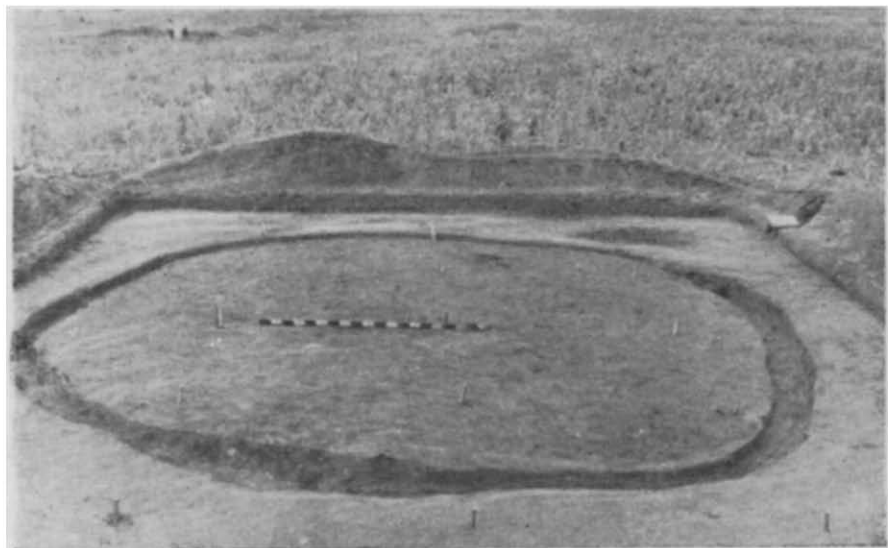

Рис. 5. Остатки наземного сооружения на поселении у с. Стецовки.

ке раннеславянского слоя Пастырского городища, датированного VII—VIII вв. н. э.¹ Этим же временем, по-видимому, следует датировать и поселение у с. Стецовки. Обращают на себя внимание три сосуда, обнаруженные вне землянок на раскопе IX. Один из них представляет собой небольшой приземистый горшочек с коротким загнутым наружу краем, округлым корпусом и плоским дном (рис. 4, 3). Другой, фрагментированный сосуд имеет биконическую форму (рис. 4, 7). Поверхность последнего пятнистая, темная, слегка залощенная. Эти сосуды по выделке и по форме отличаются от сосудов, найденных в землянках, и относятся, возможно, к несколько более раннему времени (VI в. н. э. ?).

Славянских памятников VII—VIII вв. н. э. в южной части правобережной Лесостепи известно пока немного. В связи с этим поселение, открытое у с. Стецовки, несомненно, представляет большой интерес. Материалы, полученные при исследовании этого памятника, расширили наши представления об истории культуры древних славян в Среднем Поднепровье.

¹ М. Ю. Брайчевский, Работы на Пастырском городище в 1949 г., КСИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 164.

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В УСТЬЕ ТЯСМИНА

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

Примерно в 7—8 км от впадения Тясмина в Днепр, у с. Пеньковка, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области, в урочищах Макаров Остров и Луг разведками Кременчугской комплексной экспедиции были обнаружены два славянских поселения, на которых встречались обломки толстостенной лепной керамики (рис. 1)¹.

Для выяснения характера этих поселений, а также для решения вопроса о целесообразности проведения тут работ в последующие годы славянской группой экспедиции были осуществлены на этих памятниках небольшие раскопки².

В процессе работ было открыто еще одно поселение в самом селе Пеньковке, в урочище Молочарня. Все три поселения оказались разновременными, но в общем они датируются VI—VIII вв. н. э. Как это будет видно из дальнейшего, их можно считать памятниками, оставленными восточнославянским племенем уличей, и отнести к той исторической поре, когда у последних зарождались феодальные отношения.

В районе Ново-Георгиевска Тясмин течет в очень широкой и заболоченной пойме. До 20-х годов, когда тут были проведены большие мелиоративные работы (прорыто новое русло реки), пойма состояла из озер и болот, в которых совершенно терялось русло реки. Среди этих болот и озер возвышались различного размера песчаные островки аллювиального происхождения. Почти все эти островки имеют одинаковую стратиграфию: почвенный слой, представляющий собой гумусированный песок (толщиной 0,1—0,4 м), под ним залегает тонкий (до 0,15 м) слой болотного мергеля, называемого местным населением «жерствой», ниже—слой светлого мелкого песка мощностью до 3 м, глубже—слой торфа разной толщины и опять песок.

Правый берег поймы высокий, крутой, сильно изрезанный оврагами; у основания его есть терраса, наклонно спускающаяся в пойму. На левом берегу хорошо сохранилась боровая терраса с дюнными всхолмлениями, поросшими сосновым лесом.

Таковы физико-географические условия нахождения славянских поселений около с. Пеньковки, результаты исследований которых приводятся ниже.

Селище в урочище Молочарня занимает небольшую овальную возвышенность площадью 35×45 м, расположенную в 150—200 м от коренного правого берега Тясмина. Островок, на котором находится поселение, не заливается в половодье, поверхность его ровная, с покаты-

¹ Разведка А. В. Бодянского и Е. А. Ирицкого.

² Группа работала с 21 сентября по 6 октября 1956 г. в составе научного сотрудника Д. Т. Березовца и лаборанта В. Д. Дяденко.

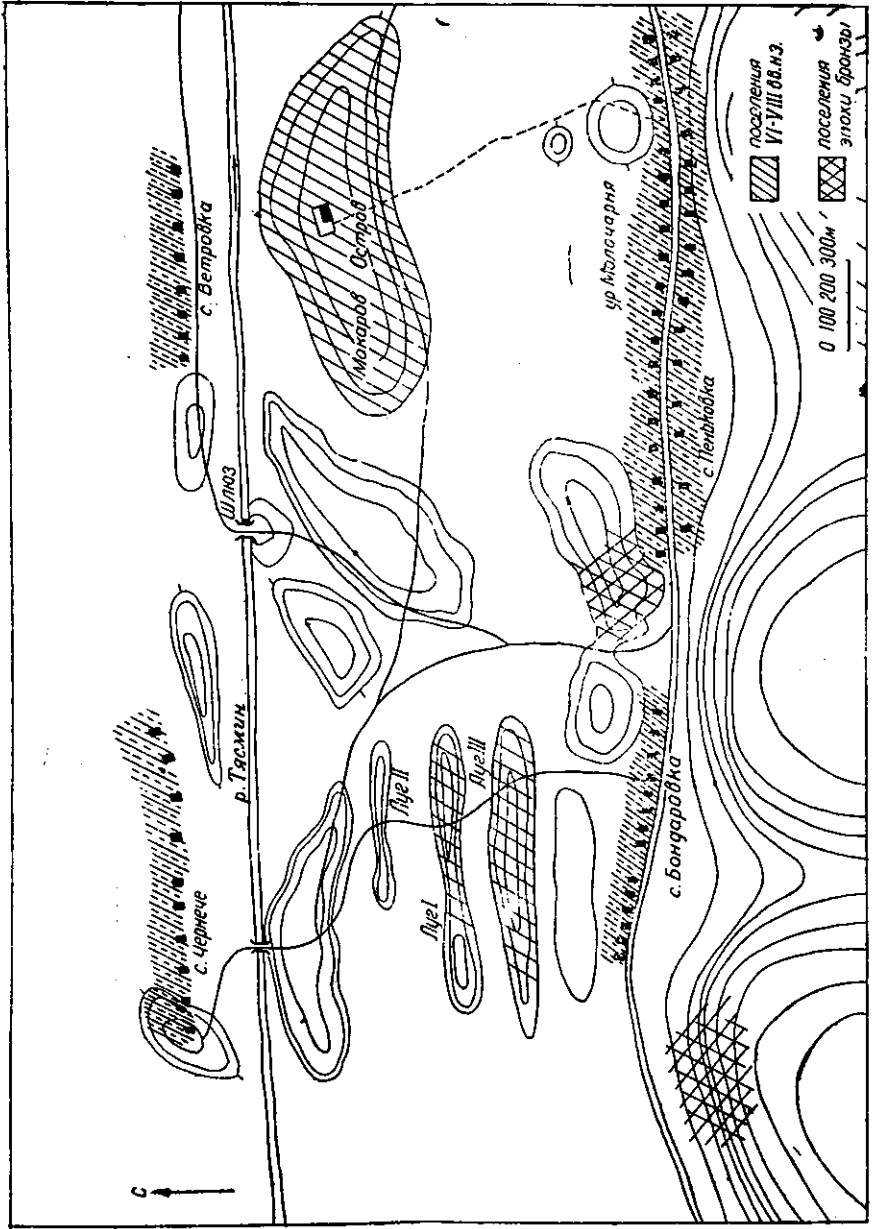

Рис. 1. Ситуацыйны план размяшчэння археалагічных памятных у месцах с. Пен'кoўка.

ми краями. Вследствие того, что место это не распахивается, на поверхности возвышенности почти нет никаких культурных остатков.

Разведочными траншеями установлено наличие здесь на всей площади холма культурного слоя мощностью до 0,6 м, содержащего довольно значительное количество керамики и костей животных. В культурном слое встречались также угольки и небольшие скопления золы.

Кроме того, в траншее 1 на глубине 0,6 м найден гранитный камень от жернова диаметром около 0,5 м с отверстием в центре.

В траншее 2 на глубине 0,4 м найдена щитковая зооморфная фибула, сделанная из низкопробного серебра, с железной иглой (рис. 2), аналогичная фибулам, происходящим из окрестностей Пастырского городища¹ и из могильника в Суук-Су². Наша находка в данном случае ценна тем, что из находок этого типа, встреченных в Поднепровье, она, безусловно, увязывается с определенным типом археологических памятников.

Небольшими раскопками, произведенными тут, раскрыты остатки двух плохо сохранившихся жилищ. Жилища были несколько углублены в почву, но отчетливых контуров их проследить не удалось. Лишь в одном случае была установлена полная протяженность стены длиной 6,8 м, к которой примыкала печь.

В обоих жилищах сохранились остатки печей-каменок, сложенных из небольших обломков гранита. Печи имели прямоугольную в плане форму площадью 1,5×1,3 м; под печи, хорошо сохранившийся в одной из землянок, имел овальную в плане форму размерами 0,95×0,65 м.

Керамика с поселения (табл. I, 1—5, 7, 8) исключительно лепная, толстенная, с большой примесью крупных зерен кварца или шамота; поверхность у большинства сосудов бугристая, зачастую со следами сглаживания. Преобладают горшки с ровными воронкообразными венчиками и выпуклыми бочками. Последние иногда имеют закругленную грань в наиболее выпуклой части. На некоторых обломках сосудов под самым венчиком имеется массивный наклепной валик. Тут же найдено несколько обломков черных лощеных сосудов, относящихся к чернолеской культуре. Кроме горшков, на поселении встречаются сосуды баночного типа с низкими, немного отогнутыми венчиками. Вся керамика не орнаментирована, за исключением одного горшка с большим воронкообразным венчиком, по основанию которого нанесен ряд аккуратных продолговатых углублений.

Урочище Луг расположено между хут. Бондаровка и с. Чернече, в 1,5 км к северо-западу от Пеньковки. Славянские поселения занимают на нем три длинные песчаные гряды шириной 40—100 м каждая, протянувшиеся вдоль течения Тясмина на 0,7—1 км и разделенные высохшими болотами. Площадь поселений распахивается с 30-х годов. На поверхности встречаются обломки лепной керамики, куски гранита от

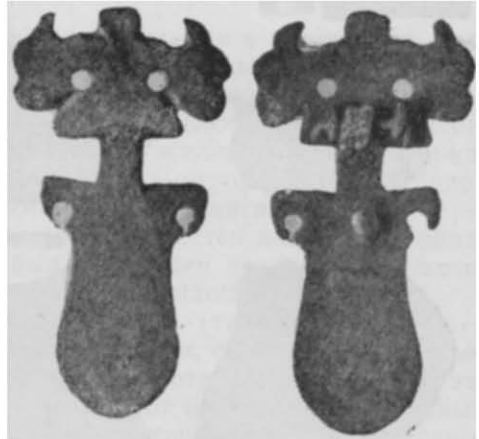

Рис. 2. Фибула с поселения в урочище Молочарня.

¹ Древности Приднепровья, в. VI, табл. XX, 336.

² Н. И. Репников, Некоторые могильники области Крымских гот, ИАК, в. 19, 1906, табл. VI, 5, стр. 32.

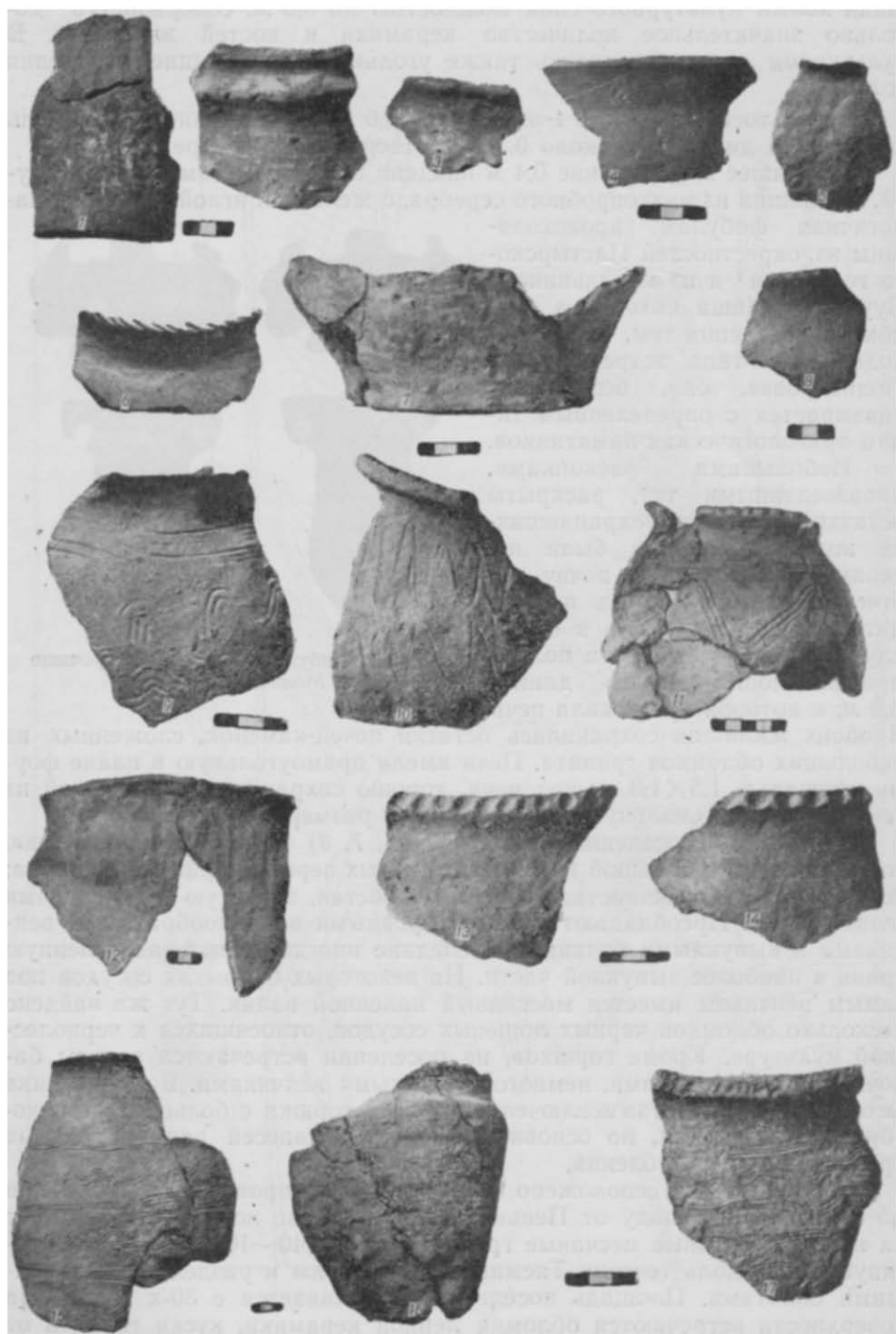

Табл. I. Керамика из славянских поселений у с. Пеньковки.
 1—5, 7, 8 — урочище Молочарня; 6, 9 — 13 — урочище Луг; 14—17 — урочище Макаров Остров.

печей-каменок и куски жерновых камней большого размера (до 0,6—0,7 м диаметром).

Культурный слой, залегающий в тонком (0,2—0,3 м) слое гумусированного песка, сильно разрушен. Наибольшее количество культурных остатков встречается в темных пятнах на пашне, соответствующих местам жилищ. Они располагаются группами по два-три жилища, на расстоянии 5—10 м друг от друга. Расстояния между группами жилищ достигают иногда до 100 м.

На поселении было раскопано пять жилищ-землянок. Все они почти квадратные в плане. Наименьшее жилище имело длину стен по 2,3 м, а наибольшее — по 3,4 м. Все они углублены от современной поверхности поля на 0,4—0,5 м.

В четырех жилищах находились прямоугольные в плане печи, расположенные в одном из углов, сложенные из крупных кусков гранита и разбитых жерновых камней, среди которых попадались и большие обломки лепных сосудов. Печи имели площадь 1,6×1,4 м и всегда отстояли от стен на 0,2—0,3 м. В наименьшем жилище вместо печи-каменки в центре была круглая очажная яма диаметром 0,9 м и глубиной 12 см, обложенная по краям мелкими кусками гранита.

Ям от столбов и иных остатков конструкций стен или кровли обнаружено не было. В одном жилище был прослежен вход, порогом которого служили два больших куска гранита, лежавших на полу.

Керамика, происходящая с этого поселения (табл. I, 6, 9—13), в подавляющей части лепная, толстостенная, с большой примесью груботолченой дресвы и крупных кусочков шамота. Поверхность ее заглаженная, но с многочисленными бугорками от выступающих крупных зерен примесей. По облику она напоминает керамику Вольтцево-Вольнского поселения и неорнаментированную роменскую. По формам это круглобокие горшки с небольшими отогнутыми венчиками, часто покрытыми пальцевыми зажимами, что еще больше сближает ее с керамикой Левобережья.

На многих горшках имеется грубо сделанный линейный и волнистый орнамент. Он наносился на неподвижный горшок после его формовки, что следует рассматривать как подражание образцам керамики, изготовленной на гончарном круге. Тут же встречаются горшки с широкой горловиной и слегка отогнутым венчиком без шейки, переходящим в конически расширяющиеся бока. Встречаются сосуды типа банок со слегка отогнутым краем.

Следует отметить, что на одном из участков поселения (Луг III) встречены обломки амфор со слегка гофрированной поверхностью. В подъемном материале с этой же части поселения имеется несколько обломков черных кружальных сосудов пастырского типа с лощением вертикальными линиями¹.

Макаров Остров, находящийся против центра Пеньковки, имеет вид большой овальной возвышенности площадью около 3 га. На всей его поверхности изредка встречается лепная и сделанная на гончарном круге керамика, а также куски обожженного гранита. Поселение распаивается. Несколько больше культурных остатков находится лишь вблизи мест древних жилищ.

В западной части урочища было замечено несколько гранитных камней. При раскопках, произведенных в этом месте, обнаружена глубокая (1,15 м от современной поверхности) землянка почти квадратной в плане формы (3,9×3,8 м), ориентированная своими углами по сторонам света. В северном углу жилища находилась большая прямоугольная печь-каменка площадью 1,4×1,3 м с упавшим внутрь сводом, со-

¹ М. Ю. Браичевський, Нові розкопки на Пастырському городищі, АП, т. V, К., 1955, стр. 72, рис. 5.

хранившаяся на высоту 0,6 м. Она была сложена (без связывающего раствора) из крупных кусков гранита, среди которых встречались и обломки керамики. Под печи выложен из мелких камушков с ровной поверхностью и возвышался над уровнем пола жилища на 3 см. На уровне пола был второй такой же под — от первоначальной печи, покрытый черной прослойкой, состоящей из сильно прокопченного, смешанного с мелкими угольками песка. Вдоль юго-восточной стены жилища, на расстоянии 1,1 м от стенки, находились три ямки от столбов, поддерживав-

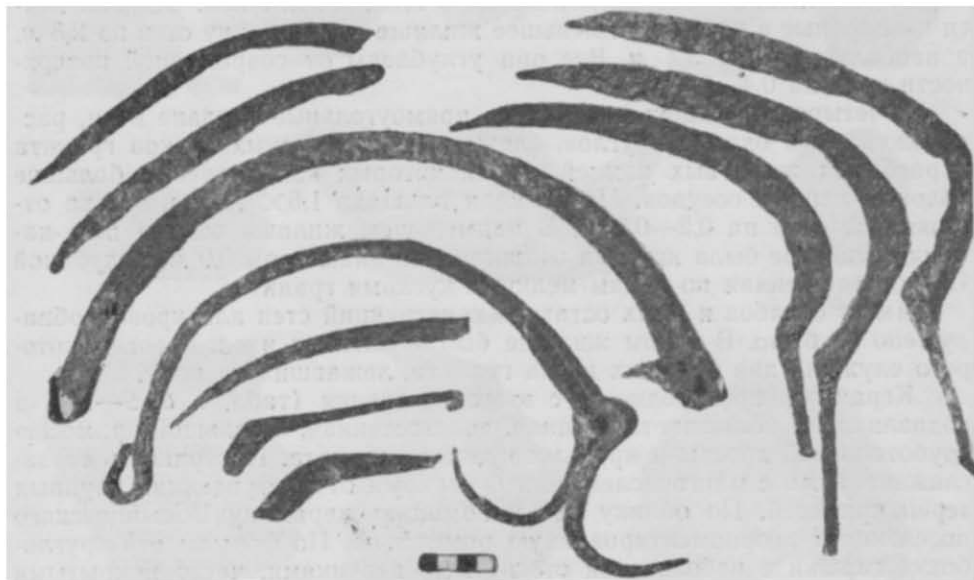

Рис. 3. Серпы и дужки от ведер из землянки на поселении в урочище Макаров Остров.

ших какой-то помост. В северо-восточной стене жилища был вход с порогом в виде земляной ступеньки, обложенной камнями.

На камнях печи, между ее стеной и северо-восточной стеной жилища, лежали в одной кучке, по-видимому первоначально связанные чем-то, шесть серпов (рис. 3), две дужки от ведер (рис. 3), три наконечника копий (табл. II, 3, 4, 8) и большой клык дикого кабана. При разборке печи, в этом же месте, на камнях упавшего свода лежали компактной кучкой два топора (табл. II, 1, 2), два тесла оригинальной формы (табл. II, 5, 7) и один наральник (табл. II, 6).

Надо думать, что все эти вещи были спрятаны на печке и при обвале свода частично упали внутрь ее, а частично — в промежуток между печью и стеной жилища.

В земле, заполнявшей яму жилища, были найдены семь толстых костяных проколов и точильный камень для их заточки. Кроме того, тут же найдены два пряслица, сделанных из стенок сосудов.

Керамика, найденная в жилище (табл. I, 14—17), очень близка к керамике с поселения в урочище Луг. От последней она отличается тем, что среди нее больше половины сосудов были сделаны на медленном гончарном круге и имели в глине еще больше примеси дресвы. Некоторые сосуды по всей поверхности покрыты линейным и волнистым орнаментом. По своему типу сосуды из землянки на Макаровом Острове похожи на керамику из Луки-Райковецкой¹.

Описанные поселения у с. Пеньковки имеют много общих черт в расположении, домостроительстве и в керамических комплексах. Да-

¹ В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950, стр. 13 и 14.

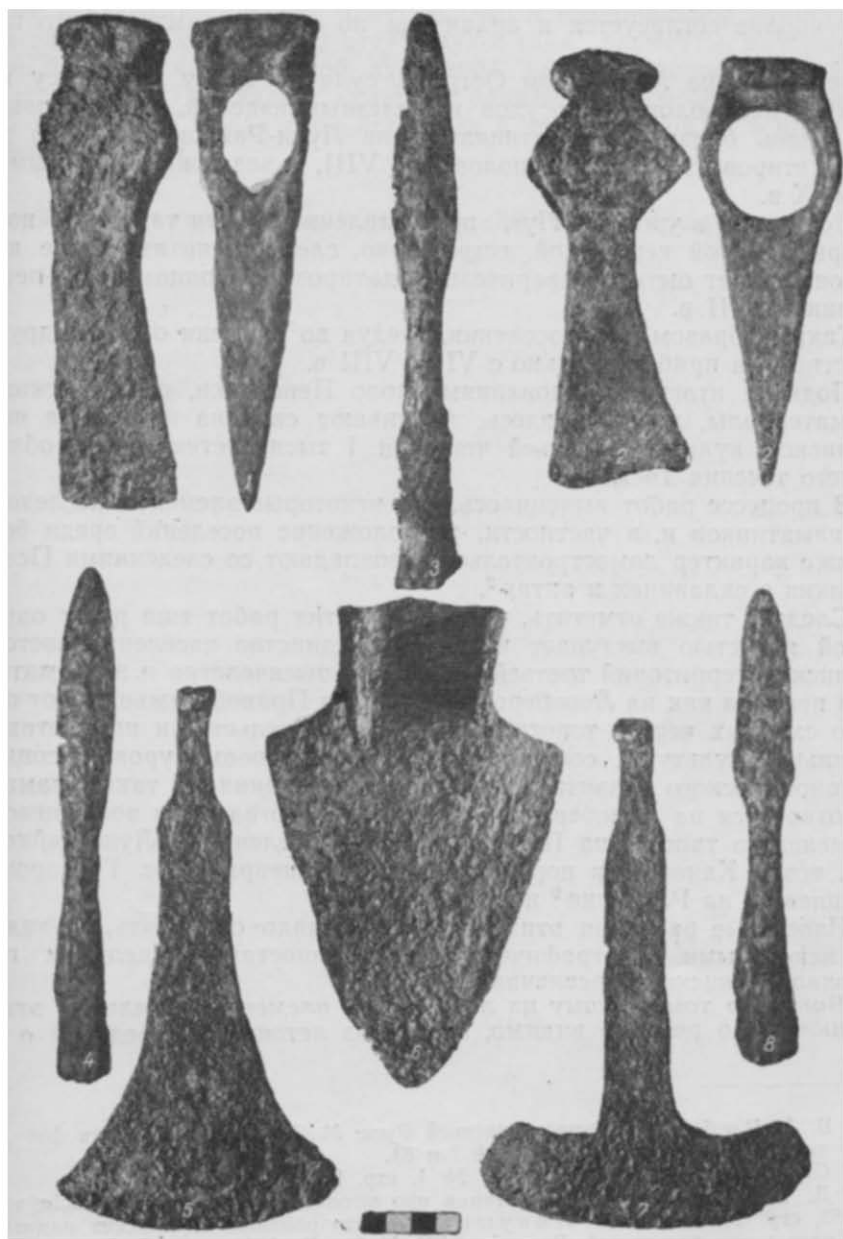

Табл. II. Железные вещи из землянки на поселении в урочище Макаров Остров.

1, 2 — топоры; 3, 4, 8 — наконечники копий; 5—7 — теса; 6 — наральник.

тировка этих поселений в связи с немногочисленностью имеющихся находок довольно сложна. Все они близки между собой в культурном отношении, но все же разновременны.

Наиболее древним из них является поселение в урочище Молочарня, которое датируется по найденной на нем фибуле VI—VII вв. н. э.¹, с чем вполне согласуется и архаичная по типу керамика этого поселения.

Землянка на Макаровом Острове, судя по всему комплексу найденных в ней обломков сосудов и железных изделий, хронологически стоит очень близко к памятникам типа Луки-Райковецкой, что дает право датировать ее второй половиной VIII, а возможно, и самым началом IX в.

Поселение в урочище Луг, представленное почти такой же, но более примитивной керамикой, естественно, следует считать более древним; оно может быть предварительно датировано концом VII—первой половиной VIII в.

Таким образом, эти поселения, следуя во времени одно за другим, существовали приблизительно с VI по VIII в.

Подводя итоги исследованиям около Пеньковки, следует сказать, что материалы, добытые здесь, проливают свет на некоторые черты славянской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э. в области нижнего течения Тясмина.

В процессе работ выяснилось, что некоторые элементы исследованных памятников и, в частности, расположение поселений среди болот, а также характер домостроительства совпадают со сведениями Псевдомаврикия о склавинах и антах².

Следует также отметить, что в свете этих работ еще раз с определенной ясностью выступает культурное единство населения восточнославянских территорий третьей четверти I тысячелетия н. э. Памятники этого периода как на Левобережье, так и на Правобережье имеют очень много сходных черт в топографии, домостроительстве и предметах материальной культуры, соответствующих одинаковому уровню социально-экономического развития славянского населения. К таким памятникам относятся на Левобережье поселения и могильники волынцевского и роменского типов³, на Правобережье — поселения в Луке-Райковецкой⁴, возле Канева⁵, в порожистой части Днестра⁶, у с. Григоровки⁷, у Рипнева⁸, на Радванке⁹ и др.

Известные различия этих памятников надо объяснять, по-видимому, некоторыми этнографическими особенностями отдельных групп восточнославянского населения.

Вопрос о том, какому из летописных племен принадлежат эти памятники, надо решать, видимо, исходя из летописных сведений о рас-

¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 58 (наша фибула по своему типу стоит между фибулами № 7 и 8).

² Стратегикон, XI, 5, ВДИ, 1941, № 1, стр. 253.

³ Д. Т. Березовец, До питання про літописних сіверян, Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 28—44; И. И. Ляпушкин, Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей, Вестник ЛГУ, № 20, Л., 1956, стр. 45—60.

⁴ В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950, стр. 13 и 14.

⁵ В. А. Богусевич, Канівська археологічна експедиція, АП, т. III, К., 1952, стр. 49, табл. 2.

⁶ Материалы из Старой Огрини, ур. Пидкова, Чапли, хранящиеся в фондах Института археологии АН УССР.

⁷ М. И. Артамонов, Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг., КСИИМК, в. 59, 1955, стр. 110, рис. 46.

⁸ М. Ю. Захарук і О. О. Ратиц, Слов'янське поселення біля с. Ріпнів, Львівської області, АП, т. V, К., 1955, стр. 40—46.

⁹ К. В. Бернякович, Археологічні дослідження в Закарпатській області в 1948 р., АП, т. IV, К., 1952, стр. 180.

селении восточных славян. Согласно «Повести временных лет», по правому берегу Днепра ниже полян обитали уличи (до своего переселения на Днестр). Поскольку земли полян не простирались южнее Роси¹, то территорию по Тясмину и расположенные тут славянские поселения VII—IX вв., по-видимому, следует считать уличскими.

В заключение следует отметить, что в материальной культуре наших поселений совершенно отсутствуют такие элементы, которые роднили бы ее с черняховской культурой, широко распространенной по всему Тясмину. Очевидно, культура славян раннего средневековья на этой территории имела свои истоки не в черняховской, а в иной культурной традиции.

---

¹ Б. А. Рыбаков, Уличи, КСИМК, в. XXXV, 1950, стр. 4—5.

РАСКОПКИ В с. ЛЕСЬКАХ БЛИЗ ЧЕРКАСС*А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ, М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ*

Археологические исследования в с. Леськи, Черкасского района, Черкасской области, производились в 1956 г. Кременчугской раннеславянской экспедицией Института археологии АН УССР по плану работ в зоне затопления, на территории будущего Кременчугского водохранилища¹. Раскопкам подверглось поселение черняховской культуры, обнаруженное в 1955 г. разведкой под руководством В. К. Гончарова.

Поселение это расположено за юго-восточной окраиной села на правом берегу одного из рукавов Днепра, именуемого Евтухом, при впадении в него узкой долины ручья, известной у местного населения под названием Фокиной канавы. Эта долина перед своим впадением в русло Днепра делает глубокий изгиб в восточном направлении, образуя значительный выступ берега, или мыс, ограниченный с севера обрывом берега Евтуха, а с востока и юго-востока — левым склоном Фокиной канавы (рис. 1).

Поселение занимает участок первой надпойменной террасы правого берега Днепра, образовавшейся из песчаных отложений. Это последнее обстоятельство значительно затруднило раскопки ввиду плохой сохранности исследуемых объектов в условиях залегания в песчаном грунте.

Археологические остатки эпохи черняховской культуры сосредоточиваются в основном в двух местах: на узкой полосе вдоль обрыва берега Евтуха и на сравнительно небольшом по площади (не более 3000 м²) участке в юго-восточной части указанного мыса, в непосредственной близости от Фокиной канавы. Здесь подъемный материал, состоящий из обломков керамики, кусков обожженной глины и камня, костей (в том числе и пережженных), встречается в большом количестве. На остальной площади мыса подъемного материала вообще нет.

Для установления характера залегания культурного слоя на всей площади мыса были проложены две траншеи, перерезавшие эту площадку на всем ее протяжении с севера на юг и с запада на восток. В результате выяснилось, что культурный слой на всей основной площади мыса, за исключением двух участков, где отмечено скопление подъемного материала, вообще отсутствует. Следовательно, можно говорить фактически о двух очень небольших поселках или выселках, рас-

¹ В экспедиции в 1956 г. принимали участие М. Ю. Брайчевский (начальник экспедиции), А. Т. Брайчевская, И. И. Винокур, А. А. Кравченко, Э. А. Симонович (научные сотрудники), И. М. Гулик (лаборант), В. Д. Гричаниченко (чертежник), Ф. П. Шиян (геодезист). Под руководством Э. А. Симоновича были произведены разведочные раскопки в с. Ломоватое, Черкасского района, которым посвящается специальная публикация автора раскопок, помещенная в настоящем выпуске «Кратких сообщений».

положенных на небольшом (около 250 м) расстоянии друг от друга. Третий такой поселок был обнаружен на расстоянии около полукилометра к западу, под молодой посадкой леса.

Раскопки в 1956 г. проводились на обоих участках, где было отмечено скопление подъемного материала и наличие культурного слоя.

В районе у обрыва берега Евтуха не удалось обнаружить каких-либо ясно различимых следов строительных комплексов. Лишь в одном месте были найдены очень слабо выраженные остатки постройки типа полуземлянки, слегка (до 0,2—0,25 м) углубленной в землю. Контуры

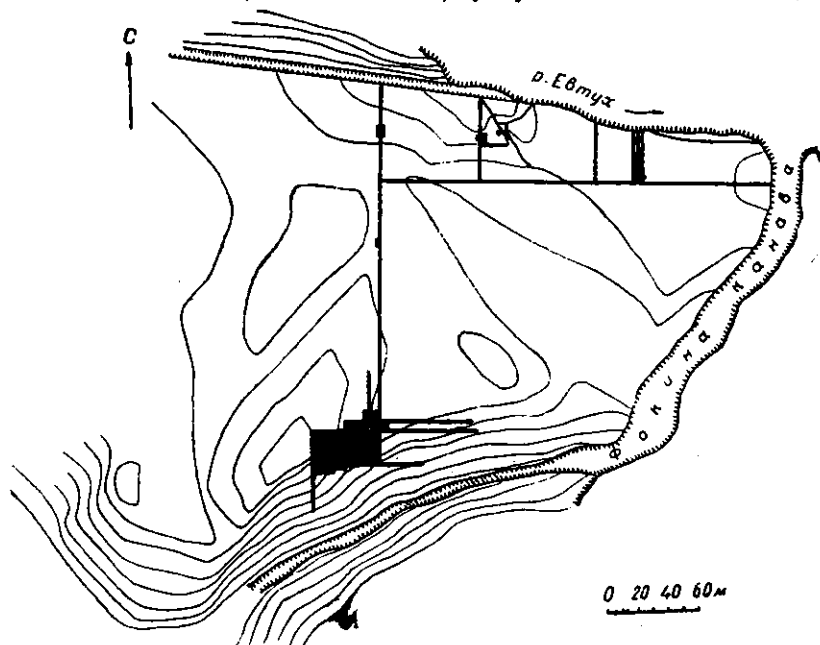

Рис. 1. Общий план поселения в с. Леськах.

выемки оказались, однако, настолько неясными, что сказать что-либо определенное о конструкции этой полуземлянки не представляется возможным. В прочих траншеях, прокопанных в данном районе с разведочной целью, никаких остатков строений обнаружить не удалось: везде был зафиксирован только аморфный культурный слой, довольно мощный (свыше 1 м толщиной), в котором лишь кое-где отмечены скопления керамики и костей животных.

Как выяснилось в результате раскопок, этот культурный слой не распространяется далеко от обрыва берега и оканчивается на расстоянии 30—40 м от него. Создается впечатление, что основная часть поселения уже уничтожена рекой (Евтух ежегодно подмывает обрыв правого берега, что приводит к весьма значительным обвалам: весь пляж реки усеян культурными остатками, происходящими из размытого культурного слоя).

В обрыве берега был обнаружен печной под, который представлял собой остатки печи какого-то полностью уничтоженного жилища. Под залегал на глубине 0,35—0,4 м от современной поверхности, непосредственно на песке, подстилающем здесь верхний почвенный слой. Сохранился он не полностью: уцелели участки, в общей сложности охватывающие площадь размерами 0,9×0,7 м. Вся поверхность его была выстлана черепками характерной черняховской посуды, принадлежащими, однако, разным сосудам. Среди них были обломки как столовой серо-олощенной посуды, так и более грубой, кухонной, изготовленной из глины с примесью крупного песка, с шероховатой поверхностью.

Находка этих остатков печи подтверждает первоначальное предположение о существовании в данной части поселения жилых комплексов, которые, надо думать, располагались к северу от сохранившейся части культурного слоя, на участке террасы, ныне уничтоженной деятельностью реки. Таким образом, дальнейшее проведение здесь широких раскопок вряд ли является целесообразным.

Основные раскопки были сосредоточены на южном поселке, близ склона левого берега Фокиной канавы. Здесь вскрыт сплошной массив площадью свыше 1300 м², не считая разведочных траншей.

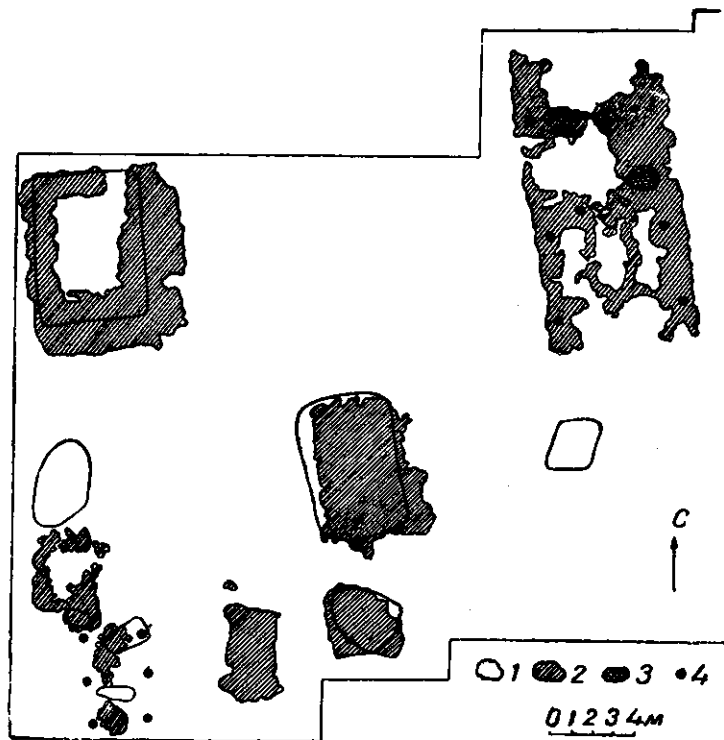

Рис. 2. План двора на поселении в с. Леськах, раскопанного в 1956 г.
1 — ямы и выемки в земле; 2 — развал печины; 3 — место печи; 4 — ямки от столбов.

В результате раскопок обнаружены остатки двух дворов, представляющих собой сложные комплексы жилых и хозяйственных построек, частью наземных, частью — слегка углубленных в землю.

Один такой двор, погибший от пожара, раскопан полностью (рис. 2). Он состоял из девяти сооружений. Семь из них имели стены, обмазанные глиной, и потому остатки их сохранились в виде мощных завалов печины, местами толщиной до полуметра. При этом необходимо отметить, что во время пожара, уничтожившего постройки, горящие стены рухнули не в сторону, как это обычно бывает (в этом случае получились бы сплошные аморфные завалы), а просто осели на землю, благодаря чему конфигурация образовавшихся завалов точно соответствует плану сооружения. Все постройки были ориентированы совершенно одинаково — с севера на юг, с незначительным отклонением к северо-западу и юго-востоку.

Центральным сооружением данного двора, расположенным у его северо-восточного угла, был большой жилой дом площадью 9,5×5,5 м. Остатками его являлись мощный завал обожженной глины от стен, который образовывал сложную фигуру, отражающую план постройки, и

ямки от столбов, прослеженные после снятия печины и подтвердившие правильность первоначальных выводов относительно планировки. Этот дом состоял из двух половин (от стены, разделявшей обе эти половины, сохранились завал печины и ямки от столбов); южная половина, кроме того, делилась боковыми перегородками на три части. Таким образом, дом разделялся на четыре помещения, самое меньшее из которых имело площадь $4,5 \times 2$ м. Кроме того, с южной и северной сторон к внешним стенам, по-видимому, примыкали какие-то пристройки вроде крылец.

Остатки печи были обнаружены в центральной части здания. Печь эта принадлежала к типу печей с подпольем, поэтому от нее сохранился лишь участок пода близ устья; основная же часть печи, покоившаяся на деревянном помосте, во время пожара провалилась в подполье, где и была обнаружена в виде аморфного завала. Перед устьем печи, обращенном к западу, имелась предпечная яма глубиной 0,35 м. Расположена была печь таким образом, чтобы обогревать обе половины дома.

К югу от дома обнаружены остатки погребца в виде ямы неправильной четырехугольной формы площадью $2,5 \times 2$ м и глубиной 0,8—0,9 м от древней поверхности. Рядом с ним, к юго-западу от него, находилась довольно большая (площадью 7×4 м) прямоугольная постройка, прослеженная по компактному завалу печины от стен, по ямкам от столбов и по не имевшему четких контуров пятну гумусированной земли, залегавшей ниже уровня печины. Ввиду того, что завал печины лежал над этим пятном совершенно ровным слоем, нисколько не углубляясь в него, оно не может быть истолковано как результат наличия в данном месте углубления в почве в период функционирования постройки. Это пятно, по нашему мнению, образовалось в результате втаптывания навоза в земляной пол ногами животных, помещенных в данном сооружении, которое, таким образом, служило хлевом или конюшней.

Южный край описываемого двора занимали две небольшие хозяйственные постройки типа современных свигушников или курятников, имевшие, надо думать, аналогичное назначение. Остатки их сохранились в виде небольших по площади, но значительных по толщине завалов обожженной глины, и в одном случае—в виде неглубокой, круглой в плане ямы, обнаруженной под завалом.

Юго-западный угол двора образовывали две примыкавшие друг к другу постройки, имевшие несомненно производственное назначение, поскольку в одной из них в неглубокой яме был обнаружен запас глины, в верхней своей части подвергшейся обжигу. Остатки одной из этих построек обнаружены в виде шести ямок от столбов, описывающих правильный многоугольник площадью $4,5 \times 3$ м, и завала печины, правда, наименее мощного по сравнению с другими объектами. Остатками другой постройки являются компактный завал печины от стен и яма с запасом глины. Размеры этой постройки были примерно такими же, как и предыдущей.

К северу от этих построек, вдоль западного края двора, находилась большая и глубокая яма с нечеткими контурами, в плане приближающаяся к овальной (длина ее составляла $4,5$ м, ширина— $2,5$, глубина—около $0,5$ м). Назначение ямы остается неясным ввиду чрезвычайной бедности находками.

Наконец, северо-западный угол двора занимала большая (площадью $6,5 \times 5$ м) постройка типа сарая или амбара (истолкование ее в качестве жилого дома исключается ввиду отсутствия печи). Дно ее было на $0,2$ — $0,3$ м углублено, причем мощный завал обожженной глины от стен заполнил эту выемку вдоль стенок до верхнего края, вследствие чего явилась возможность не только четко определить контуры

постройки, но и расчистить древнюю дневную поверхность, соответствующую времени пожара и гибели всего двора.

Все описанные сооружения, расположенные по определенному плану и одинаково ориентированные, несомненно, являются одновременными и составляют один комплекс. Расположение их таково, что они ограничивают собой как бы два пространства: чистый внешний двор, открытый с северной стороны и связанный с жилым домом и расположенной напротив него постройкой типа амбара или сарая, и внутренний, или скотный двор, связанный с помещениями для скота и постройками производственного назначения.

К востоку от описанного двора обнаружены остатки другого подобного же комплекса, непосредственно примыкающего к нему. Однако

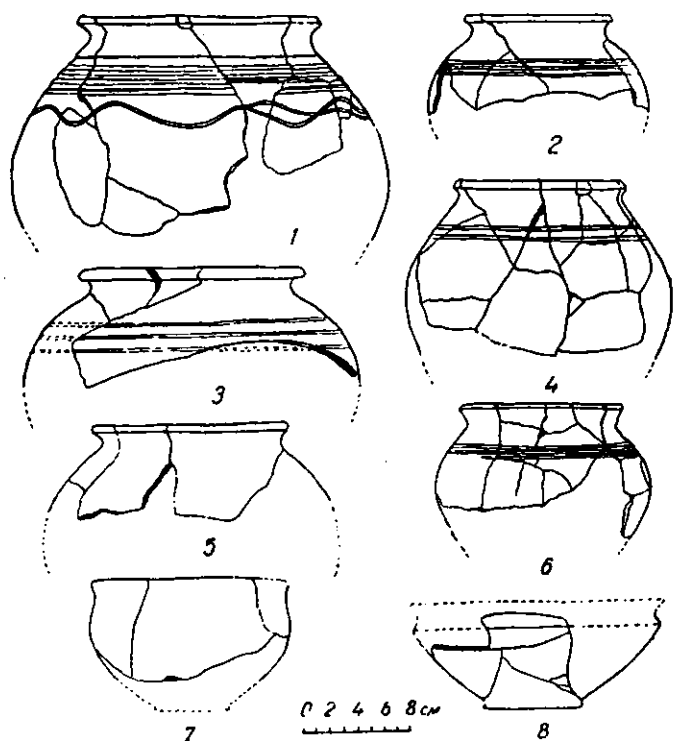

Рис. 3. Керамика с поселения в с. Леськах.

этот второй двор погиб не от пожара, вследствие чего исследование здесь оказалось гораздо более трудным ввиду отсутствия завалов пещины от стен. Здесь исследованы остатки крупного жилого дома, подобного описанному выше и состоявшего минимум из двух камер, одна из которых (северная) имела несколько (до 0,2 м) углубленный в землю пол. В обеих камерах были свои печи; одна из печей имела под на подбивке из черепков. Кроме того, здесь исследованы остатки двух печей вне связи с какими-либо постройками (вероятно, хозяйственные печи, стоявшие на открытом воздухе) и две ямы.

Вещественный материал, добытый в результате раскопок поселения в с. Леськах, как и обычно, состоит в основном из обломков керамики, которые в ряде мест залежали обширными скоплениями (в том числе и внутри жилого дома, входившего в состав первого двора). Керамика характерна для черняховской культуры и разделяется на три основные категории (рис. 3 и табл. I). Первую из них составляют обломки грубой лепной посуды, представленной простыми малорасчле-

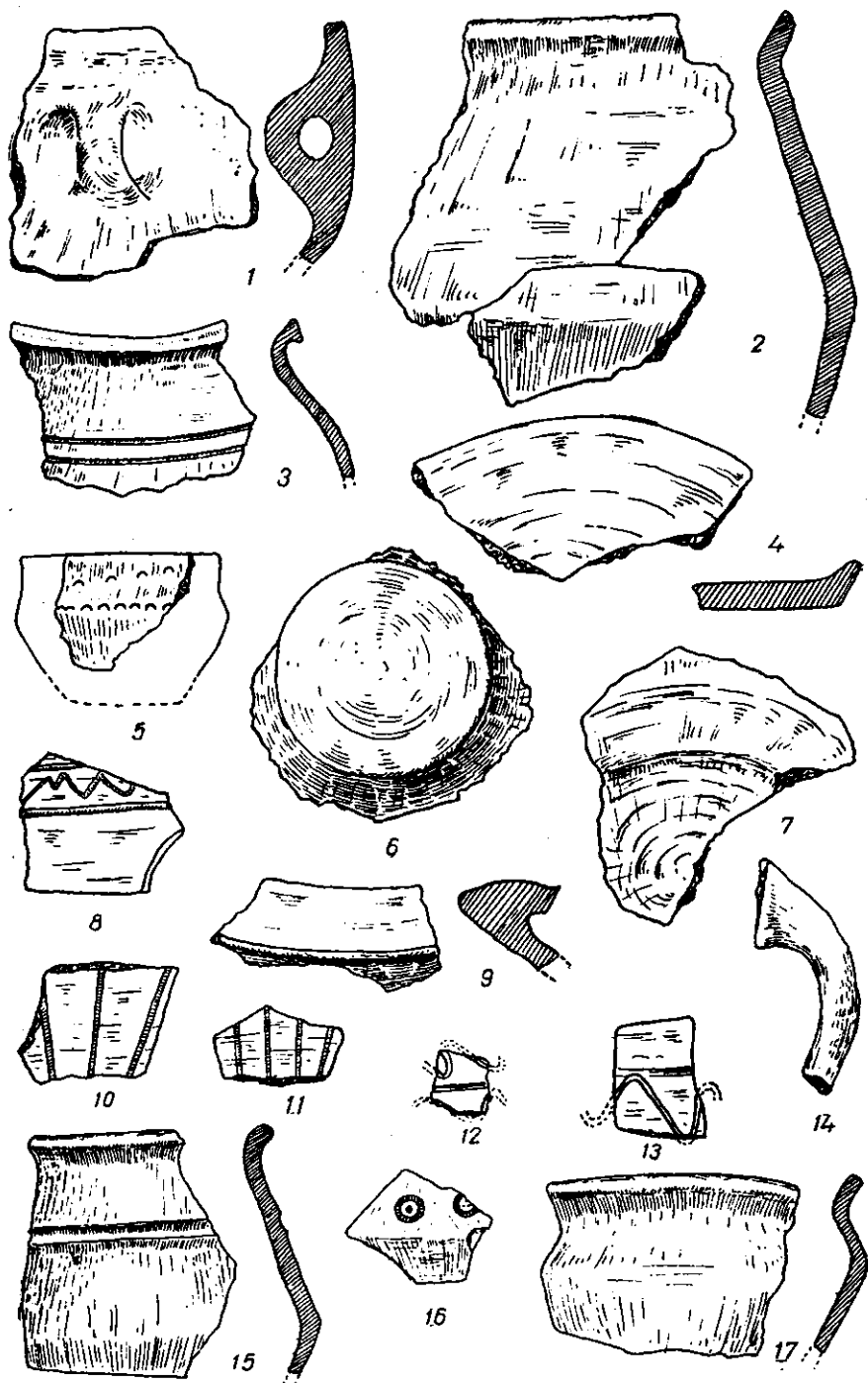

Табл. 1. Керамика с поселения в с. Леськах.

ненными формами типа горшков и банок, без орнамента. В некоторых случаях процент ее довольно высок (например, в полуземлянке близ обрыва берега Евтуха).

Кружальная посуда, в свою очередь, разделяется на две основные группы. Первую из них составляют обломки посуды (главным образом мисок), изготовленной из хорошо обработанной глины без заметных примесей, с лощеной поверхностью. Эта группа занимает в керамическом комплексе поселения довольно скромное место и обнаруживает определенные признаки вырождения: формы упрощены, качество лощения скверное, часто оно покрывает не всю поверхность сосуда, нередко обломки лишь с заглаженной поверхностью. Преобладающий цвет черепка—серый, хотя довольно часто попадаются обломки желтого, бурого, розового и красного цвета.

Основную группу керамики составляют обломки кружальной посуды, изготовленной из хорошо обработанной плотной глины с примесью песка. Абсолютно преобладающей формой в этой группе посуды является характерный славянский горшок с отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 1—6). Очень часто попадаются венчики со срезанными краями и с круговым валиком по верхнему краю — признак, характерный уже для керамики эпохи Киевской Руси. Цвет черепка серый, а также бурый, желтый, красноватый. Многие обломки украшены линейным и волнистым орнаментом. К данной группе керамики примыкают обломки крупных пифосообразных сосудов—зерновиков.

Много найдено обломков амфор — как относительно ранних, узкогорлых, желто-серого цвета, так и поздних, красноглиняных.

Кроме керамики, найдены различные железные предметы—ножи, обломки серпов, ключ от дверного замка, наконечник стрелы, обломок сверла, арбалетная фибула, ведеркообразная подвеска, различного рода стержни и скобки; бронзовые фибулы—трехчастная арбалетная с подогнутой ножкой и маленькая с литым корпусом, по типу приближающаяся к «уткообразным»; две маленькие бронзовые болванки, служившие, очевидно, заготовками для изготовления каких-то предметов; обломок стеклянного бокала со шлифованными овалами; костяные проколка и конек; серия разноцветных бус; глиняные пряслица (табл. II); точильные бруски и оселки. Кое-где встречались куски железного шлака, указывающие на наличие где-то поблизости производства железа, хотя непосредственных объектов, связанных с этим производством, обнаружить не удалось. В большом количестве попадались кости животных.

Внутри связанного с первым двором жилого дома, близ его северной стенки, сохранилось в обгорелом виде деревянное корыто, стоявшее на полу в небольшом углублении.

Датировка поселения на основании обнаруженного материала может быть определена лишь в общем плане. Хорошо фиксирован IV в. н. э. (обломки амфор, обломок стеклянного сосуда, арбалетная фибула). Очевидно, это—начальный этап существования поселения, так как целый ряд признаков свидетельствует о более позднем времени. Сюда относятся обильные находки обломков поздних красноглиняных амфор, широкое распространение на керамике линейного и волнистого орнамента (в том числе и нанесенного многозубчатым штампом), находки большого количества венчиков с закраиной и со срезанным краем, наличие толстостенной грубой керамики, напоминающей керамику из Луки-Райковецкой и синхронных ей памятников, находки обломков керамики пастырского типа — с вертикальными пролощенными линиями и т. д. Очевидно, более позднюю, чем IV в. н. э., дату имеет и фибула с литым корпусом, хотя точная хронология ее не установлена.

Все это позволяет считать, что время существования исследуемого

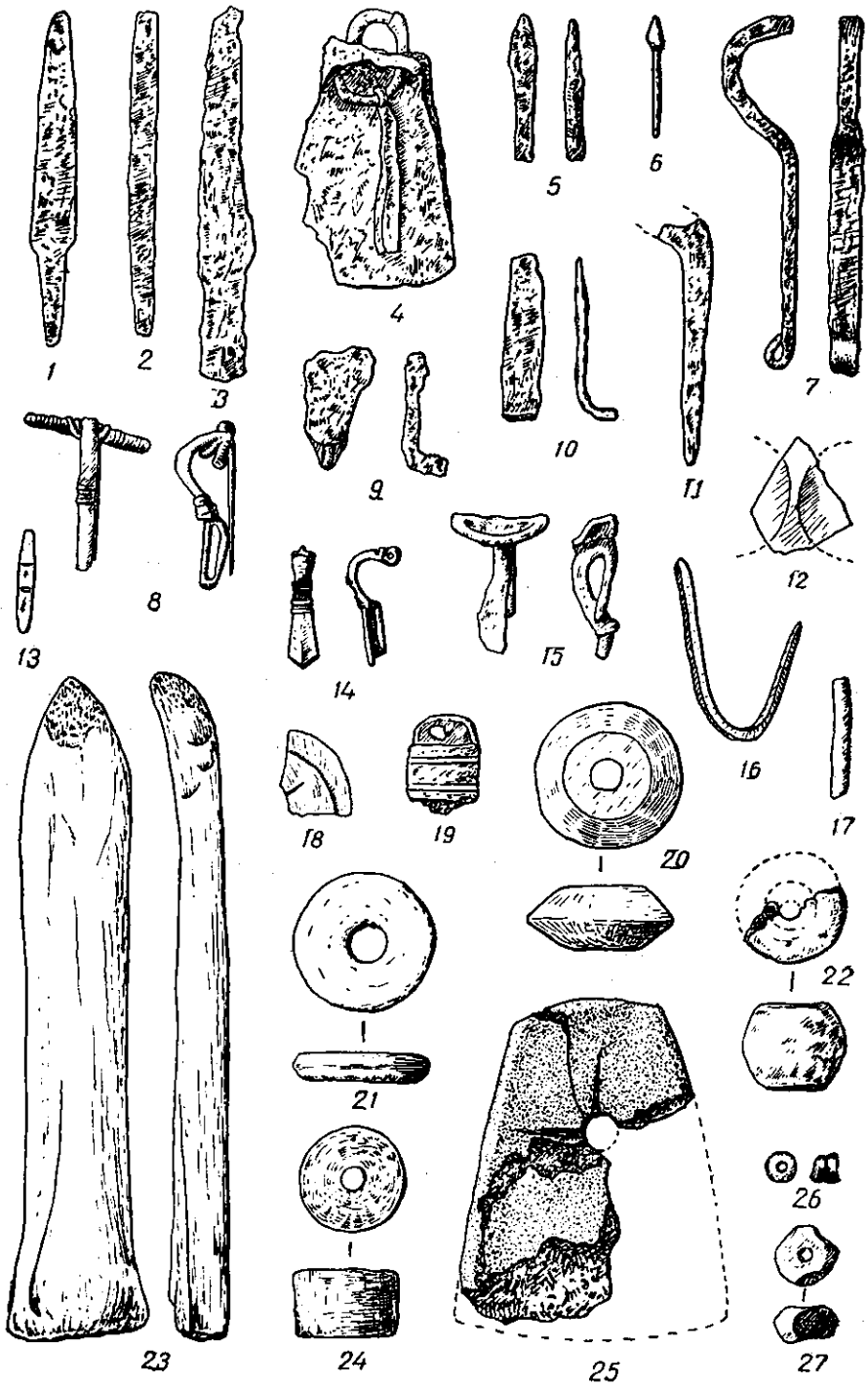

Табл. II. Вещи с поселения в с. Леськах.

поселения охватывает заключительный этап черняховской культуры (IV в. н. э. и более позднюю эпоху).

Основной интерес работ, произведенных в 1956 г. на поселении в с. Леськах, заключается в полном раскрытии (впервые за все время изучения черняховской культуры) крупного жилищно-хозяйственного комплекса—двора, состоявшего из девяти сооружений. Значение этого открытия состоит в том, что оно проливает яркий свет на сложную проблему хозяйственной структуры общества, оставившего памятники черняховской культуры. Не может быть сомнений, что открытый в 1956 г. двор представлял собой совершенно самостоятельную производственно-хозяйственную единицу. Этой единице, вероятно, соответствовала более или менее значительная семейная организация типа большой семьи, состоящая из главы семьи и его взрослых сыновей, имевших свои индивидуальные семьи. Насколько можно судить по планировке открытого раскопками дома, таких семейных пар здесь могло быть три.

Следовательно, результаты раскопок 1956 г. подтверждают высказанный ранее в печати взгляд о господстве у черняховских племен индивидуального хозяйства и, тем самым, индивидуального землепользования¹.

Судя по площади участка, где имеется культурный слой, таких дворов в данном месте могло быть не более четырех. Вряд ли четыре семьи, жившие здесь, могли составлять целую общину. Более вероятно, что это была лишь часть общины, выслывшаяся за пределы основного общинного поселка. Подобное явление могло иметь место лишь при том условии, что индивидуальное владение определенными участками земли носило длительный (если не постоянный) характер, чем и обусловливалось стремление семей, владевших этими участками, селиться в непосредственной близости от них. А это, в свою очередь, свидетельствует о далеко зашедшем процессе разложения общинной собственности на землю и может служить подтверждением гипотезы Б. Д. Грекова о начале возникновения частной собственности на землю в Среднем Поднепровье уже в середине I тысячелетия н. э.²

Само собой разумеется, что эти выводы, основанные покуда на изучении лишь одного памятника, могут быть сформулированы лишь в предварительном плане и требуют дальнейшей проверки на основе широких исследований поселений черняховской культуры.

---

¹ М. Ю. Брайтчевський, Антський період в історії східних слов'ян, Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 34—35.

² Б. Д. Греков, Киевская Русь, Госполитиздат, 1953, стр. 525.

РАННЕЧЕРНЯХОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ЛОМОВАТОГО НА ДНЕПРЕ

Э. А. СЫМОНОВИЧ

Раскопки в с. Ломоватое, Черкасского района, Черкасской области, проводил в 1956 г. отряд Кременчугской раннеславянской экспедиции Института археологии АН УССР¹. Памятник этот обнаружен В. К. Гончаровым и Р. А. Юрой в 1955 г. при обследовании берегов Днепра, подлежащих затоплению будущим Кременчугским водохранилищем².

Поселение в Ломоватом расположено на невысоком правом берегу приднепровской поймы. С востока поселение ограничивается безымянным периодически пересыхающим ручьем. На запад оно тянется, по-видимому, метров на 400. Однако пока нельзя утверждать с полной уверенностью, что весь этот участок был сплошь заселен и что здесь не было двух рядом расположенных селищ.

В процессе наших работ было обнаружено другое поселение культуры полей погребений (Ломоватое 2). Оно расположено в подобных же условиях, что и первое, в 750—800 м восточнее его.

Работы на обоих поселениях в 1956 г. носили разведочный характер, вскрытая площадь составляет 327 м². На первом поселении, где развернулись основные работы, культурные остатки концентрируются на глубине 0,15—0,5 м, хотя отдельные находки залегают глубже (до 0,7—0,8 м). Культурный слой на раскопанном участке на левом берегу безымянного ручья, как оказалось, не поврежден, если не считать линии засыпанных окопов, шедших вдоль всего берега Днепра. Раскопки на не нарушенных окопами участках показали, что культурный слой там однороден.

О степени насыщенности и о характере культурного слоя могут дать представление подсчеты находок из верхних и нижних пластов наиболее насыщенного прибрежного участка раскопа I площадью 40 м².

Находки	Штык 2-й	Штык 3-й	Штык 4-й
Обломки лепной посуды	119	21	30
Обломки грубой гончарной посуды	35	12	5
Обломки лощеной гончарной посуды	12	5	1
Обломки амфор	11	15	8
Всего	177	53	44

¹ Работы в Ломоватом проводил автор настоящего сообщения.

² Доклад Р. А. Юры на VIII научной конференции Института археологии АН УССР.

Кроме того, в слое найдено три бронзовых предмета, о которых речь будет ниже, три куска шлака и 132 обломка костей животных.

В приведенной таблице обращает внимание обилие обломков лепной посуды (около 50—65%) и сравнительно значительное количество во всех пластах обломков амфор.

Примерно такое же соотношение групп керамики дают два другие раскопа, удаленные на 10 и на 30 м от берега. В дальнем раскопе III на площади 26 м² оказалось лишь 34 обломка керамики. Эти данные в сочетании с результатами шурфовки дают основания говорить о том, что поселение тянулось узкой полосой вдоль края берега. Возмож-

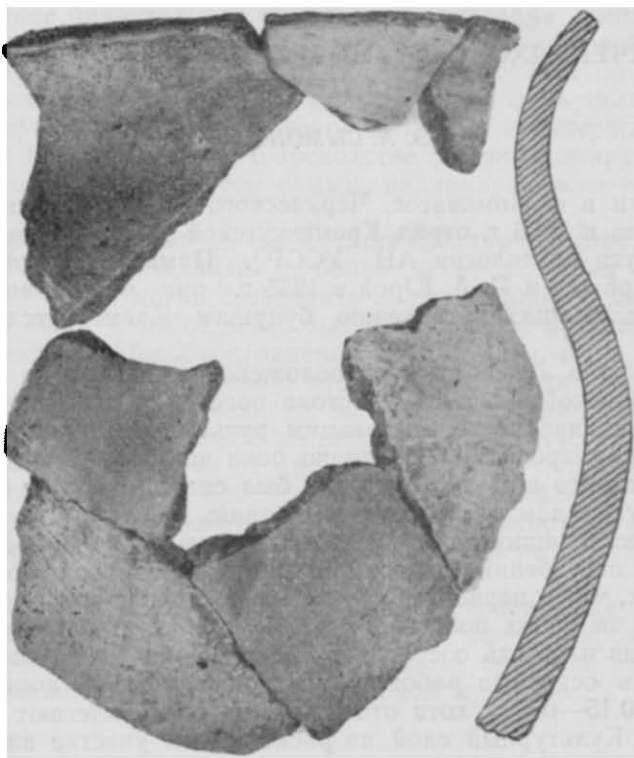

Рис. 1. Фрагмент лепного горшка с поселения у с. Ломоватого.

но, однако, что часть поселения была уничтожена в результате размыва береговой полосы.

Прежде чем перейти к общей характеристике находок в Ломоватом, отметим большое количество хозяйственных ям, вскрытых в прибрежной полосе (в раскопе I их не было). Большинство ям неглубокие, до 0,3—0,5 м глубины от уровня, на котором они обнаружены, но одна из них, наиболее, кстати, богатая находками, почти цилиндрическая, достигала глубины 1,05 м.

В раскопе II были найдены остатки обмазанного глиной очага, сильно разрушившегося от времени, на поде которого лежал раздавленный лепной сосуд.

К сожалению, эти находки пока не дают оснований для суждения о том, какие наземные или полуземляночные жилища строило здесь население первых веков н. э.

На поселении наиболее интересна лепная, самая многочисленная группа посуды. Во-первых, следует отметить, что наряду с посудой с грубой поверхностью встречается черная лепная лощеная посуда

(рис. 1), хотя число фрагментов ее очень невелико. Во-вторых, среди типично черняховских лепных горшков, близких к гончарным, с более или менее крутыми плечиками и слабо отогнутым или с загнутым внутрь прямосрезанным краем найдены фрагменты сосудов другого типа. Это горшки с отогнутым краем и пологими плечиками, напоминающие посуду с городищ позднескифского времени, горшки с краем в виде раструба большого диаметра и горшки с отогнутым венчиком и валиком по плечикам. Валик, а иногда и венчик украшены рядами ямок, нанесенных пальцем. Формы этих двух последних типов горшков близко напоминают сосуды зарубинецкой культуры¹.

Среди черноглиняных лепных лощеных фрагментов удастся реконструировать форму тарелкообразной миски, также характерную для зарубинецких памятников.

В то же время находимые с этой посудой обломки гончарных горшков и мисок являются остатками характерных черняховских сосудов. Грубая гончарная посуда—это, как правило, сероглиняные толстостенные горшки с выщербинами в нижней части тулова. Гончарная лощеная посуда представлена сероглиняными тонкостенными мисками. Среди этих обеих групп керамики нет большого разнообразия типов сосудов и очень мало орнаментированных фрагментов, что типично для раннечерняховского времени.

Импортные вещи и металлические находки помогают уточнить дату поселения. Все обломки стенок амфор из культурного слоя покрыты рифлением и относятся к так называемому римскому времени. Выразителен фрагмент верхней части узкогорлой амфоры II—III вв. н. э., найденный в упомянутой выше глубокой яме, где также был обнаружен большой обломок лепного сосуда с краем в виде раструба.

Кроме амфор, есть обломки сосудов, покрытых хорошим красным лаком раннеримского времени, попавших сюда из античных городов Северного Причерноморья.

Из немногих металлических находок на поселении особенно интересны бронзовые вещи.

Фрагмент верхней части арбалетной фибулы подвязного типа является находкой, типичной для памятников черняховской культуры (рис. 2, 5).

Более интересна швейная игла длиной 8,6 см (рис. 2, 1), являющаяся редкой находкой. Следует при этом отметить, что при раскопках позднечерняховского могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» на нижнем Днепре в одном из погребений была найдена бронзовая игла совсем другого образца—гораздо более короткая.

Кольцо из толстой проволоки с заходящими друг на друга концами диаметром 2,3 см (рис. 2, 3), скорее всего напоминающее височные кольца, также стоит несколько особняком. В «классических» памятниках черняховской культуры обычно встречаются кольца из тонкой проволоки с заходящими друг за друга концами, прикрепленными к кольцу, по выражению В. В. Хвойко, плетением и узелками².

Изобилие лепной керамики на поселении в Ломоватом и сходство ее в ряде случаев с посудой зарубинецкой культуры, а также своеобразие двух бронзовых вещей дает возможность поставить вопрос о том, нет ли здесь случайного смешения двух разных культур и не отражает ли памятник локальный вариант одной какой-то области культуры полей погребений. Против этого предположения свидетельствует, однако, тот факт, что уже известен ряд памятников черняховского типа, где

¹ Е. В. Махно, Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье, СА, XXIII, 1955, стр. 93, рис. 5, справа.

² В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье, ЗРАО, н. с., т. XII, 1901, стр. 173, табл. XX, 1, 3.

преобладала или встречалась в большом количестве лепная керамика. Назовем хотя бы Привольное в районе Запорожья и Грушевку южнее Никополя.

Результаты раскопок в Привольном, которые недавно опубликовал Ю. В. Кухаренко, показали, что там из керамических остатков 65% составляли обломки лепной посуды¹.

В Грушевке лепная посуда составила немного более 50% керамических фрагментов. В то же время эта посуда встречалась совместно с гончарной и с обломками амфор, численность которых во вскрытой там землянке составила 13% от всех находок.

Как нами было отмечено, некоторые формы посуды с Грушевского поселения перекликаются с зарубинецкими формами². Тогда же было

Рис. 2. Вещи с поселения у с. Ломоватого.

обращено внимание на то, что жители более позднего черняховского поселения в с. Кут (III—IV вв. н. э.), расположенного всего в 2 км от предыдущего, строили наземные жилища и пользовались преимущественно гончарной посудой.

Аналогичная ситуация отмечена и в Черкасском районе. Сравнительно неподалеку от Ломоватого было раскопано черняховское поселение III—IV вв. н. э. в с. Леськи. На этом поселении в слое преобладала гончарная посуда и найдены остатки наземных столбовых жилищ³.

¹ Ю. В. Кухаренко, Поселение и могильник в селе Привольном, СА, XXII, 1955, стр. 129 и 130.

² Э. А. Сымонювич, Раннеславянские поселения у сс. Грушевка и Кут, Апостоловского р-на, Днепропетровской области, КСИА, в. 2, К., 1953, стр. 20; см. также Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 151—152.

³ См. статью А. Т. Брайчевской и М. Ю. Брайчевского в этом выпуске «Кратких сообщений». В результате раскопок, произведенных автором настоящего сообщения в 1958 г. в прибрежной части с. Леськи, обнаружены древнейшие участки поселения, возникшего во II в. н. э. Удаленные от берега р. Евтуха участки, раскопанные М. Ю. и А. Т. Брайчевскими, относятся к более позднему времени.

В результате приходится отвергнуть предположение о каком-то «локальном» варианте черняховской культуры на территории Черкасской области. Как мы видели, подобную же картину представляют памятники в районе Запорожья и на нижнем Днепре. Следовательно, мы имеем дело с эволюцией во времени памятников одной культуры. Сейчас уже становится все более очевидным, что более ранние (II—III вв. н. э.) памятники черняховского типа существенным образом отличаются от позднейших (III—V вв. н. э.) памятников этой культуры. Нет необходимости говорить о важности решения вопроса о происхождении черняховской культуры и о дальнейшем ее развитии в Поднепровье. При решении этого вопроса большое значение имеет раннечерняховское поселение в Ломоватом, раскопки которого следует продолжить.

РАСКОПКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА ВОИНЯ В 1956 ГОДУ

В. К. ГОНЧАРОВ, В. А. БОГУСЕВИЧ, Р. А. ЮРА

Воды Кременчугского моря затопят значительную территорию, где расположены археологические памятники разных эпох. Среди них важное место занимают древнерусские памятники и, в частности, городище у с. Воинская Гребля, Градижского района, Полтавской области, которое являлось главным объектом нашего исследования в 1956 г.¹

Городище расположено в пойме, на правом берегу р. Сулы, в 1,5 км от ее устья. Оно хорошо защищено естественными преградами. Непосредственно у подножья городища протекает Сула, омывающая его с восточной стороны. С других сторон к городищу и поселению возле него близко подходят старое русло Сулы, носящее название Кривуля, и старое русло Днепра, а теперь его проток, носящий название Глушец.

Территория городища с валом и рвами занимает площадь до 4 га. Внутренняя площадка, ограниченная валом и замкнутая в виде подковы, которая примыкает непосредственно к реке, имеет около 1,5 га. На запад от укреплений, на природной возвышенности, окруженной сетью озер и заливов, расположено обширное поселение площадью свыше 25 га (рис. 1).

При наличии общих черт со многими древнерусскими памятниками этого рода городище у Воинской Гребли имеет и существенные отличия, на которые обратил внимание в свое время еще В. Г. Ляскоронский, посетивший его в конце прошлого столетия². В докладе на XI археологическом съезде о результатах своей разведки он указывал на необычное местоположение городища: оно расположено не на горе, а в самой пойме реки, что и дало автору право отнести его к числу так называемых болотных городищ. В. Г. Ляскоронский отметил также, что городище было укреплено двумя искусственными рвами, расположенными с внутренней и внешней сторон вала, и что внутренний ров заполнялся водами Сулы.

Безусловно, что такое устройство фортификационной системы городища существенно отличает его от многих других городищ того времени, в которых рвы устраивались только с внешней стороны вала.

¹ Ранее городище было обследовано Ф. Б. Копыловым; см. Ф. Копылов, Посульская экспедиция 1945—1946 гг., АП, т. I, К., 1947, стр. 259. В работе экспедиции Института археологии АН УССР в 1956 г. принимали участие В. К. Гончаров (начальник экспедиции), Р. А. Юра (зам. начальника экспедиции), В. А. Богусевич (начальник отряда), А. А. Копыл (топограф-чертежник), А. А. Попко, А. И. Сирош (научные сотрудники).

² В. Г. Ляскоронский, Городища, курганы и длинные змиевые валы, находящиеся в бассейне р. Сулы, Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 412.

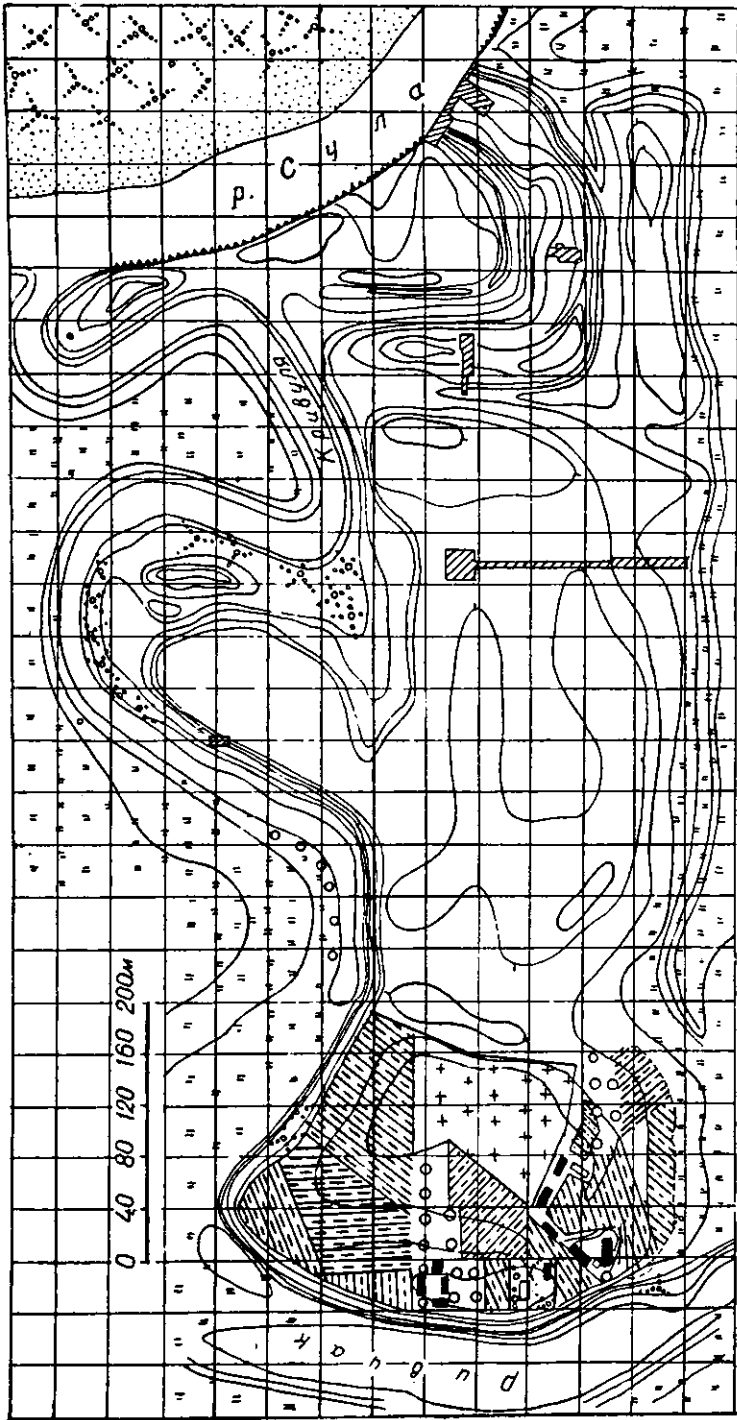

Рис. 1. План древнерусского городища и поселения у с. Волнской Гребли.

Обращают на себя внимание и необычные размеры и конфигурация вала. Ширина подошвы вала в юго-восточной части достигает около 35 м, а в западной—45 м. Вал имеет террасированную площадку шириной от 20 до 25 м, обращенную ко внутреннему рву. Высота вала в наиболее сохранившихся местах составляет 7 м, считая от дна рва, и около 3,5 м от уровня внутренней площадки. Рвы теперь находятся в заплывшем состоянии, внутренний имеет ширину 15—16 м, а внешний — около 20 м.

Для выяснения характера культурного слоя на площадке, замкнутой валом и рекой, была произведена шурфовка. Установлено, что культурный слой здесь совершенно отсутствует и уже на глубине 0,3 м от современной поверхности залегает чистый речной песок с измельченными речными ракушками. Отметим, что уровень поверхности площадки возвышается всего лишь на 0,8 м над уровнем воды в реке (уровень воды взят в августе месяце, когда он был самым низким). По краям площадки, у подножья вала, где теперь прослеживаются следы заплывшего внутреннего рва, уже со второго штыка сразу же под дерновым слоем выступает вода, уровень которой соответствует уровню воды в реке. Весной эта площадка ежегодно затопляется водами Сулы. Таким образом, выяснилось, что укреплениями защищалась не заселенная часть городища, а совершенно пустая низменная площадка, имеющая широкий доступ к реке.

Раскопки городища у Воинской Гребли производились в двух пунктах на валу, на террасовидной площадке, примыкающей с востока к валу, и на поселении, прилегающем к городищу с западной стороны.

В юго-восточном конце вала, где он в настоящее время интенсивно размывается водами Сулы, вдоль вершины был заложен раскоп I площадью 500 м². Здесь были открыты остатки 34 дубовых срубов, скрепляющих собой крутые склоны вала. Расположены срубы в два ряда, которые проходят по всей длине вала без перерыва. Вся система древних укреплений вала состояла из срубов двух размеров. Большие из них имеют длину 2,7 м, а меньшие—1,8 м при общей ширине в 1,5 м. Таким образом, две клетки, поставленные поперек вала, имели в длину 4,5 м.

Срубы построены «в обло» из круглых дубовых бревен диаметром 20—22 см. Срубы были забиты в нижней их части глиной, лессом и песком. Никаких культурных остатков в заполнении срубов не обнаружено. В отдельных местах их удалось проследить на глубину до 2—2,3 м. В древности верхняя часть срубов выходила на поверхность и возвышалась над нею, образуя сплошную стену шириной в 4,5 м. Везде остатки этих наземных частей срубов, находящиеся выше погребенной почвы, были обнаружены в обгорелом состоянии, тогда как нижние стенки срубов, засыпанные грунтом, везде выявились в виде истлевших бревен. Возможно, что срубы внутри были заполнены землей также и в наземной части.

Зачисткой обреза вала в юго-восточной части городища, размытой водами Сулы, прослежена засыпка склонов с внешней стороны вала до самой подошвы. Установлено, что склоны вала насыпались из прослоек глины, гумуса, песка с гумусом и желтого насыпного песка. Подошвой вала является аллювиальный песок, залегающий на глубине 6 м от вершины вала (рис. 2).

Все насыпанные прослойки от вершины вала круто, под углом в 45—50°, падают в северо-западном направлении и исчезают на уровне аллювиального песка, а затем под таким же углом снова поднимаются вверх. Промежуток между падающими прослойками заполнен внизу глиной, а сверху гумусом. По этим наслоениям в обресе четко прослеживается повторное сооружение вала. В ранний период, когда было заложено городище (очевидно, в конце X в.), укрепления состояли из

двух валов шириной у основания приблизительно в 22 (наружный) и 20 (внутренний) м. Между валами находился ров глубиной до 6 м, считая от вершины наружного вала, и шириной в 16 м, считая от вершин валов.

В более поздний период, при перестройке укреплений, ров между валами был засыпан и образовался один большой вал с широкой верхней площадкой на месте прежнего рва, где затем расположились жилища, состоящие из деревянных срубов, открытых раскопками уже в другом месте (в западном конце вала). Реконструкция укреплений про-

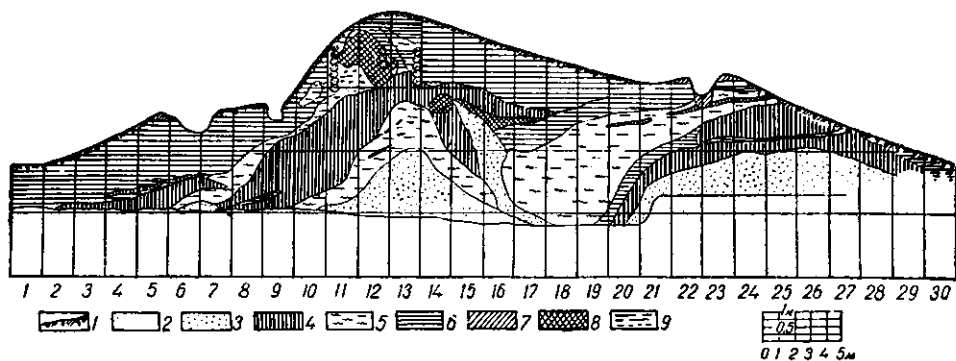

Рис. 2. Разрез вала городища.

1 — дерновый слой; 2 — материковый песок; 3 — насыпной песок; 4 — гумусированный песок; 5 — насыпная спондиловая глина; 6 — гумус; 7 — выкид грунта из окопа; 8 — печина; 9 — остатки кле-тей-тарас.

изошла, очевидно, в XII в., так как весь вещественный материал в жилищах на валу датируется не раньше этого времени.

Раскоп II (площадью 368 м²) был заложен вблизи западной оконечности вала, имеющего здесь ширину подошвы до 45 м при высоте около 4 м. Раскоп ориентирован с востока на запад таким образом, чтобы мог быть получен поперечный разрез вала и рва.

В центральной части вала под верхним слоем залегал довольно мощный (толщиной до 1 м) слой глины, под которым находился песок. В песке обнаружены остатки истлевших досок и дубовых бревен, ориентированных вдоль вала. По залеганию бревен удалось выяснить, что они являются остатками срубов, заполненных песком, которые предохраняли вал от расползания. Срубы располагались вдоль вала в два ряда. Ширина срубов в обоих рядах почти одинакова—4,5 м. Длину срубов, так же как и их высоту, в связи с очень плохой сохранностью бревен выяснить не удалось. Верхние части срубов были перекрыты досками, поверх которых насыпана глина.

Верхняя часть вала на исследуемом участке не сохранилась, но можно предполагать, что сверху вала находились срубы, составлявшие деревянную стену на валу, аналогичную той, остатки которой обнаружены на раскопе I.

К внутреннему ряду засыпанных земель срубов непосредственно примыкали жилища, внешние продольные стены которых были одновременно внутренними стенами засыпанных срубов. Исследованы остатки двух таких жилищ (рис. 3). Вследствие того что жилища сгорели, сравнительно хорошо сохранились в обгорелом виде нижние части стен, сохранился также находившийся внутри жилищ вещественный инвентарь. Жилища были срубные, они располагались по одной линии, но имели самостоятельные боковые стены, находившиеся на расстоянии 1,3 м друг от друга. Каких-либо остатков деревянных конструкций, связывавших между собой оба жилища, проследить не удалось. Известные до сих пор срубные жилища, располагавшиеся под валом (на

Райковецком, Колодяжинском и Городском городищах), были между собой конструктивно связаны и имели общие боковые стены.

Площадь первого жилища составляет $3,5 \times 3,2$ м, второго— 3×3 м. Жилища сооружены из дубовых бревен диаметром около 20 см, скрепленных между собой «в обло»—концы поперечных стен выступают за линию продольных приблизительно на 30 см. Стены жилища местами уцелели на высоту девяти бревен. С внутренней стороны бревна слегка затесаны. Пол жилища залегал на глубине 1,75 м от уровня современ-

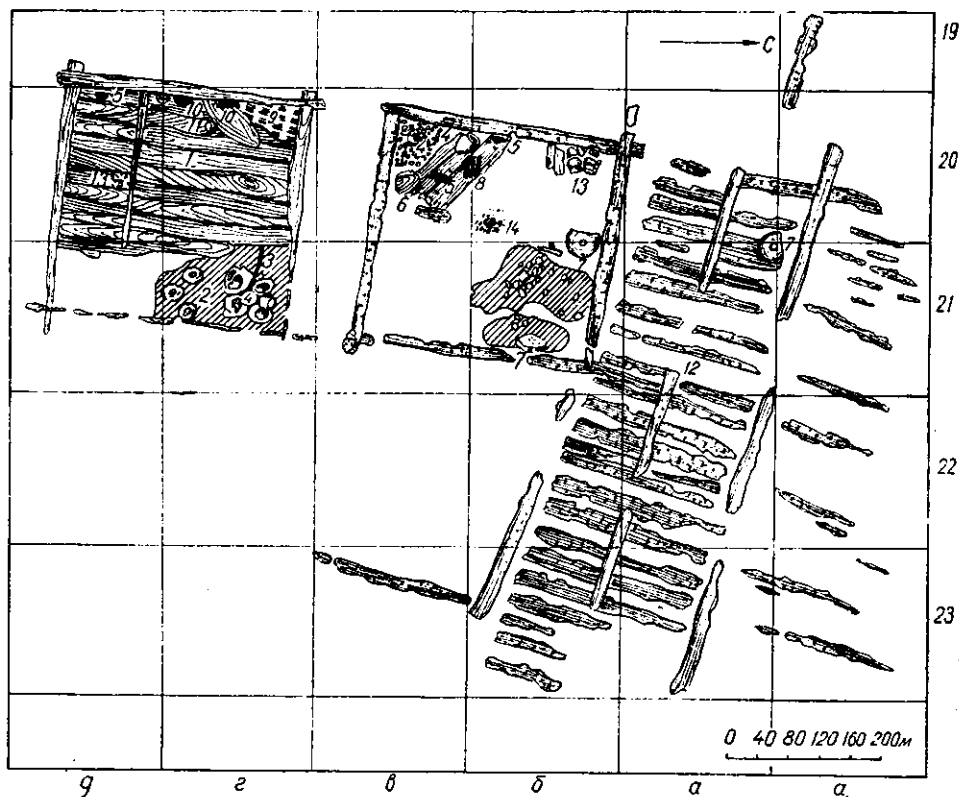

Рис. 3. План жилых клеток на раскопе II.

1—дощатый пол жилища; 2—развал печи; 3—железная опора свода печи; 4—керамические сосуды; 5—деревянные сосуды; 6—днище бочки; 7—жернова для помола зерна; 8—остатки ткацкого станка; 9—цинковка из рогазы; 10—остатки обгорелых тканей; 11—печеный хлеб; 12—деревянная мостовая; 13—раздавленный сосуд; 14—остатки кадушки.

ной поверхности вала. В одном из жилищ хорошо сохранился пол, сделанный из толстых (2,5 см) сосновых досок шириной около 30 см, лежавших параллельно продольным стенам.

Под досками пола обнаружены три поперечные балки-лежни. В переднем правом углу жилища помещалась большая глинобитная печь, от которой уцелел лишь бесформенный развал печины. Возле устья печи обнаружена массивная железная продолговатая пластина, входившая, видимо, в конструкцию печи. В современных украинских сельских печах подобного вида пластины используются для поддержания свода.

В развале печи обнаружено два целых и семь раздавленных глиняных сосудов—восемь горшков и маленький кувшинчик. Особый интерес представляет кувшинчик, имеющий очень узкое отверстие в горловине и пять отверстий на доньшке (табл. II, 1). Для каких целей использовался этот сосудик, неизвестно. На полу жилища найдены три трубчатых замка, ключ, обгорелые деревянные чашки и миски, выточенные на токарном станке, остатки тканей, клубок ниток, шиферные

пряслица, бронзовая чаша в виде лампы, каравай хлеба, остатки цинковки, сплетенной из рогозы.

Второе жилище сохранилось несколько хуже в связи с тем, что его стены во время пожара значительно сместились внутрь. Пол здесь был сделан, по-видимому, также из досок, но поскольку они не обгорели, а истлели, от него сохранились лишь незначительные остатки. Глинобитная печь располагалась в переднем правом углу. Среди развала печи найдены небольшой горшочек-игрушка и обломки кухонных горшков. Возле печи лежало массивное втульчатое долото. В заднем левом углу жилища найдена большая раздавленная амфора, на плечиках которой вырезаны какие-то знаки и буквы (табл. I, 1). Здесь же обнаружены днище бочки и остатки ткацкого станка (фрагменты берда). У северной стены расчищены обломки двух жерновов, лежавших в рабочем положении. Возле западной стены жилища найдены шесть горшков, причем один из горшков находился внутри другого. В разных местах клетки обнаружены обломки точеных деревянных мисок и чаш, в том числе дно миски с остатками пищи, обгорелые зерна проса, хранившиеся в какой-то деревянной таре, кубический замок, шиферные пряслица, бронзовая пряжка от пояса, рыболовные крючки, гвозди и т. п.

Под полом жилищ залегает рыхлая рушеная земля, содержащая в значительном количестве кости животных, мелкие камни, куски истлевшего дерева, фрагменты керамики XI—XIII вв., гвозди и т. п.

Перед срубными жилищами обнаружена вымостка-настил из дубовых плах, положенных на продольные бревна-лаги (рис. 3). Последние лежат перпендикулярно к продольной оси вала на расстоянии 1,3 м друг от друга. Лучшее сохранился в северной части, где он прослежен на площади 6,5×2,5 м. В южной части от него уцелели лишь незначительные остатки истлевшего дерева. Удалось также проследить два строительных периода в сооружении настила. Под верхним настилом залегает более ранний настил точно такого же устройства и ориентации. Эти настилы очень напоминают собой известные новгородские мостовые. Под нижним настилом залегает слой костей животных (толщиной около 0,5 м), представляющий собою своего рода фундамент (субструкцию).

Есть основания предполагать, что настил перед жилищами использовался в качестве причала для судов, заходивших с реки внутрь городища.

Исследование наружного рва на раскопе II показало, что его первоначальная глубина составляла около 3 м при ширине 20 м и крутизне склонов 45°. На глубине 1,6 м от уровня современного дна рва прослежены горелый слой толщиной 0,2—0,3 м, образовавшийся, видимо, в результате пожара деревянных конструкций, возвышавшихся над валом и свалившихся в ров.

В заполнении рва обнаружено большое количество костей животных, камни, обломки керамической посуды (в том числе много фрагментов амфор), гвозди и бытовые вещи XI—XIII вв.: костяной гребешок, кубический замок, точильные бруски, пряслица и т. п. Особый интерес представляет костяное изделие—приспособление для облегчения вытягивания рыболовных сетей (табл. II, 2).

Открытое поселение, как указывалось, расположено к западу от городища, на надпойменной террасе, не заливаемой в половодье (рис. 1). Со всех сторон оно ограничено естественными преградами: с запада—несколькими сообщающимися между собой озерами, носящими название Ривчак; с севера—рукавом Сулы, называемым Кривуля; к югу от поселения находится заболоченная низина, примыкающая к протоку Днепра—Глушцу; восточная часть поселения примыкает к крепости и отделяется от нее искусственным рвом. Наибольшее протяже-

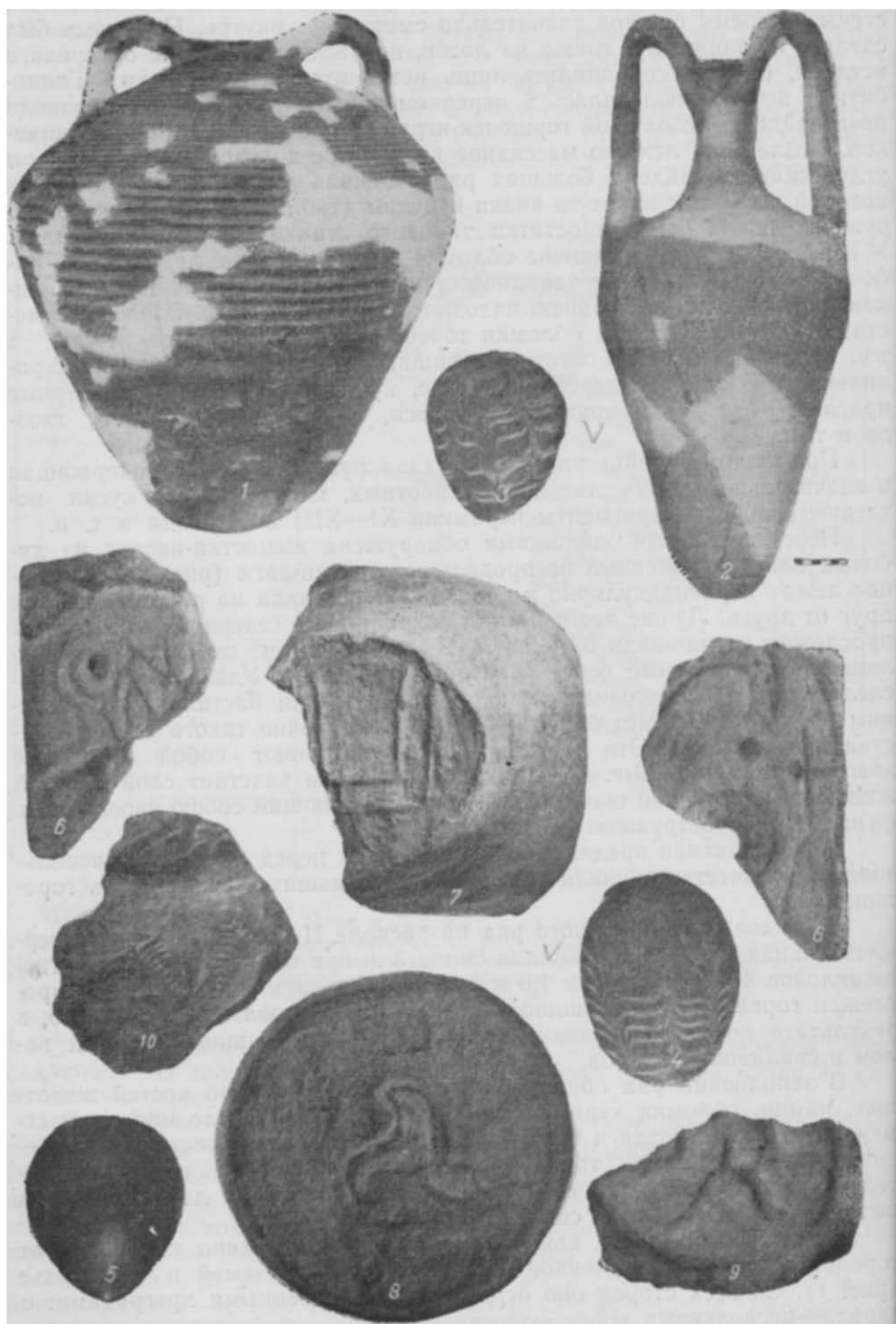

Табл. I. Предметы из Воиня.

1 — амфора с низким горлом; 2 — амфора с высоким горлом; 3, 4 — керамические писанки; 5 — каменная писанка; 6 — фрагмент каменной литейной формочки; 7—9 — клейма на донышках керамических сосудов; 10 — фрагмент керамического сосуда роменского типа.

Табл. II. Предметы из Воиня.

1 — миниатюрный кувшинчик с отверстиями на доньшке; 2 — костяное приспособление для вытягивания сетей; 3, 9 — костяные орнаментированные пластинки; 4 — костяная трубочка с отверстиями; 5, 10 — костяные пуговицы; 6 — костяной наконечник стрелы; 7 — костяной псалий; 8 — костяной двухсторонний гребешок; 11 — игральная кость; 12 — костяной орнаментированный футляр для гребешка; 13, 14 — пастовые бусины.

ние (примерно около 1000 м) территория открытого поселения имеет с востока на запад; в поперечном направлении (юг—север) оно имеет около 250 м. Таким образом, площадь его составляла около 25 га. Следует отметить особую конфигурацию площадки, которую охватывает с трех сторон колено Кривули. Такое местоположение указанного участка поселения вызывает предположение о том, что оно, по-видимому, является местом древнейшего поселения, возможно, предшествовавшего возникновению городища.

Четыре пятых территории посада не застроено и ежегодно распашивается. Только пятая часть (западная оконечность) территории посада застроена усадьбами колхозников и занята под кладбище.

Обращает на себя внимание большая насыщенность территории поселения подъемным материалом, главным образом фрагментами горшков и амфор, а также костями животных. В южной части на поверхности земли найден фрагмент кольчуги, превратившейся в результате окисления в бесформенный кусок железа.

Для выяснения расположения на поселении жилищно-хозяйственных комплексов была заложена траншея по линии север—юг длиной 180 м. В северной части траншеи культурный слой оказался наиболее насыщенным археологическим материалом—остатками жилищно-хозяйственных сооружений и большим количеством разнообразных вещей, датируемых X—XIII вв. Здесь был заложен раскоп площадью 440 м² (22×20 м).

Обнаруженные здесь при раскопках жилищно-хозяйственные сооружения относились к трем строительным периодам. Лучшей сохранностью и полной определенностью своих нижних частей отличались строительные комплексы нижнего горизонта. Это обусловлено тем обстоятельством, что они были сооружены в слое из глины и песка, залегающем на песчаном материке. Постройки нижнего горизонта были углублены в материковый болотный мергель, который здесь залегает пластом шириной до 40 м.

В нижнем горизонте были открыты четыре полуземляночных жилища и одно наземное. Около жилищ располагалось семь хозяйственных ям. Два из углубленных в землю жилищ площадью 3×4 м имели в плане прямоугольную форму. В одном из углов жилищ находились остатки глинобитных куполообразных печей. Ямки от столбов по углам и у стен жилищ указывают на столбовую конструкцию стен этих построек. Стены сооружались, видимо, из деревянных плах, которые затем обмазывались глиной, о чем могут свидетельствовать обнаруженные возле одного из жилищ куски обгорелых плах и развал глины.

Третье полуземляночное жилище имело площадь всего 9 м². Размеры четвертой полуземлянки установить не удалось, так как ее исследование не закончено. От наземного жилища сохранились только ямки от столбов и под печи.

Жилища нижнего горизонта сопровождалась хозяйственными ямами прямоугольной в плане формы (3×1,25 м; 3,2×1,75; 2,5×2,1 м), имевшими глубину от 0,35 до 0,55 м. Ямы содержали большое количество обломков керамической посуды.

Строительные остатки нижнего горизонта относятся, видимо, к концу X — началу XI в.

Более поздние строительные остатки залегают выше — в черно-коричневой земле. Удалось установить, что выше древнейшего строительного горизонта находились еще два одновременных строительных слоя, лежащих один над другим. Остатки жилищ, относящиеся к этим более поздним горизонтам, представлены только частично уцелевшими подами печей; проследить их контуры не представилось возможным. Стратиграфия строительных слоев особенно хорошо была видна на месте од-

ного из полуземляночных жилищ нижнего горизонта. Здесь, на горелом слое, происходящем от пожара древнейшего жилища, на 0,3 м выше уровня его пола располагался под печи более позднего жилища. На 0,45 м выше этого пода залегал еще один под печи, относящийся к самому позднему строительному периоду, датируемому концом XII — началом XIII в.

Во всех трех строительных горизонтах найден обильный вещественный материал, представленный главным образом керамическими, костяными и железными изделиями. Если не считать огромного количества костей животных, то наиболее многочисленной группой находок, обнаруженных на поселении, являются обломки керамических изделий, среди которых преобладают обломки кухонных горшков, имевших различные формы и орнаментацию, а иногда и клейма (табл. I, 7—9). Обращает на себя внимание большое количество фрагментов амфор (табл. I, 2), указывающее на широкие торговые связи исследуемого памятника с Причерноморьем. Встречены также отдельные фрагменты лепной керамики, относящейся к эпохе бронзы, скифскому времени и роменской культуре (табл. I, 10), свидетельствующие о том, что на месте древнерусской крепости существовали более древние поселения.

Большое количество железного шлака, кузнечные клещи и зубило указывают на местную обработку железа. Найдены в значительном количестве изделия из железа: ножи, топоры, дужки от ведер, замки, гвозди, наконечники стрел и копий и т. п. Разнообразны и интересны изделия из рога и кости: рукоятки ножей, проколки, гребешки, рукоятка от посоха, ложила (табл. II, 2—12).

Керамическая литейная формочка для отливки бус и лунниц является свидетельством существования здесь ювелирного производства (табл. I, 6).

Из каменных изделий следует упомянуть многочисленные обломки жерновов, рыболовные массивные грузила, точильные бруски, шиферные пряслица.

На поселении найдены также обломки плинфы, датируемой XI—XII вв., что может указывать на существование здесь какого-то каменного сооружения.

Необходимо упомянуть, что на территории поселения, омываемой коленом Кривули, обнаружено погребение взрослого человека. Возможно, здесь находилось кладбище.

Дальнейшие археологические исследования поселения должны дать более отчетливую характеристику отдельных его частей и выяснить социально-экономическую топографию.

Материалы, добытые раскопками на городище у Воинской Гребли, современное название населенного пункта, возле которого оно расположено, летописные известия и другие письменные источники дают полное основание приурочить данное городище к древнерусскому городу Воиню, входившему в число городов Переяславского княжества.

Все упоминания летописи о Воине связаны с военными столкновениями Руси с кочевниками на южной границе княжества. Наиболее ранним летописным известием о Воине является сообщение о походе переяславского князя Всеволода Ярославича к Воиню в 1055 г. на торков и о победе над ними¹. Под 1079 г. в летописи говорится, что к городу Воиню подошел вместе с половцами князь Роман, шедший походом против князя Всеволода. Здесь же между ними был заключен мир². В 1110 г. русские дружины, шедшие походом на половцев, у Вои-

¹ Летопись по Ипатскому списку, СПб., 1871, стр. 114.

² Там же, стр. 143.

ня поворачивают назад, не вступивши в борьбу с врагами¹. В 1147 г. у Воиня князь Изяслав Мстиславич заключил мир с половцами².

Наиболее ярким подтверждением того, что древний Воинь находился в устье Сулы, является свидетельство из «Люстраций Сигизмунда I», где под 1552 г. дается перечисление земель и угодий, принадлежавших Каневскому замку. В документе повествуется о том, что эти земли находятся «за Днепром же, от замку Каневского в шестнадцать милях (120 км), от Черкасс в девяти (67 км), на речке Суле устье, где Сула в Днепр впадает», и что среди разных угодий на этих землях находятся «под Воином Городищем езы 4, а бобровые гоны на 3 мили»³.

Из приведенного текста следует не только то, что городище находится в устье Сулы, а и то, что давно пустое городище к середине XVI в. сохранило без всяких изменений свое летописное название, позже перенесенное в несколько измененном виде на возникшее здесь село (Воинцы). Есть полное основание отнести Воинь к числу городов, построенных еще при Владимире Святославиче. Целый ряд материалов (керамика роменского типа, костяные изделия, замки особой конструкции и т. п.), добытых раскопками, может быть датирован этим ранним временем. Основная же масса археологического материала, добытого раскопками, может быть датирована XI—XII вв.

Еще раньше, до укрепления Посулья Владимиром Святославичем, здесь, безусловно, существовали славянские поселения. Уже на первых страницах русской летописи упоминается Сула как крайняя граница северян на юге: «...друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и нарекашея Севера»,— говорит летописец⁴. Такое раннее поселение существовало и в устье Сулы, где позже был заложен город Воинь. О раннем заселении данной территории свидетельствуют находки роменской керамики, залегавшие в нижнем культурном слое поселения.

За время своего существования Воинь, как и другие посульские города, был свидетелем многих побед и поражений. Не раз русские дружины переходили Сулу в ее низовьях и отгоняли далеко в степь орды кочевников.

Автор «Слова о полку Игореве», воспевая давние времена, говорит: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве», но в этом же произведении о неудачном походе Игоря против половцев говорится, что «померк свет у солнца», когда половецкие ханы «по Суле города поделили».

Под 1186 г. летопись сообщает о печальной судьбе, постигшей пограничные посульские города, когда хан Кончак «снес Сулу». Следует думать, что вместе с другими посульскими городами был разрушен и Воинь. После этого разрушения жизнь на городище, очевидно, возобновилась. Вторично городище было разрушено, возможно, уже во время татарского нашествия, после чего оно больше не отстраивалось.

Как было уже упомянуто, своим местоположением и системой фортификационных укреплений исследуемое городище несколько отличается от массы древнерусских городов того времени. Если для постройки почти всех древнерусских городов избирались высоты, защищенные крутыми склонами к реке, и наиболее крепкие искусственные валы и рвы сооружались со стороны открытой местности, то место для постройки Воиня было избрано в самой пойме реки, и воды ее через проход незамкнутого вала заходили в искусственно сооруженный ров, который проходил внутри укрепленной площади у подножия самого вала, а при

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 188.

² Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-е, СПб., 1897, стр. 299.

³ Архив Юго-Западной России, т. VII, стр. 101.

⁴ Летопись по Ипатскому списку, стр. 4.

более высокой воде затопливалась вся внутренняя площадка городища, окруженная валом.

Такое устройство крепости, где валом защищалась не заселенная площадь, а залив реки, дает основание предполагать наличие здесь укрепленной городской гавани. Именно здесь, где по Днепру и Суле кончались земли Руси и начинались владения кочевников, такая укрепленная гавань была крайне необходима. Груженные разными товарами ладьи древнерусских купцов, которые плыли великим водным путем на юг, заходили в эту укрепленную гавань, где собирались в большие караваны, и плыли дальше уже под охраной военных дружин.

Пока единственную аналогию такой крепости-гавани того же времени мы знаем на землях Польши, на правом берегу реки Вислы у современного села Веловесь, вблизи Сандомира¹. Здесь гавань имеет то же устройство, что и в Воине, и отличается только меньшим размером. Земляной вал этой небольшой гавани замыкает площадку овальной в плане формы, насчитывающую всего лишь 250 м². Со стороны реки в валу имеется проход шириной в 10 м. За валом, так же как и в Воине, расположено поселение, датированное керамическим и другим материалом X—XIII вв.

Археологические исследования городища у Воинской Гребли, проведенные в 1956 г., дают возможность сделать только некоторые предварительные выводы, которые могут быть уточнены, расширены и дополнены лишь после углубленной проработки уже добытого материала, а также после проведения новых археологических раскопок.

---

¹ Gabriel Leńczyk, *Obronny port nadwiślański*, «Dawna kultura», 1956, № 3, стр. 220—222.

ОСКОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1955—1956 ГОДОВ

Д. Я. ТЕЛЕГИН

В связи со строительством канала Северный Донец—Донбасс в долине р. Оскола, где производится сооружение Краснооскольского водохранилища, проведены обширные археологические исследования.

Отдельными отрядами комплексной экспедиции проводились разведки и раскопки памятников неолитической эпохи, различных этапов эпохи бронзы, скифского и славяно-салтовского времени. Археологическими работами охвачен отрезок долины на протяжении более 100 км — от устья Оскола до станции Двуречная. Кроме того, экспедицией 1955 г. обследован ряд поселений на С. Донце в Изюмском и Славянском районах¹.

Следует отметить, что долина Оскола была изучена в археологическом отношении довольно слабо. Об археологических памятниках этой территории мы имели лишь отрывочные сведения, полученные главным образом из разведок Н. В. Сибилева. В конце 20-х годов на среднем течении Оскола проводил обследования древних памятников М. Я. Рудинский².

Из археологических работ прежних лет, проведенных в долине Оскола за пределами УССР, следует упомянуть о раскопках поселения возле сел Шелаево и Лукьяновка³.

Настоящая статья является кратким сообщением о работе Оскольской экспедиции 1955 и 1956 гг.

Основным объектом исследований неолитического отряда Оскольской экспедиции в 1955 и 1956 гг. было поселение позднейшего неолитического времени — начала эпохи металла у хут. Александрия, Купянского района, Харьковской области.

Здесь, на мысу боровой террасы левого берега реки, на площади около 300 м² вскрыт относительно мощный культурный слой, залегающий в наслоениях дюны на глубине около 0,5 м. Он состоит из черного, довольно глинистого песка со следами кострищ. В слое собраны обломки керамики, кремневые и костяные орудия, кости животных и т. п.

¹ В работе Оскольской экспедиции принимали участие Д. Я. Телегин, Д. Т. Березовец, В. А. Ильинская, С. С. Березанская (Институт археологии АН УССР), П. Д. Либеров (Институт истории материальной культуры АН СССР), Б. А. Шрамко, Е. В. Пузаков (Харьковский государственный университет и Харьковский исторический музей), А. Е. Банников, Я. И. Красюк (Изюмский и Первомайский краеведческие музеи) и др.

² М. Я. Рудинський, Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень в межах УРСР, Антропология, т. IV, К., 1931, стр. 155—156.

³ М. Е. Фосс, Раскопки стоянок на р. Осколе, Тр. ГИМ, в. XII, М., 1941. См. также Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Курская область, М., 1937, стр. 161—169.

В основании культурного слоя и под ним, в материке дюны, вскрыты 26 древних погребений.

Уже самый предварительный просмотр керамических остатков, собранных на поселении, позволяет говорить о наличии здесь двух основных групп керамики, по всей вероятности, более или менее одновременной, но имеющей, надо полагать, различные генетические истоки.

Сосуды первой группы имеют горшкообразную форму со слабо выраженным венчиком и острым дном. Они богато орнаментированы оттисками гребенки, прочерченными линиями и наколами. В тесте есть примесь песка, черепки тяжелые и плотные.

Эта керамика генетически связана с посудой раннеэнеолитических поселений гребенчато-накольчатой керамики лесостепного Левобережья Украины¹.

Вторая группа сосудов более тяготеет к югу, к степным памятникам с керамикой типа Среднего Стога II². Это также округлотелые остродонные сосуды с высокой шейкой, украшенной оттисками гребенки. Характерным признаком этой керамики является примесь какого-то измельченного вещества, выгорающего при обжиге, и толченых ракушек. Черепки очень пористые и легкие.

Кремневый инвентарь поселения многочисленный и разнообразный: всего собрано более 200 орудий труда. Среди них кремневые ножи, изготовленные из больших ножевидных пластин, наконечники копий и стрел различной формы, шлифованные топоры из кремня и камня и т. п.

Погребения, большинство которых окрашено красной охрой, по ряду захоронения делятся на вытянутые (7) и скорченные на спине, с подогнутыми вверх ногами (15). Имеются также два погребения, скорченные на боку, и одно в виде кучки костей, лежащих не в анатомическом порядке. Кроме того, на площади поселения расчищено погребение салтовского времени, о котором будет рассказано ниже. При погребениях (вытянутых и скорченных на спине) обнаружены кремневые ножи, аналогичные находкам из культурного слоя. Одно скорченное на спине погребение сопровождалось небольшим остродонным сосудом, аналогичным керамике второй группы. Все это дает основания высказать предположение о принадлежности могильника и поселения одному и тому же населению.

Поселение и могильник у хут. Александрии имеет важное значение для понимания культуры населения южной части лесостепного Левобережья в эпоху позднего неолита — раннего металла. Изучение этого памятника дает ценный материал и по вопросу сложения культуры ранней бронзы степного юга. Следует также подчеркнуть, что исследованные на поселении погребения являются первыми для этого времени, обнаруженными в бассейне Оскола и С. Донца.

Работами Оскольской экспедиции удалось установить густую заселенность долины реки в эпоху бронзы. Во время разведки 1955 и 1956 гг., проведенной П. Д. Либеровым, Д. Я. Телегиным и Я. И. Красюком, было обнаружено около 30 поселений, относящихся главным образом к среднему и позднему периодам эпохи бронзы.

Одно из них, предположительно датируемое срубным временем, раскопано в 1956 г. С. С. Березанской возле с. Рубцы, Краснолиманского района, Сталинской области³.

¹ Д. Я. Телегин, Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України, Археологія, т. XI, К., 1957.

² А. В. Добровольський, Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану, р. 1927, Збірник Дніпропетровського краєвого історично-археологічного музею, т. I, Дніпропетровськ, 1929.

³ См. статью С. С. Березанской в этом выпуске «Кратких сообщений».

В 1955 г. нами полностью закончено исследование жилища эпохи бронзы на поселении Студенок 5, где проводились работы еще в 1950 и 1951 гг.¹

Здесь даем общую характеристику устройства жилища и добытого в нем инвентаря.

Жилище площадью 5×7 м имело в плане четырехугольные очертания (рис. 1). От его южной стенки отходил «коридор» длиной 5 м и шириной около 1,5 м, который, очевидно, служил выходом. В центре

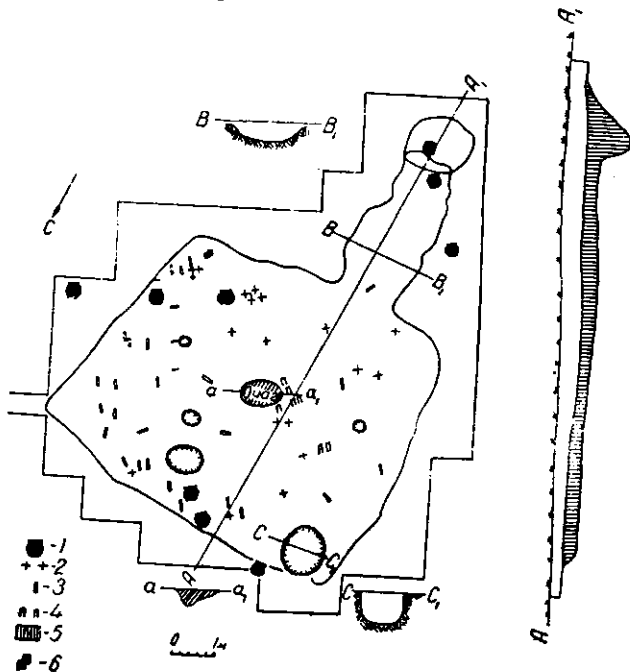

Рис. 1. План и разрез жилища эпохи бронзы на поселении Студенок 5.

1 — развалы сосудов; 2 — кремневые изделия; 3 — кости и зубы животных; 4 — печина; 5 — заполнение жилого углубления; 6 — матрица.

жилища был углубленный очаг, овальный в плане, заполненный черным песком, угольками и мелкими кусками печины. На площади жилища находились шесть ям разных размеров и глубины. Меньшие из них, глубиной до 0,2 м, возможно, служили основаниями для столбов. Расположены они, однако, без ясно выраженного плана. Большие ямы имели какое-то хозяйственное назначение. Здесь следует прежде всего отметить две большие ямы диаметром более 1 м, из которых одна расположена в северном углу жилища непосредственно около «прохода» в стенке, а вторая — в конце отмеченного выше «коридора». Глубина этих ям превышает 1 м от дна жилища. Их роль в жилище остается мало понятной.

Наземного характера жилое сооружение имело углубленный на 0,3—0,4 м э слой белого материкового песка пол. Углубление было заполнено черным углистым песком. Жилище, очевидно, погибло от пожара. Об этом же свидетельствуют обожженный кремнь и обугленные кости животных. Черепки сосудов также имеют следы действия огня. Все они покрыты черным углистым налетом.

Керамика, найденная в жилище, представлена плоскодонными горшками средних размеров (диаметр 20—25 см). Корпус этих

¹ Д. Я. Телегин, Дослідження поселень епохи бронзи на Сіверському Дінці, АП, т. VI, К., 1956, стр. 75—77.

сосудов округлый, венчик слегка отогнут наружу, его срез ровный или скошенный (рис. 2, 1—6). Среди керамических форм следует отметить один округлотелый сосуд, имевший, очевидно, яйцевидной формы дно (рис. 3, 4). Несколько необычен и орнамент этого сосуда, состоящий из горизонтальных рядов цилиндрических ямок.

Рис. 2. Керамика из жилищ эпохи бронзы на поселении Студенок 5.

Вся керамика поселения «мягкая» наощупь, темная в изломе, без видимой примеси в тесте. Она сравнительно тонкостенная, довольно хорошо сглаженная. Лишь в отдельных случаях заметны следы полосчатого сглаживания. Почти вся поверхность этих сосудов украшена углубленным орнаментом — отпечатками гребенки и продолговатыми углублениями (рис. 2, 2, 3; 3, 1). Реже встречаются округлые ямки. Несколько черепков украшено прочерченными линиями. На одном черепке нанесен веревочный орнамент. Преобладающими мотивами орнаментации являются горизонтальные ряды отпечатков гребенки и продолговатые или округлые углубления. Отпечатки гребенки нередко образуют елочку, а на

венчике — кососетчатые композиции. Часто группы оттисков разбросаны по тулову сосуда в шахматном порядке (рис. 2, 1, 6). Наряду с ямками применялся и «жемчужный» орнамент, которым обычно подчеркивался венчик, несущий по срезу оттиски гребенки.

Следует отметить орнаментацию сосуда, украшенного веревочкой (рис. 3, 2). Этот сосуд, не выделяясь по форме, глиняному тесту и сох-

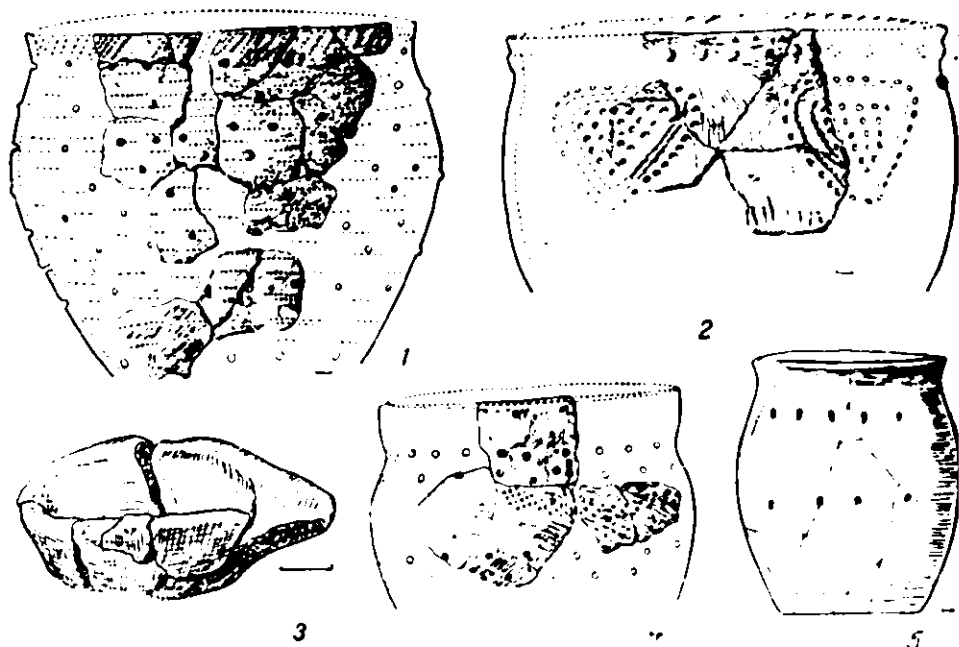

Рис. 3. Керамика из жилищ эпохи бронзы на поселении Студенок 5.

ранности из всего керамического комплекса жилища, заставляет все же вспомнить элементы и мотивы орнаментации катакомбных горшков.

Среди прочих сосудов также выделяется небольшой горшок (рис. 3, 5), украшенный горизонтальными рядами углублений косо поставленной палочки. Этот сосуд лучше всех остальных указывает на генетическую связь керамики поселения Студенок 5 с более поздними керамическими комплексами (например, бондарихинского типа).

Среди орудий труда, найденных в жилище и на поселении, следует прежде всего назвать две половинки одной матрицы для отливки бронзовых кельтов (рис. 4, 1, 2). Она изготовлена из мягкого мелкозернистого песчаника. Кельт одноухий, с двумя поперечными валиками в верхней части. Длина орудия около 8 см, ширина по лезвию 4,5 см. Половинки матрицы во время работы чем-то связывались, о чем свидетельствует наличие желобков на их сторонах. Непосредственную связь с литейным производством имела небольшая глиняная льячка (рис. 3, 3), удлиненно-овальной формы, длиной 6,2 и шириной 3,3 см. Возможно, какое-то отношение к этому производству имела обнаруженная в жилище небольшая слегка коническая трубка, изготовленная из глины. Ее диаметр 1—1,6 см, длина не менее 5,5 см.

На площади жилища найдены четыре бруска для точки металлических изделий. Один из них имеет плоское блюдцеобразное углубление для оттачивания конца орудия, подобного кельту, а также какие-то желобки и выемки.

Из прочих орудий укажем на три обломка зернотерок, изготовленных из различных пород камня (гранит, песчаник). Интересной наход-

кой является обломок кремневого серпа с двусторонней обработкой. Это орудие по рабочему краю сильно заполировано. На площади жилища обнаружены один целый кремневый наконечник стрелы и два обломка. Двусторонне обработанные наконечники стрел имеют треугольные очертания с выраженным черенком.

При раскопках 1951 г. обнаружены две бронзовые вещи; одна из них (коническая подвеска) подробно описана нами раньше¹.

Среди костей животных отмечены остатки домашнего быка, овцы или козы, лошади, возможно, домашней собаки².

Материалы раскопок 1955 г. на поселении Студенок 5 позволяют уточнить датировку памятников этого типа на С. Донце. Лесостепные

Рис. 4. Две половинки матрицы кельта с поселения Студенок 5.

племена, оставившие поселения типа Студенок 5, на С. Донце обитали, по всей вероятности, в позднекатакомбное или раннесрубное время. Об этом свидетельствует наличие матрицы кельта довольно раннего типа, а также бытование орнаментальных мотивов, напоминающих катакомбные.

Некоторые сосуды из раскопок 1956 г. подтверждают высказанное уже ранее мнение о генетической связи поселений типа Студенок 5 и памятников бондарихинского типа³.

Следует отметить, что поселений типа Студенок 5 на С. Донце пока известно весьма немного. За последнее время они, однако, обнаружены на юге Харьковской области, в частности около с. Черкасский Бышкин, Змеевского района, в урочище Сердюково 2, а также в урочище Петровский Бор, вблизи с. Петровское⁴. Поселения типа Студенок 5 на Донеччине в культурном плане могут быть сопоставлены с памятниками типа Марьяновки на Сейме и Малых Будок на Суле⁵.

Кроме раскопок на поселениях эпохи бронзы, отрядом под руководством Б. А. Шрамко исследован большой курган из курганной группы эпохи бронзы, расположенной в с. Пески-Радьковские, Борозского района, Харьковской области. Здесь под насыпью кургана в катакомбах обнаружены четыре скорченных погребения катакомбной культуры. При основном погребении обнаружен горшок с высокой шейкой. Сосуд украшен орнаментом из отпечатков веревочки. Одно детское впускное по-

¹ Д. Я. Телегин, ук. соч., стр. 75, рис. 2, 2, 3.

² Определение В. И. Бибиковой.

³ Д. Я. Телегин, ук. соч., стр. 84.

⁴ Разведки Е. В. Пузакова 1955 г.

⁵ В. А. Іллінська, Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному Лісостепу, Археологія, т. X, К., 1957, стр. 51 сл.

гребение сопровождалось также ожерельем из 12 литых биконических бусин из бронзы, нанизанных на ремешок, остатки которого сохранились.

Важный вклад в изучение памятников поздней бронзы долины Оскола внесен раскопками на поселении у с. Оскол, Боровского района, Харьковской области, произведенными В. А. Ильинской. Здесь обнаружен мощный культурный слой и собран большой вещественный материал¹.

Поселения бондарихинского типа в районе работ Оскольской экспедиции открыты в ряде пунктов, например возле хут. Пришиб, Купянского района, вблизи хут. Большие Базы, Боровского района, и т. д. На поселении у хут. Большие Базы, кроме прочих находок, нами также обнаружен целый сосуд (рис. 5). Он имеет широкое горло и слегка вздутые бока. Орнаментация сосуда состоит из трех горизонтальных рядов оттисков косо поставленной палочки.

Рис. 5. Сосуд бондарихинского типа с поселения у с. Большие Базы.

В результате работ на Осколе становится очевидным, что памятники бондарихинского типа распространены не только в долине С. Донца, но встречаются также и на всем нижнем течении Оскола.

Весьма интересным и до некоторой степени загадочным обстоятельством является факт отсутствия на Осколе и среднем течении С. Донца поселений, которые можно было бы связывать со скифским населением.

Поселения и городища скифских лесостепных племен на С. Донце не распространяются южнее с. Савинцы, то есть ниже южного рубежа лесостепной зоны. На среднем течении с. Донца и на Осколе нет также и поселений со степной скифской керамикой, например типа керамики Каменского городища. Изучавший памятники этого времени на Осколе и С. Донце П. Д. Либеров подтвердил вывод о наличии здесь культурной границы между степными и лесостепными памятниками скифского времени, различающимися как по характеру городищ, так и по материалам из раскопанных поселений.

Средневековый отряд экспедиции проводил исследования памятников салтовской культуры. Основным объектом раскопок было избрано большое салтовское селище около с. Жовтневе, Боровского района, Харьковской области².

Экспедицией обследованы два, известные здесь по данным Н. В. Сибилева, могильника салтовской культуры, которые расположены около упоминавшегося выше с. Рубцов и в с. Шейковка, Боровского района. На Рубцовском могильнике было вскрыто одно безынвентарное погребение. При шурфовке Шейковского могильника Д. Т. Березовцом обнаружено несколько поврежденных погребений. Одно из них сопровождалось сосудом и бронзовым зеркальцем.

Интересное салтовское погребение обнаружено автором при рас-

¹ См. статью В. А. Ильинской в этом выпуске «Кратких сообщений».

² См. статью Д. Т. Березовца в этом выпуске «Кратких сообщений».

копках поселения у хут. Александрии. Здесь в подпрямоугольной яме на глубине 1,2 м от современной поверхности лежал плохо сохранившийся костяк. Покойник был положен на спине в вытянутом положении, головой на запад. Кости рук не сохранились. При погребении обнаружены два сосуда — кувшин и лепной горшок, а также железный нож с деревянной ручкой, ребра и зубы овцы (?) и обломки какого-то

Рис. 6. Сосуды из салтовского погребения у хут. Александрии.

обугленного деревянного предмета. Кувшин (рис. 6, 1) имеет широкое дно и узкое горло со сливом, он снабжен ручкой и украшен вертикальными проглаженными полосами. Горшочек изготовлен от руки без орнамента (рис. 6, 2), имеет шероховатую поверхность, в тесте — примесь шамота. Обращает на себя внимание совместное нахождение при погребении кружального и лепного сосудов, что имеет важное значение для сопоставления керамики салтовских поселений и могильников.

Раскопки поселения и погребений салтовской культуры в разных пунктах долины Оскола свидетельствуют о том, что в конце I тысячелетия н. э. этот район, как и долина С. Донца, был заселен салтовцами довольно густо.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. ОСКОЛА

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

В течение долгого времени оставалось неясным, какая культура существовала в левобережной Лесостепи в конце бронзового века, в период, непосредственно предшествовавший распространению здесь памятников скифского типа. Этот пробел оказался в некоторой степени заполненным в связи с открытием памятников бондарихинской культуры, выявленных за последние годы в ряде пунктов лесостепного Левобережья — на Суле, Ворскле, Северском Донце и Осколе. Из них путем стационарных раскопок были исследованы: поселение в урочище Бондариха у г. Изюма, на левом берегу Северского Донца¹, и поселение у с. Хухры на Ворскле².

В 1956 г. поселение бондарихинского типа было раскопано одним из отрядов Оскольской экспедиции, работавшей в зоне будущего Оскольского водохранилища, у с. Оскол, Боровского района, Харьковской области. Новые раскопки значительно расширили наше представление об этой еще мало изученной культуре³.

Поселение расположено у края первой надпойменной террасы левого берега р. Оскола. Высота ее над поймой 1,5—2 м. Почва песчаная, поросшая молодым сосновым лесом. Шурфы, заложенные на разных участках, а также зачистки показали, что культурный слой не залегает сплошным горизонтом, а образует как бы отдельные пятна скоплений культурных остатков, в промежутках между которыми находки почти не встречаются. Одно такое скопление было обнаружено в северной части поселения, другое — на расстоянии 200 м к юго-западу от него, третье — на краю выступающего в пойму мыса, в 60 м к востоку от предыдущего скопления. В первом и втором пунктах были заложены раскопы I и II площадью 190 и 160 м². Третий участок не был исследован, так как он оказался сильно испорченным силосными ямами и окопами военного времени.

Культурные остатки залегали в толще темного гумусированного песка. Сверху культурный слой был перекрыт наносом чистого желтого песка толщиной от 0,4 до 0,8 м.

При раскопках на первом из указанных участков удалось установить, что местом обитания древнего населения служил северо-западный;

¹ Д. Я. Телегин, Дослідження поселень доби бронзи на Дінці, АП, т. VI, К., 1956; В. А. Іллінська, Нові дані про пам'ятки епохи бронзи в лівобережному Лісостепу, Археологія, т. X, К., 1957.

² Г. Т. Ковпаненко, Поселення епохи пізньої бронзи і раннього заліза поблизу м. Охтирки, Археологія, т. XI, К., 1957.

³ Поселение открыто в 1955 г. Д. Я. Телегиным, руководившим работой Северо-Донецкой экспедиции. В раскопках у с. Оскола принимали участие В. А. Ильинская, Г. М. Падва, Е. И. Безниско.

обращенный к пойме склон. Толщина культурного слоя на склоне достигает 0,8—0,9 м, у вершины он совершенно выклинивается. На раскопе II основное количество культурных остатков было найдено в средней его части на площади 10×8 м на глубине 0,4—0,7 м¹. На этом же участке на глубине 0,65 м были обнаружены следы двух кострищ, на одном из которых находился раздавленный глиняный сосуд. К краям раскопа количество находок резко сокращалось. Представляется вероятным, что это пятно скоплений культурных остатков соответствует месту наземного жилища. Такая же особенность в залегании культурных остатков отмечается и на других поселениях бондарихинского типа.

На обоих раскопах было открыто 12 ям, из которых восемь округлых в плане, 0,7—1,6 м в поперечнике и 0,3—0,5 м глубиной. В заполнении ям встречались кости животных и обломки керамики такого же характера, что и в культурном слое. Поселение оказалось однослойным. Исключение составляют только несколько обломков салтовских амфор, найденных в верхнем горизонте культурного слоя на раскопе I.

Основную массу находок на поселении составляли обломки глиняной лепной посуды. Большинство обломков принадлежало горшкам среднего размера с диаметром венчика от 20 до 26 см. Реже встречались обломки небольших горшочков (15—17 см в диаметре) и обломки крупных сосудов (до 32 см в поперечнике). Средняя толщина стенок 6—7 мм. Глина с примесью песка. Горшки крупных размеров содержат более грубую примесь. На поверхности заметны следы от заглаживания. Особенной тщательностью наружной отделки отличаются тонкостенные небольшие горшочки. Цвет керамики бурый, коричневый или серый.

Основной формой сосудов являются высокие горшки с небольшим днищем, расширяющимся у пояса корпусом, прямыми стенками, слабо обозначенной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Целый сосуд этого типа был найден Д. Я. Телегиным у края надпойменной террасы Оскола, возле с. Большие Базы, в 3 км к северу от с. Оскола². На нашем поселении было найдено большое количество крупных обломков от сосудов такого профиля, позволяющих реконструировать их форму (табл. I, 1).

Вариантом этого же типа являются горшки со стенками, слегка суживающимися кверху и имеющими более плавный переход от пояса ко дну. Таков, например, сосуд, найденный на раскопе II (табл. I, 3) (высота 32,5 см, диаметр венчика 24, корпуса 28, дна 11,8 см).

Чаще всего сосуды орнаментированы различными углублениями, сделанными концом круглой палочки или плоской щепочки. В зависимости от формы и наклона деревянного штампа ямки орнамента имеют форму овала, кружка, четырехугольника, лопаточки, зубчика, треугольника, узкой щелки и т. д. Во многих из них хорошо заметна структура дерева того орудия, которым они наносились. Встречаются также отпечатки в виде опрокинутого горизонтального знака цифры 8 (табл. I, 2) или «бантика», сделанного при помощи щипка двумя пальцами, а также овальные ямки, сделанные большим пальцем.

Чаще всего орнамент состоит из одного горизонтального ряда отрисков, идущих по шейке сосуда. Иногда верхняя половина сосуда бывает украшена несколькими горизонтальными поясками отпечатков того или иного рода (табл. I, 1). Обычны шевроны в виде обращенных вершиною вниз треугольников, составленных из нескольких рядов продолговатых отпечатков, нанесенных щепочкой или круглой палочкой небольшого диаметра (табл. I, 3). В некоторых случаях сосуды имели

¹ Измерения глубин даются от поверхности культурного слоя, находящейся под наносом дюнного песка.

² См. статью Д. Т. Телегина в этом выпуске «Кратких сообщений».

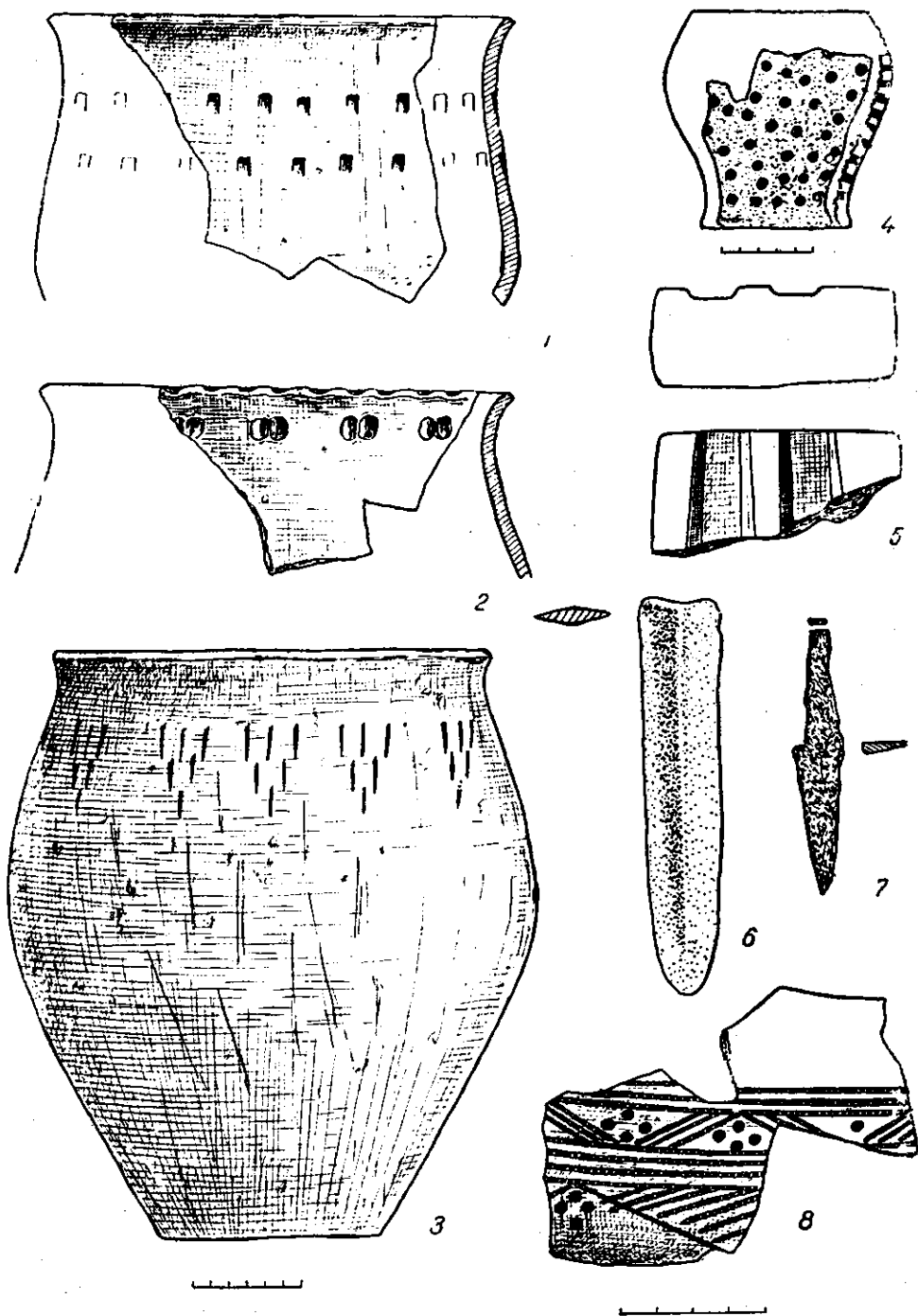

Табл. I. Керамика и другие предметы, найденные на поселении у с. Оскола.

сплошную орнаментацию до самого дна. Края венчика бызуют гладкие или же украшенные по верхнему обрезу косыми насечками, оттисками конца деревянной палочки или пальцевыми вдавлениями.

Среди других форм посуды следует упомянуть обломки глиняных педиклов в виде открытых с двух сторон воронок с круглыми дырочками на стенках (табл. I, 4).

По форме и основным приемам орнаментации керамика, найденная на Оскольском поселении, так же как и на других поселениях бондарихинского типа, близка к керамике городищ юхновской культуры, распространенной в ранний период железного века на Десне (Юхново, Пушкари, Песочный Ров¹, Торфель²), а также на городищах верхней Оки (Гремячее³, Свинухово, Жилино, Надежда⁴). Это сходство позволило нам высказать предположение о генетической связи юхновской культуры с бондарихинскими памятниками конца бронзового века⁵.

Кроме керамики, на поселении найдены костяные скобели для обработки шкур, сделанные из ребер крупных животных, несколько костяных шильев, часть костяной рукоятки какого-то предмета, кварцитовая зернотерка, большое количество кусков зернотерок, плоские и круглые растиральники.

В одной из ям на раскопе II был найден обломок кремневого вкладыша от серпа. В раскопе I найден обломок глиняной литейной формы, на которой сохранилась часть матрицы для отливки двух, по-видимому, долотообразных орудий (табл. I, 5). В яме на раскопе I вместе с обломками керамики бондарихинского типа оказался небольшой железный нож треугольной формы, с черенком; длина ножа 7,5 см (табл. I, 7). Характерно, что на поселении в урочище Бондариха в таких же условиях, в яме, было найдено небольшое железное четырехгранное шило.

Значительный интерес представляет находка бронзового кинжала с гранью посередине, параллельными лезвиями и овально заостренным концом (табл. I, 6). Длина клинка 11 см, ширина в верхней части 2,3 см. Черешок отломан. Ближайшую аналогию этой находке составляет бронзовый черешковый кинжал из Широкого кургана у с. Малой Лепетики на Херсонщине⁶. Форма, размеры и пропорции его очень близки к оскольскому. Другой кинжал, найденный в погребении Широкого кургана, имел бронзовую рукоятку и железное плоское лезвие. Этот кинжал в общем аналогичен обычным, сплошь бронзовым кинжалам так называемого киммерийского типа. Как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, бронзовый кинжал из Широкого кургана напоминает своей формой небольшие кинжалы, хорошо известные покладам литейных матриц позднего периода бронзового века в Северном Причерноморье⁷, А. И. Тереножкин относит погребения в Широком кургане к киммерийской поре и датирует его VIII в. до н. э.⁸

¹ М. В. Воеводский, Городища верхней Десны, КСИИМК, в. XXIV, 1949, стр. 69.

² В. И. Горюнова, Городище Торфель, КСИИМК, в. XXXI, 1950, стр. 148. Характеристика юхновской керамики дана также в статье В. П. Левенка (Городища юхновской культуры в Среднем и Верхнем Подесенье, КСИА, в. 7, К., 1957).

³ Н. И. Булычев, Журнал раскопок по берегу Оки, М., 1899.

⁴ Т. Н. Никольская, Городище у деревни Свинухово, КСИИМК, в. XLIX; е е же, Археологические исследования в Орловской области, КСИИМК, в. 53, 1954, стр. 91 сл.

⁵ В. А. Ильинская, О происхождении культур раннего железного века в лесостепном Левобережье, КСИА, в. 4, К., 1955, стр. 106.

⁶ В. В. Латышев, Раскопки Н. И. Веселовского в 1915—1917 гг., СГАИМК, в. I стр. 200—204.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, 1955, стр. 132.

⁸ А. И. Тереножкин, Памятники предскифского периода на Украине, КСИИМК, в. XLVII, 1952, стр. 10.

Находки упомянутых предметов позволяют отнести Оскольское поселение к самому концу эпохи бронзы и началу железного века. Оскольское поселение, по-видимому, несколько более поздний памятник, чем поселение в урочище Бондариха, которое мы датировали началом I тысячелетия до н. э. на основании находок большого количества кремневых вкладышей от серпов и изделий из кости, подобных найденным на поселениях раннего этапа позднесрубной культуры¹.

Для уточнения времени Оскольского поселения большое значение имеют отдельные находки фрагментов керамики чернолесского типа. Среди них имеются обломки от нескольких сосудов, украшенных глубокими оттисками зубчатого штампа. На одном из сосудов (табл. I, 8) орнамент состоял из двух горизонтальных полос, составленных из трех и четырех линий зубчатого штампа, промежутки между которыми заполнены треугольниками из трех зубчатых полос. Внутри каждого треугольника находятся четыре круглые ямки, образующие ромб. От пояса вниз опущены заштрихованные треугольники с четырьмя ямками в промежутках. Аналогичный орнамент имеется на обломке сосуда, найденного на Залевкинском городище чернолесской культуры². На других обломках орнамент состоял из типичного для чернолесской культуры горизонтального пояса, составленного из нескольких рядов зубчатого штампа, от которого опускались шевроны в виде треугольников.

К этой же группе керамики, связанной с чернолесской культурой, по-видимому, следует отнести несколько фрагментов сосудов в виде кубка с шаровидным корпусом и высоким цилиндрическим венчиком, украшенных круглыми или овальными налечами. Поверхность сосудов подлощенная, без орнамента.

Находки этой керамики позволяют отнести Оскольское поселение к чернолесской поре (VIII в. до н. э.) и свидетельствуют о наличии определенных связей между этими двумя культурами.

Изучая памятники Поворскля, Г. Т. Ковпаненко установила, что проникновение населения из области Правобережья на Ворсклу произошло в чернолесское время³. В период, предшествующий распространению памятников правобережного типа, здесь существовала культура бондарихинского типа (поселения у хут. Козинка под Гайвороном, у хут. Марки, у сел Хухры и Ницахи). У с. Хухры на месте бондарихинского поселения возникло поселение позднечернолесской и жаботинской культуры⁴. Представляется вероятным, что областью культурного контакта населения чернолесской и бондарихинской культуры служило среднее течение Ворсклы.

Поселение у с. Оскола является одним из наиболее поздних памятников конца бронзового века, относящихся непосредственно к предскифской поре. Однако в материальной культуре и прежде всего в керамике этого поселения нет сколько-нибудь ясно выраженных признаков, которые указывали бы на генетическую связь этой культуры со скифскими памятниками левобережной Лесостепи. Неясным остается также вопрос о взаимосвязях бондарихинской культуры с позднесрубными памятниками, распространенными в степной полосе УССР, на Северском Донце и Осколе.

¹ В. А. Іллінська, Нові дані про пам'ятки епохи бронзи в лівобережному Лисостепу, Археологія, т. X, К., 1957.

² Є. Ф. Покровська, Поселення VIII—VI ст. ст. на Тясміні, Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 51, табл. IV, 5.

³ Г. Т. Ковпаненко, Поселення епохи бронзи і раннього заліза поблизу м. Охтирки, Археологія, т. XI, К., 1957.

⁴ Там же.

ПОСЕЛЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА р. ОСКОЛЕ

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

Представление о позднем периоде бронзового века на территории Левобережной Украины в значительной мере связано с памятниками срубной культуры. Однако, несмотря на сравнительно многочисленные работы, посвященные этой культуре, многие относящиеся к ней вопросы остаются все еще недостаточно выясненными.

Прежде всего это следует сказать о времени появления и территории распространения срубной культуры в районах, граничащих с лесостепной Левобережной Украиной. Происходит это главным образом потому, что в указанной части Украины памятники ранней поры срубной культуры, в частности поселения, до самого последнего времени почти не были известны.

В связи с сооружением Краснооскольского водохранилища и электростанции археологическая экспедиция во главе с Д. Я. Телегиным исследовала ряд поселений эпохи бронзы, в том числе памятники срубной культуры.

Одно из таких поселений обнаружено на северо-восточной окраине с. Рубцы, Краснолиманского района, Сталинской области, в 200 м от железнодорожной линии Купянск—Святогорск. Оно расположено на левом берегу Оскола, в 1,5 км от современного русла реки, на краю невысокой надпойменной террасы. В 150 м к юго-востоку находится древняя старица реки, превратившаяся теперь в небольшое озерцо, заросшее камышом и осокой.

Исследованное нами поселение занимает всхолмление дюнного происхождения длиной 90 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Ширина его в центральной части достигает 65 м, на концах же оно значительно уже. Северо-восточная часть бугра, более высокая и крутая, возвышается над лугом приблизительно на 3,5 м, юго-западная — ниже (высота ее над лугом 2,5 м) и более плавно сливается с окружающей местностью.

Траншея метровой ширины, проложенная через все всхолмление в продольном направлении (с юго-востока на северо-запад), показала, что культурные остатки встречаются на всей площади бугра; они залегают на глубине 0,3—0,4 м от поверхности, в почвенном горизонте (гумусированный песок), и сверху перекрыты слоем светлого надупного песка, лишенного находок. В центральной части дюны толщина этого наноса достигает 0,4—0,5 м, на склонах уменьшается до 0,2—0,25 м. Мощность культурного слоя оказалась различной: в юго-западной части она не превышала 0,5—0,6 м, в северо-восточной достигала 1—1,2 м.

Кроме участков культурного слоя, вскрытых при закладке траншеи и разведочных шурфов, где никаких остатков жилых сооружений заме-

чено не было, на поселении исследованы два жилища (землянки 1 и 2), часть зольника и небольшая площадь, прилегающая к одному из жилищ (рис. 1).

Землянка 1 расположена в центральной части поселения, несколько ближе к северо-восточному склону холма. Почти отвесные стенки землянки хорошо сохранились в их нижней части, что дало возможность установить общий план и размеры жилища. Углубленное примерно на 1,6 м от древней поверхности почвы, оно имело более или ме-

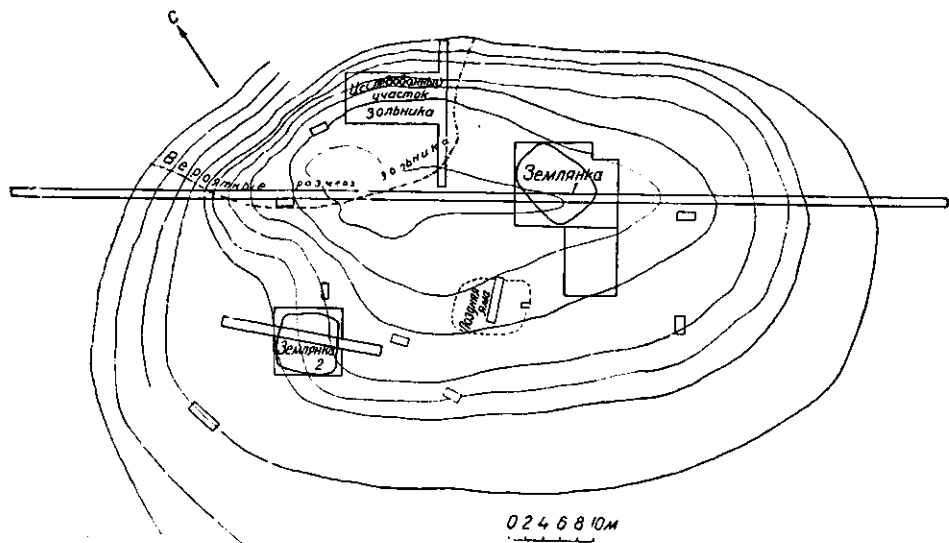

Рис. 1. План поселения срубной культуры у с. Рубцов.

нее правильные, приблизительно прямоугольные очертания и было вытянуто с севера на юг на 8 м. Ширина землянки в северной части, где она несколько расширялась по сравнению с южной, равнялась 6,2 м.

Пол землянки, покрытый толстым зольным слоем, в целом довольно ровный, слегка понижался в юго-западном направлении. В северо-восточном углу, недалеко от входа, прослеженный в виде проема шириной около 2 м в восточной стене землянки, находился очаг. От него сохранилась куча камней диаметром 0,7—0,8 м и куски керамического шлака, сцементированного золой. Вокруг было обнаружено большое количество костей животных, многие из которых оказались расколотыми и обожженными. Вблизи очага, на полу землянки, найдены три развалившихся сосуда — два баночной формы, без орнамента, третий — широкогорлый, со слабо выраженным перегибом тулова, украшенный тремя линиями наков.

В полу жилища обнаружено восемь ямок одинаковой глубины (0,4 м) и диаметра (0,2 м), заполненных черной землей. Шесть ямок располагались парами, одна за другой; они проходили по одной линии, разделяющей помещение на две части — большую, восточную, и меньшую, западную. Две ямки находились у очага; в их заполнении встречались обломки керамики и кости животных.

Землянка 2 обнаружена в юго-западной части поселения, на западном склоне дюны. Она имела почти квадратную форму с несколько закругленными углами. Ее размеры: 7,4 (север — юг) × 7,6 (запад — восток) м. Глубина в центре 1,15 м, у стен — несколько меньше. Входа обнаружить не удалось. Пол землянки был покрыт слоем зольной

земли, в которой, кроме отдельных крупных углей, было много костей животных и обломков керамики.

В центре жилища, в 1,2 м от юго-восточной стены, находился очаг: на куче сцементированной золы (диаметром 0,7 м) лежал огромный, высотой до 0,5 м, развалившийся сосуд с выпуклым туловом и отогнутым венчиком. Под золой оказалось блюдцеобразное углубление, дно которого было обожжено докрасна. С трех сторон углубления сохранились остатки сгоревших столбиков небольшой толщины, закопанных наклонно друг к другу. Столбики, служившие, очевидно, для подвешивания сосудов, сгорели, но их нижняя часть (длиной до 0,2 м) хорошо сохранилась.

На полу землянки были обнаружены еще два развалившихся горшка: один стоял у восточной стены, другой — вблизи очага. Оба баночной формы, один без орнамента, другой с косыми насечками под венчиком.

Зольник, образовавшийся в результате долговременного сбрасывания золы из очагов в одно место, занимал северо-западный склон дюны. Вероятно, этим можно объяснить и большую крутизну этого склона.

По склону зольник простирался на 17 м, ширина его составляла 14 м. Мощность скопления золы различна: на плоской части бугра она невелика (едва достигает 0,4 м), на склоне же в некоторых местах доходит до 1,7—1,8 м.

Зольник состоит как бы из отдельных скоплений золы различного цвета: то светлых, с включением иногда довольно крупных угольков, то более темных, с плохо перегоревшими черными волокнами.

В зольнике в большом количестве обнаружены кости животных и обломки посуды, в меньшем числе — каменные и кремневые отщепы. Изредка здесь попадались сломанные орудия из камня и кости.

Хотя нами было обнаружено здесь всего два жилища, едва ли следует сомневаться, что их было значительно больше. Можно думать, что кроме землянок, в которых, очевидно, жили зимой, здесь сооружались летние наземные жилища; от них могли сохраниться неглубокие впадины и небольшие скопления культурных остатков. На большую заселенность холма указывают значительные размеры зольника. Об этом же свидетельствует мощность и насыщенность культурного слоя.

Материал зольника и землянок относится к одному периоду и позволяет датировать последние временем срубной культуры.

Среди фрагментов керамики, найденных на поселении, легко выделяются типы посуды, являющиеся как по форме, так и по орнаментации вполне характерными образцами срубной культуры, притом согласно периодизации, предложенной О. А. Кривцовой-Граковой, относящиеся к ее первому, наиболее раннему этапу¹. Основную массу керамики составляют различные варианты баночных сосудов. Большинство из них имеет прямые или почти прямые стенки с закругленным, реже срезанным краем венчика. Иногда бока сосудов образуют некоторую выпуклость, тогда как края у них немного сужены. Этот признак сближает их с баночными формами, характерными для более ранней, так называемой полтавкинской культуры. Баночные сосуды с поселения либо вовсе не орнаментированы, либо бывают украшены под венчиком рядом наколов, чаще всего удлиненной формы (табл. I, 11—13).

Второй тип посуды — реберчатые горшки, обычно более тщательно выделанные и богаче украшенные. Сосуды с хорошо выраженным острым ребром встречаются сравнительно редко, большинство же сосу-

¹ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы, МИА, № 48, 1955.

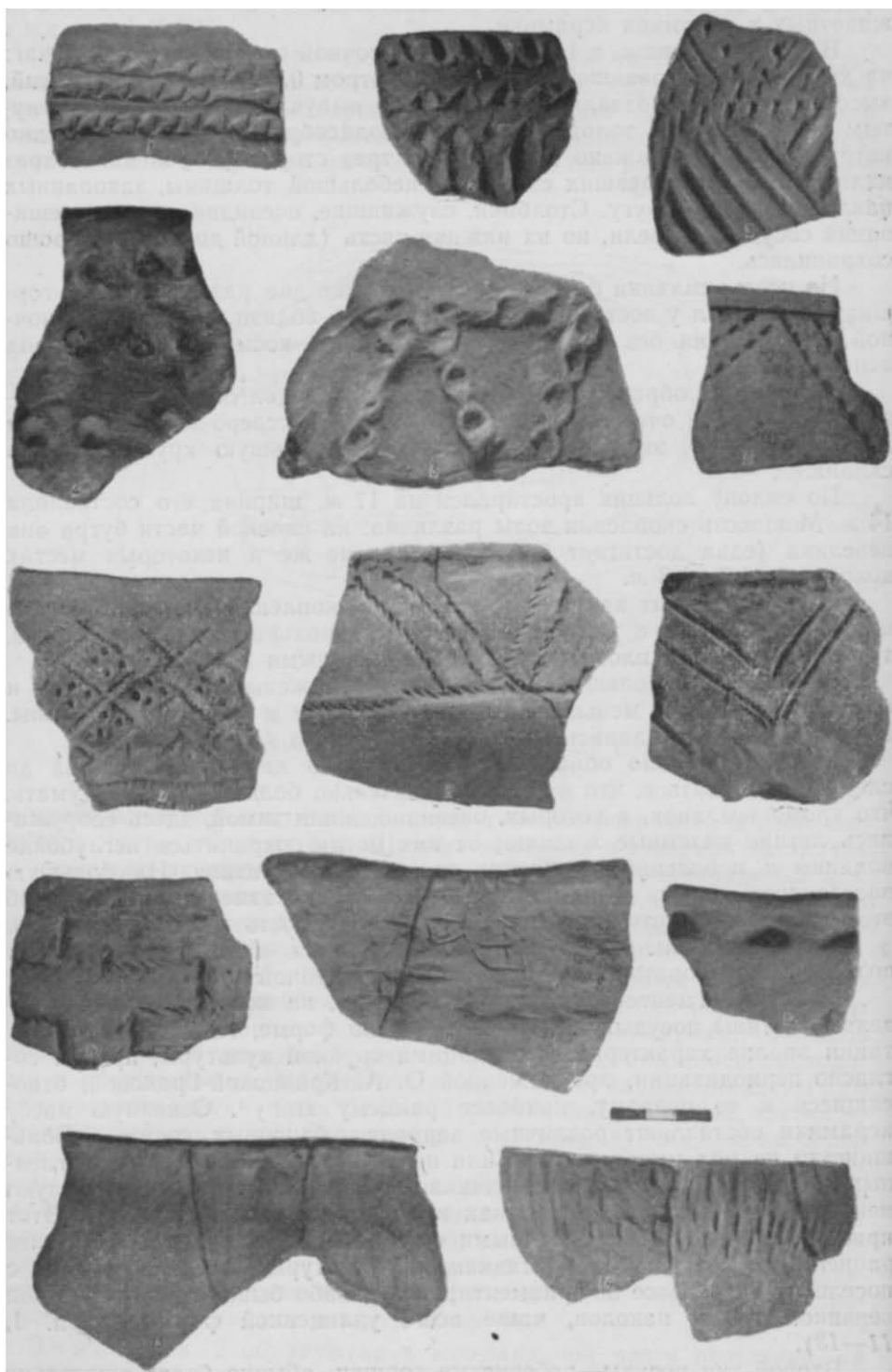

Табл. I. Керамика с поселения срубной культуры у с. Рубцов.
 1, 2, 10 — зольвик; 3—6, 11—14 — землянка 1; 7—9 — землянка 2.

дов этого типа имеет тупое, смягченное ребро. У венчиков чаще всего встречается отогнутый край, который иногда бывает закруглен или горизонтально срезан. Орнаментация, как правило, сводится к украшению лишь верхней половины сосуда, до перегиба тулова. Она состоит из глубоких прочерченных линий, зубчатого штампа с крупными прямоугольными зубцами, реже — из отпечатков шнура. Такие элементы образуют треугольники, квадраты, ромбы, поле которых иногда еще заполнено точками, крестиками или кружками (табл. 1, 6—10).

Об относительно раннем возрасте поселения свидетельствует тот факт, что реберчатые горшки еще сохраняют широкое приземистое тулово, что более характерно для катакомбной, чем срубной культуры. На то же указывает орнаментация кружочками, полученными от вдавливания полого стержня пера или тонкой трубчатой кости. Такой орнамент, как известно, широко распространен в полтавкинской культуре, тогда как в срубной встречается только в начальное время ее существования.

Третьим типом посуды, встреченным также в довольно большом количестве, являются глубокие миски с выпуклыми стенками и слегка вогнутым краем. Такие миски чаще всего орнаментированы несколькими поясами ногтевых вдавлений или прочерченными треугольниками (табл. 1, 14).

Вся посуда изготовлена из глины с примесью шамота, сравнительно тонкостенна и хорошо обожжена. Цвет керамики темно-серый или черный с черными и розовато-желтыми пятнами. Внешняя поверхность обычно шероховатая. При этом обе стороны сосудов, особенно внешняя, покрыты характерной, довольно небрежной штриховкой, получавшейся при сглаживании стенок крупнозубчатым штампом.

Особую группу посуды составляет так называемая многоваликовая керамика, представленная здесь обломками широкогорлых сосудов с выпуклым или ребристым туловом, орнаментированных по всей поверхности наклепными валиками (табл. 1, 1—3,5).

Такая керамика обнаружена на поселении сравнительно в небольшом количестве и составляет здесь не более 1%, однако она встречена и в зольнике, и в обеих землянках, и в различных местах в культурном слое. Больше всего ее было найдено в землянке 1.

Как известно, датировка многоваликовой керамики еще недостаточно уточнена, особенно неясен вопрос о длительности ее существования. Поэтому совершенно не исключена возможность хронологического стыка раннесрубной культуры с памятниками, характеризующимися многоваликовой керамикой на заключительном этапе ее существования.

Кроме керамики, на поселении найдено несколько обломков каменных просверленных молотков, крупные кремневые скребки округлой формы и большое количество костяных проколов. Встречено также несколько пряслиц, изготовленных из отпиленных эфифизов с гладким и зубчатым краем, — предметов, также очень характерных для срубной культуры.

Как уже отмечалось, ни на Осколе, ни вообще в бассейне Северского Донца до сих пор не было известно памятников ранней срубной культуры, если не считать находок в Лукьяновке¹. В связи с этим утвердилось мнение, что в эти районы срубная культура проникает сравнительно поздно, уже на так называемом втором этапе своего существования. Исследовательское поселение, которое по всей совокупности признаков следует отнести именно к раннему периоду срубной культуры, свидетельствует о том, что срубная культура уже в своих ранних формах бытовала в бассейне Северского Донца.

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 166—169, табл. XXVI, 7, 11.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ЕФИМЕНКО

(К 75-летию со дня рождения)

9 ноября 1959 г. исполняется 75 лет со дня рождения академика АН УССР П. П. Ефименко.

Научная деятельность юбиляра началась задолго до революции. Унаследовав от своих, известных научными трудами родителей П. С. и А. Я. Ефименко любовь к истории, он рано заинтересовался археологией. Обучаясь в Харьковском университете, будущий ученый сблизился с кружком акад. Д. И. Багалея; уже в это время он избрал своей специальностью археологию. В те далекие годы археологическая наука еще не определилась как самостоятельная научная дисциплина, а специальные курсы по ранним разделам археологии читались на физико-математических и естественных факультетах.

В 1906 г. П. П. Ефименко перешел из Харьковского в Петербургский университет. Поступив на физико-математический факультет, он с отличием окончил его по естественному отделению по специальности «доисторическая археология» и в качестве поощрения был направлен в кругосветное путешествие. Выдающиеся способности к научной деятельности и трудолюбие П. П. Ефименко дали ему право быть по возвращении оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию.

Постоянно общаясь с выдающимися деятелями археологии и смежных наук — Ф. К. Волковым, В. А. Городцовым, А. А. Спицыным, Д. И. Анучиным, П. П. Ефименко усвоил лучшие традиции русской археологической школы. Вместе с тем уже с первых шагов своей научной деятельности он начал поиски новых путей в изучении первобытного прошлого человечества, выступая даже в ранних своих работах как

большой знаток фактов, умелый и зоркий исследователь, способный и к скрупулезным наблюдениям, и к обобщениям.

Подлинное раскрытие таланта П. П. Ефименко произошло после Великой Октябрьской социалистической революции. С 1917 г. начинается его многогранная деятельность, сначала в Москве, а затем в Ленинграде. П. П. Ефименко участвует во многих мероприятиях по организации и перестройке центральных музеев, настойчиво трудится над созданием и объединением коллектива археологов-первобытников, ведет преподавательскую работу и руководит молодыми научными кадрами, очень много и плодотворно работает в области доисторической археологии и особенно палеолита.

Творческая разработка труднейших проблем палеолита, оригинальные методы исследования, сочетаемые с глубиной и широтой изучения исторических явлений, выдвинули П. П. Ефименко в число ведущих специалистов, возглавляющих советскую школу археологов-палеолитчиков. Как автор фундаментальных трудов «Первобытное общество» и «Костенки I», а также множества принципиально важных статей он широко известен в СССР и за границей. П. П. Ефименко состоит почетным членом ряда зарубежных археологических учреждений, в том числе Лондонского королевского антропологического института (избран в 1942 г.) и почетным членом Международного союза историков (избран в 1958 г.).

Возглавляя в течение девяти лет Институт археологии АН УССР, П. П. Ефименко вложил много труда для укрепления археологической науки на Украине. Его широкий подход к изучению памятников и умение рассматривать исторические явления в их развитии оставили глубокий след в работе института.

П. П. Ефименко — подлинный ученый, внимательный и строгий, чуткий и требовательный. Не случайно теперь, как и во все предшествующие периоды его научной деятельности, к нему охотно идет молодежь.

Без преувеличения можно сказать, что советская школа исследователей палеолита вышла из тех коллективов, которыми руководил этот выдающийся ученый.

Общеизвестна роль П. П. Ефименко в изучении ранних эпох каменного века на территории Восточной Европы и за ее пределами. Не менее известны его исследования по ранним славянам Подонья. Свое место должен занять в истории нашей науки и блестяще разработанный им на материалах дославянского населения бассейна Оки метод исторического анализа могильников массового типа.

П. П. Ефименко за свою плодотворную научную деятельность удостоен Советским правительством высшей награды — ордена Ленина.

Археологи Украины, как и все советские археологи, горячо поздравляют П. П. Ефименко в связи с его 75-летием, желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и ждут новых трудов, прославляющих советскую археологическую науку.

НИЖНИЙ ГОРИЗОНТ МЕЗИНСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

Мезинская позднепалеолитическая стоянка на средней Десне (в с. Мезин, Понорницкого района, Черниговской области) является одним из наиболее интересных палеолитических памятников не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Неповторимый по своему разнообразию вещественный инвентарь, в том числе уникальнейшие произведения первобытного искусства в виде художественных изделий из бивня мамонта, привлекает к Мезинской стоянке пристальное внимание ученых с момента ее открытия в 1908 г. Вследствие этого на ней в течение ряда лет производились археологические раскопки, далеко не исчерпавшие, однако, ее очень богатого находками культурного слоя.

В последнее время раскопки в Мезине производятся Палеолитической экспедицией Института археологии АН УССР под руководством автора. Начатые в 1954 г.¹, они продолжались затем в 1955² и 1956 гг.

Раскопки на стоянке в 1956 г.³, как и в 1954 и 1955 гг., велись на двух участках, к юго-востоку и северо-западу от раскопов прежних лет, с целью раскрытия ее отдельных частей, различающихся между собой по характеру культурных остатков. Настоящее сообщение имеет целью осветить результаты раскопок 1956 г. лишь на северо-западном участке (раскоп II; рис. 1).

Как уже сообщалось нами ранее, на площади раскопа II в 1954 и 1955 гг. обнаружены остатки нескольких строительных комплексов, при сооружении которых было использовано большое количество крупных костей животных. Хорошо сохранившись в лессе на значительной глубине (до 5—7 м от современной поверхности), эти кости дали возмож-

¹ И. Г. Шовкопляс, Палеолитическая экспедиция 1954 г., КСИА, в. 5, К. 1955, стр. 7—12; его же, Раскопки Мезинской палеолитической стоянки, КСИИМК в. 63, 1956, стр. 31—39.

² И. Г. Шовкопляс, Поселения стародавнього кам'яного віку на Десні, Вісник АН УРСР, 1956, № 4; его же, Жилища Мезинской стоянки, КСИА, в. 6, К. 1956, стр. 3—12.

³ В 1956 г. экспедиция осуществлялась совместно с Институтом зоологии АН УССР при участии Черниговского исторического музея и Киевского государственного университета. В ней принимали участие И. Г. Шовкопляс, Л. С. Шилина, Н. П. Амбургер, Б. Я. Брязкув, Н. Ф. Петриченко, Н. В. Юркова (Институт археологии АН УССР), И. Г. Пидопличко, Н. Л. Корниец (Институт зоологии), А. С. Руденко (Киевский университет) и М. А. Попудренко (Черниговский исторический музей).

нельзя не только изучить указанные остатки, но и реконструировать первоначальный вид древних сооружений.

Одновременно с остатками строительных комплексов на площади раскопа II были также обнаружены остатки четырех очагов в виде линзовидных, округлых в плане углублений, заполненных скоплениями костных углей и золы (рис. 2). Своей темной окраской очаги четко выделялись на фоне окружающего их интенсивно окрашенного в красно-

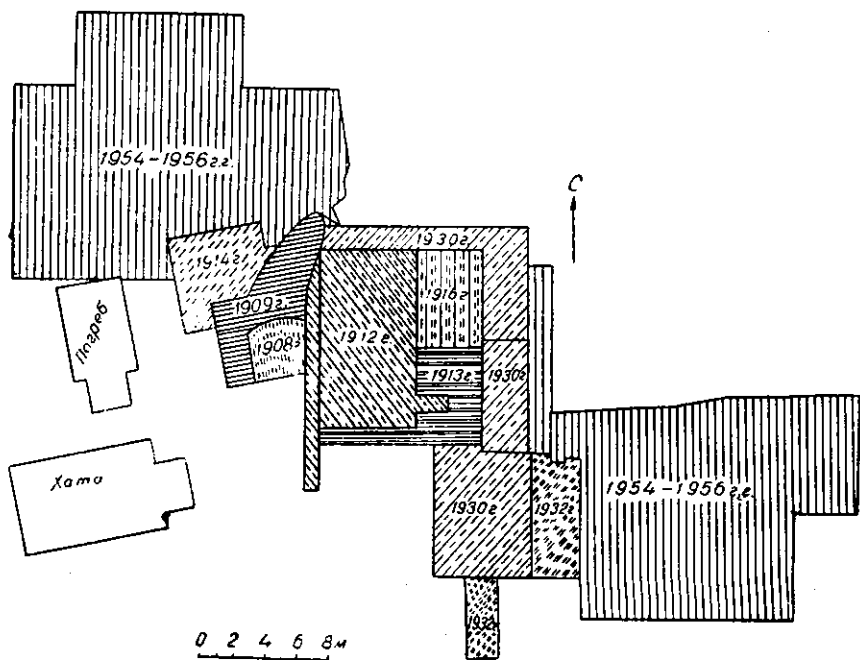

Рис. 1. План раскопанной площади Мезинской стоянки.

малиновый цвет (от отсутствия охры) и богатого разнообразными находками культурного слоя восточной части раскопа II.

Разборка содержимого очагов I и II и контрольное прокапывание на их месте показали, что под темным слоем сильно слежавшихся углей и золы, в отдельных случаях толщиной до 10—12 см, и слоистым намывом желтого лесса (местами толщиной до 15—20 см) находились значительные скопления крупных костей животных, главным образом мамонта, залегавшие в определенном порядке, отвечающем углублениям древних округлых ям, которые они заполняли. Контрольным прокапыванием на местах очагов III (квадраты 41, 42, 48, 49) и V (квадраты 52, 58, 59) под очажным слоем и слоистым замывом также было установлено наличие подобных скоплений костей животных в древних округлых ямах. Таким образом, оказалось, что все четыре очага (рис. 2) были устроены на месте ям, более древних, чем сами очаги и связанный с ними культурный слой, составной частью которого являлись остатки строительных комплексов, в том числе и остатки долговременного жилища¹. Контрольным прокапыванием к северу от него, на квадрате 27, значительно ниже уровня культурного слоя, связанного с жилищем, также было обнаружено скопление костей животных в замкнутом древнем углублении, на месте которого очаг впоследствии, однако, не был устроен.

¹ Подробная характеристика этого жилища дана в статье автора «Жилища Мезинской стоянки» (КСИА, в. 6, К., 1956, стр. 3—12).

Стало очевидным, что на месте раскопа II имеются культурные остатки разного времени, непосредственно не связанные друг с другом.

Исследование культурных остатков более раннего времени, в частности скоплений костей животных в древних углублениях на месте более поздних очагов, было одной из основных задач работы экспедиции в 1956 г.

Площадь раскопа II была расширена в северном и восточном направлениях (квадраты 21, 28, 35, 42, 49 и 65—69; рис. 2) и углублена до уровня находок нижнего, более раннего горизонта культурных остатков.

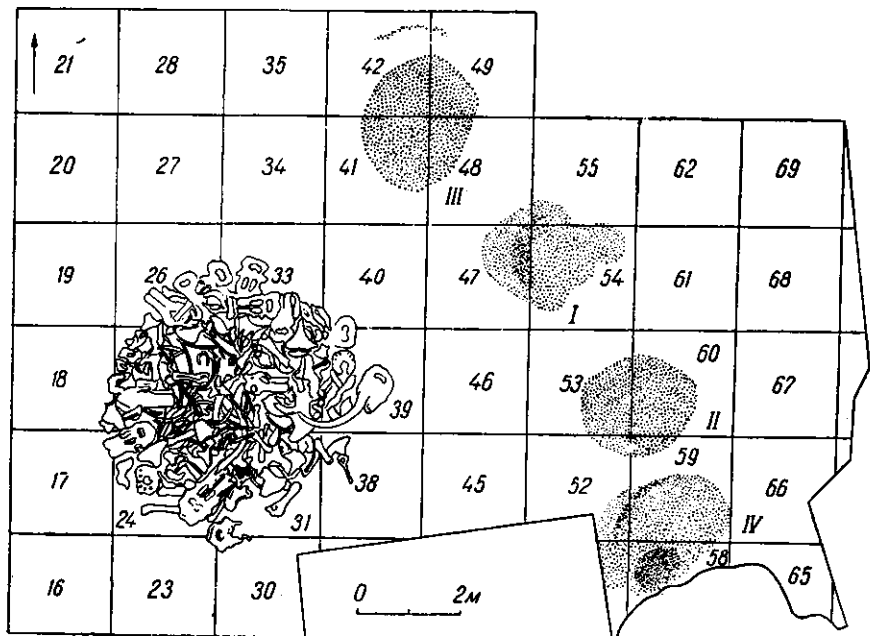

Рис. 2. План раскопа II.

При этом юго-восточную часть раскопа удалось увязать с раскопами 1909, 1912, 1914 и 1930 гг. (рис. 1, 2), что имеет важное значение для выяснения общей картины раскопок на стоянке.

В результате работ 1956 г. были полностью изучены все находившиеся на площади раскопа II более ранние скопления костей животных в древних углублениях (ямах), находившихся как в местах расположения более поздних очагов, так и вне их (рис. 3). Остановимся кратко на характеристике некоторых из них.

Яма I (рис. 3, 4, 5), находившаяся ниже темного слоя очага I¹ и слоя замыва, имела округлую в плане форму и крутые стенки. Ее площадь $1,8 \times 1,5$ м, глубина около 1 м.

В яме находилось значительное число крупных костей мамонта (три целых черепа, часть черепа, несколько длинных костей конечностей, тазовых костей, лопаток, позвонков и бивней, целых и в обломках, нижняя челюсть и др.), лошади (череп), волка (два черепа, лопатки и несколько позвонков, сохранявших анатомическое положение суставов), несколько обломков рогов северного оленя и др. Кости лежали плотно друг возле друга и перекрывали одна другую, то есть лежали так, как должны были лежать, будучи сложенными в яму. В отдельных

¹ Нумерация ям с костями давалась нами сперва в увязке с номерами очагов, находившихся на их месте (I—IV), а затем по времени их обнаружения при раскопках (V, VIII).

местах крайние кости скопления плотно приставали к стенкам древней ямы.

В одном из черепов сохранилась часть одного, а в другом—обоих бивней, не извлеченных в древности из альвеол, а лишь отбитых непосредственно возле них (рис. 4, 5). Из находившихся в этой яме очень интересен один крупный бивень мамонта (длина 1,5 м) со следами продольного распиливания кремневыми инструментами с целью получения пластин для изготовления орудий труда и других изделий. В нескольких местах на поверхности бивня имеются следы резания его ост-

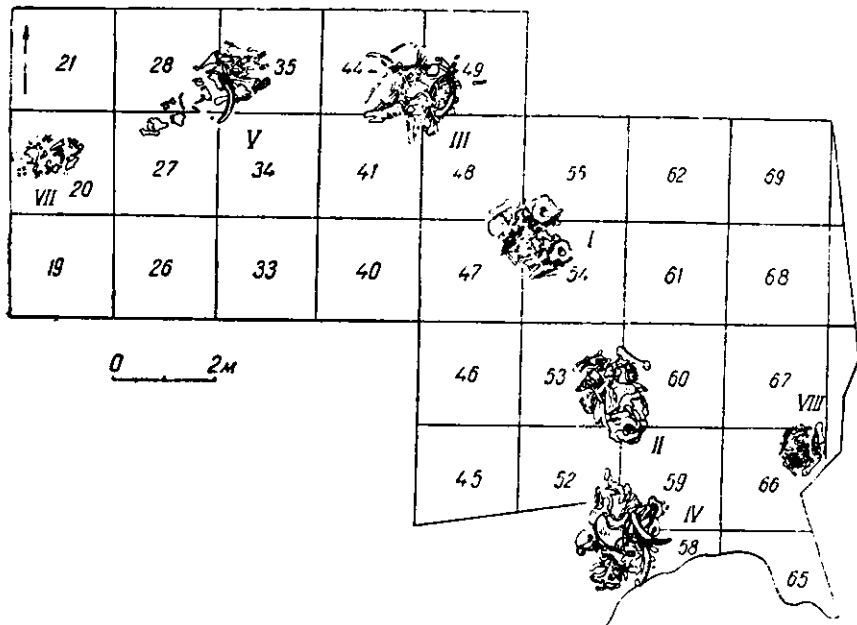

Рис. 3. План нижнего горизонта на раскопе II.

рыми кремневыми инструментами. Между костями собрано значительное количество расщепленных кремней, мелких обломков костей и несколько раковин морских моллюсков с просверленными отверстиями для нанизывания. Содержимое ямы, особенно в ее западной части и на дне, было обильно окрашено красной охрой. Тонкая прослойка охры прослежена также на стенках ямы на уровне ее верхнего борта, то есть на уровне древней поверхности—под слоистым замывом и зольным слоем очага.

Яма II (рис. 3, 4, 6) находилась южнее ямы I. Она имела овальную форму и крутые стенки. Площадь ее 2×1,5 м, глубина 1 м. Яма была заполнена большим числом костей мамонта (в том числе крупный череп, несколько бивней, много крупных лопаток, тазовых костей, длинных костей конечностей, нижние челюсти, серия позвонков, сохранивших анатомическое положение, много ребер и др.), лошади (позвонки и длинные кости конечностей) и рога северного оленя. Среди костей и на дне ямы, особенно в ее западной части, собрано значительное количество расщепленных кремней, мелких обломков костей, просверленные раковины морских моллюсков, угольки и другие находки, обильно окрашенные красной охрой.

На дне ямы, в частности, был обнаружен округлый плитчатый валун красного гранита, два обломка бивня мамонта с линейными нарезками по поверхности и изделие из бивня мамонта в виде небольшого лопатки, клиновидное орудие из обломка бивня мамонта и др.

Рис. 4. Ямы с костями (I, II и IV) в нижнем горизонте. Вид с севера.

Рис. 5. Яма I. Вид с запада.

Яма, заполненная костями, была перекрыта позже слоем лесса со многими тонкими прослойками, в разное время образованными текущей по склону водой, принесшей этот лесс.

В линзовидном углублении на месте замытой ямы позже был устроен очаг, относящийся ко времени, более позднему, чем сама яма.

Яма IV (рис. 3, 4, 7)—самая южная из всех ям на раскопе и одна из самых больших из них. Она также овальная в плане, ее площадь $2,3 \times 1,9$ м, глубина около 1 м. Стенки ямы крутые.

В ней находилось наибольшее количество костей по сравнению с другими ямами раскопа II. Кроме многочисленных костей мамонта (че-

Рис. 6. Яма II. Вид с запада.

реп с хорошо сохранившимся сводом, нижние челюсти с зубами, ребра, позвонки, бивни и др.), в этой яме было также много костей лошади, в числе которых следует отметить два очень хорошо сохранившихся черепа, части двух скелетов волков, сохранившие анатомическое положение суставов, и др. Особо следует отметить в этой яме большое скопление бивней мамонта, служивших материалом для различных изделий (рис. 7). Свидетельством этого может служить находка бивня, на котором, кроме следов распиливания, имеется и начатая художественная резьба в виде меандра. На противоположных сторонах бивня сделано лишь три ромба этого узора, близких к меандру на известных мезинских «птичках» и браслете¹. Возможно, что на этом бивне было начато изготовление именно такого браслета, оставленное после появления трещины (рис. 8). Подобная заготовка для браслета была найдена возле разрушенного жилища, исследованного в 1954 и 1955 гг. на этом же раскопе².

На дне ямы и между заполнявшими ее костями, особенно в западной ее половине, собрано очень большое количество расщепленного кремня и орудий труда из него, мелкие обломки костей, более 40 просверленных раковин морских моллюсков и много угольков, интенсивно

¹ Мизин, К., 1931, табл. XVI, XXIV, XXV.

² И. Г. Шовкопляс, Жилища Мезинской стоянки, стр. 8.

окрашенных сильно размытой красной охрой. В яме IV, как и в ямах I и II, заметен замыв всех этих мелких предметов в яму, которая к тому времени уже была заполнена костями животных. Этим фактом, в частности, можно объяснить расположение мелких предметов и крем-

Рис. 7. Яма IV. Виден слой золы от очага, перекрывавшего яму. Вид с юго-запада.

Рис. 8. Резьба на бивне мамонта из ямы IV.

ней, которые заполняли пустоты между костями и на дне ямы, не имея в своем залегании никакой определенной системы. Более того, в тех местах стенок и дна ямы, где кости прилегали к ним очень плотно, под костями никаких находок и следов окраски охрой не было.

В яму с костями были в древности замыты сначала мелкие находки, а затем и лесс, отложившийся слоем толщиной около 20 см и состоявший из большого числа прослоек разных оттенков желтого цвета, отвечающих периодическим намывам. Поверх этого намывного слоя лесса, в небольшом линзовидном углублении на месте ямы, позже был устроен очаг, от которого к моменту раскопок сохранились участки слоя темной золы толщиной в несколько сантиметров (рис. 7).

Яма VIII (рис. 3, 9)—самая малая из всех ям. Ее диаметр 0,9 м, глубина около 1 м. Стенки очень крутые. Яма была очень плотно забита значительным количеством крупных костей мамонта (лопатки, длинные кости конечностей, тазовые кости, нижние челюсти с зубами и др.) и лошади.

Несколько иную форму имеют ямы *III* и *V*, находившиеся в северной части раскопа *II* (рис. 3). Как уже отмечалось, на месте ямы *III* находился более поздний очаг, на месте же ямы *V* очага не было. Расчистка их показала, что они значительно больше по размерам, чем ямы *I*, *II*, *IV* и *VIII*, имеют округлую в плане форму и очень наклонные стенки. Глубина их около 1 м. По своему характеру они больше похожи на большие линзовидные углубления (выемки), чем на настоящие ямы. Как и все описанные выше, эти ямы также были заполнены большим количеством костей мамонта, лошади и волка. Но в отличие

Рис. 9. Яма *VIII*. Вид сверху.

от наблюдавшегося в ямах *I*, *II*, *IV* и *VIII* кости в верхних частях ям *III* и *V* лежали разрозненно. Вероятно, здесь, кроме нижних групп костей, сложенных на дно этих ям людьми, отдельные кости (в верхних частях ям) были принесены водой после того, как нижние кости уже были частично перекрыты лессом. Верхние кости находились в восточных частях ям *III* и *V*, будучи, вероятно, задержаны там восточными стенками ям в то время, когда их несла вниз по склону стекающая вода. Кости эти в большинстве своем небольшие, легкие и округлые, то есть такие, которые могли быть сравнительно легко снесены водой. Вместе с ними в верхней части ямы *V* находилось немного мелких находок—расщепленных кремней, угольков и кусочков краски, также смытых сверху и задержавшихся среди костей.

На дне же ям находились крупные плотно слежавшиеся кости. В ряде случаев они составляли значительные анатомические группы (передняя конечность лошади и часть позвоночника волка из 12 позвонков в яме *III* и восемь позвонков мамонта и позвоночник лошади в яме *V*) (рис. 10).

На разной глубине среди костей и на самом дне этих ям находилось значительное количество разнообразных мелких находок—расщепленных кремней, обломков костей, просверленных раковин морских моллюсков и угольков, обильно окрашенных красной охрой. Все эти находки также были, безусловно, замыты в ямы водой. И эти ямы сверху также были перекрыты лессом со многими прослойками.

Для изучения комплексов, более ранних, чем горизонт находок связанный с исследованными в 1954 и 1955 гг. жилищем и очагами особо важное значение имеет обнаружение на квадрате 20, в небольшом линзовидном углублении древней поверхности склона, хорошо сохранившегося скопления мелких находок (рис. 3, 11), типичных для культурного слоя Мезинской стоянки. Скопление, овальное в плане площадью $1,35 \times 1$ м расположено к западу и выше по склону от всех встреченных при раскопках ям. Оно состояло из мелких костей лошади, мелких обломков костей мамонта, расщепленных кремней и угольков, обильно окрашенных сильно размытой красной охрой. Толщина слоя находок в скоплении достигала 3—5 см. Среди них, в частности, нахо-

Рис. 10. Скопление костей животных на дне ямы III. Видны группы позвонков лошади и крупный бивень мамонта со следами распиливания.

дились три группы позвонков лошади (из трех, четырех и шести позвонков), сохранивших анатомическое положение, и несколько отдельных мелких костей лошади (позвонки, обломки ребер и др.). Наличие в скоплении указанных находок свидетельствует о том, что этот участок культурного слоя не был переотложен. Он залегает на 0,6 м ниже культурного слоя, связанного с остатками жилища и очагами, и отделен от него стерильной прослойкой лесса (рис. 12).

По своему характеру вещественные находки из этого скопления идентичны таким же находкам, обнаруженным на дне всех ям и между находившимися в них костями. Характер всех этих находок (расщепленные кремни, просверленные раковины морских моллюсков, мелкие кости и обломки крупных костей, угольки и красная охристая краска) указывает на их общее происхождение. Они происходят из размытого культурного слоя, одновременного ямам с костями, остатком которого и является скопление таких находок на квадрате 20.

Полученные при раскопках наблюдения дают возможность восстановить историю двукратного заселения Мезинской стоянки. Она представляется сейчас в следующем виде.

В процессе продолжительного обитания родовой группы людей позднего палеолита на одном месте—на склоне левого берега древней

Мезинской балки—на нем образовался довольно значительный культурный слой, включавший расщепленные кремни (преимущественно отбросы производства при изготовлении орудий труда и отдельные орудия из этого материала), мелкие кости животных, на которых охотились обитатели стоянки и мясо которых они употребляли в пищу, просверленные раковины морских моллюсков, изделия из кости, угли и красную краску (охра). Одновременными этим находкам являются и все списанные выше ямы с костями. Во время обитания на стоянке людей, которые оставили эти ямы и различные вещественные отбросы, на ней, вероятно, существовали и какие-то жилые комплексы. Возможно,

Рис. 11. Сохранившийся участок нижнего горизонта культурного слоя на квадрате 20.

что они были сооружены из недолговечных материалов (дерево, шкуры), которые не дошли до наших дней. Слой мелких находок занимал, вероятно, довольно значительную площадь вокруг ям с костями, особенно выше по склону, то есть к западу от них.

Затем, в силу каких-то причин, начался период, когда с высокого плато по склону левого берега балки через место стоянки начали стекать быстрые и сильные потоки воды, угрожая жившим на ней людям.

Обитатели стоянки вынуждены были покинуть ее и уйти в другое, более безопасное место.

Потоки воды постепенно размывали культурный слой, унося его содержимое, в том числе и небольшие кости животных, вниз по склону. Одна часть таких мелких находок была замята водой в находившиеся ниже по склону ямы с костями, тогда еще ничем не перекрытые, другая же, вероятно основная часть этих находок, была унесена водой еще дальше по склону, в балку, а оттуда — в Десну.

От размыва уцелел лишь небольшой участок культурного слоя, находившийся в ложбинке на древней поверхности стоянки.

После того, как культурный слой был размыв, вода занесла ямы с костями и замытыми туда мелкими предметами лессом, отложившимся в виде тонких прослоек, отвечающих каждому последующему намыву.

Со временем бурная деятельность воды постепенно прекратилась и на месте древней стоянки отложился небольшой слой лесса (60 см). На месте замытых ям, очевидно в силу прогибания слоя лесса, перекрывающего ямы с костями, образовались линзовидные впадины.

Через некоторое время люди возвратились на прежнее место обитания, и жизнь на стоянке опять возобновилась. Новые ее обитатели оставили после себя множество разнообразных вещественных находок, ряд строительных и бытовых комплексов, среди которых были и долговременные жилища, при сооружении которых использовались кости животных, и очаги, устроенные в линзовидных углублениях на месте занесенных лессом более ранних ям с костями.

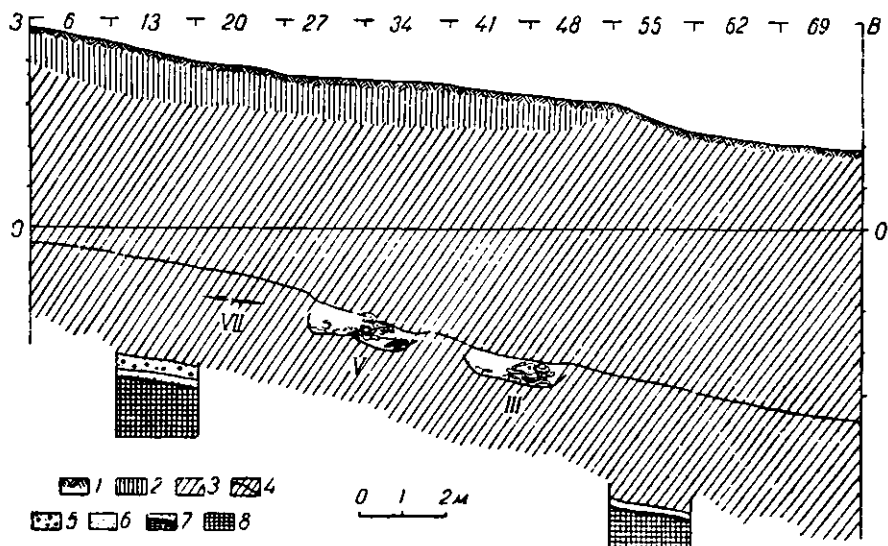

Рис. 12. Геологический разрез на раскопе II.

III, V — ямы с костями; VII — остатки нижнего горизонта культурного слоя; 1 — почва; 2 — ортштейновый горизонт лесса; 3 — светло-желтый лесс; 4 — верхний горизонт культурного слоя; 5 — мелко-луночный, грубозернистый песок; 6 — желтовато-зеленоватый песок; 7 — темная глина; 8 — мел.

Открытие на Мезинской стоянке двух горизонтов находок имеет большое научное значение, как свидетельство двукратного ее заселения первобытными охотниками. Однако, будучи одновременными, эти два горизонта вместе с тем представляют собой единый культурно-исторический комплекс. Сопоставление вещественных находок из обоих слоев указывает на их общность. Одинаковый характер кремневого инвентаря, одни и те же костяные изделия и просверленные раковины морских моллюсков и даже общий для обоих слоев типичный лишь для Мезинской стоянки геометрический резной орнамент в виде меандра на изделиях из бивня мамонта не позволяют относить их к различным историческим эпохам. Исходя из всего этого, можно говорить о том, что на Мезинской стоянке известно теперь два горизонта находок одной культурной эпохи. Промежуток времени между образованием обоих этих горизонтов был весьма невелик, и находки в том и другом слое были оставлены, вероятно, одним и тем же родовым коллективом, двукратно обитавшим на Мезинской стоянке.

В заключение кратко остановимся на вопросе о назначении описанных выше ям с костями. Их необходимо рассматривать в качестве хранилищ костей, использовавшихся обитателями стоянки для различных хозяйственных надобностей. Подобные ямы-хранилища, заполненные костями животных, часть которых, особенно бивни мамонта, име-

ют следы преднамеренной обработки человеком, являются довольно обычным явлением на многих позднепалеолитических стоянках Украины, в частности в Гонцах¹ и Добраничевке². Вероятно, такими же ямами с костями были и раскопанные в Мезине в 1912 и 1913 гг. «отдельные небольшие кучи костей», о которых упоминают в своих отчетах исследователи тех лет³. К сожалению, они не обратили внимания на то, что имели дело с ямами и, обнаружив находившиеся в них кости, приняли их за «кучи». Подтверждением этому может служить и пример тех же Гонцов, где во время раскопок 1914 и 1915 гг. целый ряд таких же ям с костями также был принят за «кучи» костей⁴.

Открытие нижнего горизонта находок проливает новый свет на историю Мезинской стоянки, имеющей очень важное значение для изучения позднего палеолита всей Восточной Европы.

---

¹ И. Ф. Левицький, Гонцівська палеолітична стоянка, Палеоліт і неоліт України, т. I, К., 1947, стр. 225—231.

² И. Г. Шовкопляс, Добраничевская палеолитическая стоянка, КСИИМК, в. 59, 1955, стр. 35—37.

³ Отчет о раскопках в Мезине в 1912, 1913 гг. (рукопись, хранится в научном архиве Института археологии АН УССР).

⁴ Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 рр., Записки Українського наукового товариства досліджування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, в. I, Полтава, 1919, стр. 70—73; В. А. Городцов, Исследование Гонцовской палеолитической стоянки, ТСА РАНИОН, т. I, М., 1926, стр. 20, 23.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФАУНЕ МЕЗИНСКОЙ СТОЯНКИ

И. Г. ПИДОПЛИЧКО

Работа по исследованию фауны Мезинской палеолитической стоянки имеет определенную специфику, так как изучение этой фауны имеет уже полувековую историю.

Эта специфика состоит в том, что у многих исследователей составилось вполне определенное мнение о фауне названной стоянки, как о фауне «ледниковой». На Мезинской стоянке впервые в истории исследования палеолита СССР были найдены остатки овцебыков, сопровождавшиеся находками таких животных, как песец, северный олень и белая куропатка.

С первого взгляда находки подобных животных как бы неопровержимо свидетельствовали о так называемом ледниковом климате времени существования палеолитической стоянки в Мезине, о тундровом ландшафте и о тому подобных особенностях географической обстановки прошлого. Но в течение полувека число костных остатков, найденных при раскопках этой стоянки, сильно возросло, улучшилась методика исследований и, что самое главное, на основании современных работ зоологов и палеозоологов с применением экологического и биоценотического методов анализа удалось понять причины казавшегося неразрешенным явления так называемого смещения степных и тундровых форм в одной и той же фауне.

В настоящее время Мезинская палеолитическая стоянка принадлежит к числу памятников, наиболее изученных в фаунистическом отношении.

Несмотря на то, что при ее раскопках, проводившихся в прежнее время, то есть до работ Института археологии АН УССР, фауна изучалась фрагментарно, а остеологический материал до его полного изучения был разобран разными учреждениями, нам удалось учесть и исследовать весь этот разбросанный материал и, таким образом, воссоздать общую картину особенностей фауны Мезинской палеолитической стоянки.

Неучтенной и неисследованной осталась небольшая часть остеологического материала, оказавшаяся в Париже, но этого материала настолько мало, что он не может повлиять на установленную нами картину видового и количественного состава фауны стоянки, сведенного в прилагаемой таблице.

Из этой таблицы видно, что на всей раскопанной площади Мезинской стоянки, составляющей 900 м² (до 1954 г. 300 м², в 1954—1956 гг. 600 м²), найдены костные остатки 108 мамонтов, 3 носорогов, 56 лошадей, 5 зубров, 17 овцебыков, 1 гигантского оленя, 80 северных оленей, 7 бурых медведей, 5 росомах, 52 волков, 101 песца, 11 зайцев, 3 байбаков, 1 рыжеватого суслика, 1 тушканчика, 56 копытных леммин-

гов, 1 водяной крысы, 16 полевок (узкочерепных), 1 слепушонки, 7 белых куропаток, 1 белой совы, 1 каменки и некоторых других.

Удалось установить, что только хоботные, копытные, крупные хищники и крупные птицы были объектами охоты мезинского палеолитического человека (промысловая группа животных). Остатки же мелких млекопитающих, особенно грызунов, а также мелких птиц попали в культурный слой иным путем — из погадок птиц и из желудков хищных млекопитающих (непромысловая группа животных).

Из анализа количественного состава животных промысловой группы вытекают следующие выводы.

Основным объектом охоты обитателей стоянки был мамонт. Мамонты являлись постоянным компонентом мезинской фауны, размножались на месте, но в то же время были подвержены сезонным миграциям.

Вторым по экономической значимости является северный олень, который служил объектом охоты осенью, зимой и весной. Вопрос о том, был ли северный олень в составе мезинской фауны летом и размножался ли он на месте — еще не решен. Не только в Мезине, но и вообще на всех палеолитических стоянках Украины среди костей взрослых северных оленей не найдено ни одной косточки новорожденных северных оленей или молодых в возрасте до восьми месяцев.

В большом числе добывался в районе Мезинской стоянки песец. Вопрос о том, держался ли он здесь летом и размножался ли на месте, также еще не решен, так как костные остатки новорожденных или молодых песцов не найдены.

Постоянными компонентами фауны этого района были лошадь, зубр, гигантский олень, но первые два вида, кроме того, безусловно, были подвержены сезонным миграциям.

К числу спорадических объектов охоты в районе интересующей нас стоянки надо отнести овцебыка. Редкость остатков овцебыка в палеолитических стоянках Европейской части СССР (найден лишь в Мезине, Добраничевке и Костенках) и относительно большое количество остатков овцебыка, найденное в одном случае (в 1913 г.) в Мезине, свидетельствует о том, что овцебык в отдельные годы опускался в наши широты в зимнее время и что жители Мезинской палеолитической стоянки удалось подкараулить и истребить одно из таких зашедших на юг небольших стад овцебыков.

Такие животные, как медведь, росомаха, байбак, были постоянными компонентами местной фауны, но добывались в небольшом числе, так как мясо жители стоянки получали главным образом за счет охоты на хоботных и копытных, а мех — за счет охоты на песца и волка.

Число волков в Мезине довольно велико (13% по отношению к числу особей животных промысловой группы). При анализе имеющегося костного материала, прежде всего особенностей черепов и скелетов волков, выкопанных в 1955 и 1956 гг., создается впечатление, что мы имеем здесь дело с так называемыми одомашненными волками, то есть с крупными домашними собаками.

К числу признаков одомашнения мы относим укороченность носового отдела, расширение лобной части и укороченность метаподиев. Мы говорим об относительных показателях, потому что мезинские палеолитические волки имеют большие размеры, некоторые из них превосходили по величине современных волков. Это обстоятельство и заставило исследователей все остатки волков из Мезинской стоянки относить исключительно к дикой форме. Не вполне выяснен вопрос, почему вокруг жилища из мамонтовых костей, обнаруженного на стоянке в 1954 г., были брошены скелеты трех волков. По аналогии с происхождением скелетов песцов, найденных в пределах этой же стоянки, можно предпола-

гать, что туши волков брошены возле жилища после того, как с них были сняты шкуры.

Во всяком случае можно сказать, что для мезинского палеолитического человека песцы и волки не составляли важных объектов пищевого назначения, они были объектами пушного промысла. Для этой же цели могли быть использованы и одомашненные волки.

Животные непромысловой группы при прежних раскопках собирались не вполне удовлетворительно. Это видно из того, что число особей животных непромысловой группы, добытых во время раскопок, проводившихся в 1954—1956 гг. И. Г. Шовкоплясом и нами, составляет 93% к числу особей животных этой группы, добытых за все годы раскопок начиная с 1909 г.

Нам кажется, что малое количество остатков животных непромысловой группы, собранное в прежние годы, объясняется не только недостатком методики раскопок, но и не изжитой до настоящего времени недооценкой значения этих мелких животных, особенно грызунов.

Путем промывки через сито суглинка из культурного слоя (в 1954 и 1955 гг. промыто около 2 м³) и исследования области желудков обнаруженных скелетов хищников нам удалось получить не только большое количество остатков мелких млекопитающих, птиц и моллюсков¹, но и данные, свидетельствующие о примерном сезоне охоты. например, на песцов, а также о жилище из костей мамонта.

Оказалось, что жилище, которое было оставлено его жителями, долго еще стояло целым и служило убежищем для хищных птиц, в частности сов.

В укрытиях между черепами мамонта и в рывтине, прорезавшей под жилища, ютились совы, накоплавшие остатки мелких животных в виде погадок.

В квадрате 25 жилища один из черепов мамонта вместе с прилегающими костями оказался весьма удобным убежищем для сов. Наши предположения о наличии в этом месте костей мелких грызунов подтвердились.

Промывка суглинка из культурного слоя вне жилища и рывтины остатков мелких грызунов не дала.

Среди мелких грызунов основную массу составляют остатки копытного лемминга. Найдены остатки молодых копытных леммингов, свидетельствующие о том, что эти грызуны жили и размножались на месте. На основании этого можно было бы сделать вывод о том, что в районе Мезинской стоянки были тундры (такой вывод раньше и делали), однако этому противоречит наличие в одном слое с леммингами остатков тушканчика и вообще наличие в районе стоянки нетундровых животных, например носорогов, лошадей, зубров, гигантских оленей, мамонтов и др.

Следовательно, напрашивается вывод о том, что междуречья и другие возвышенные места были заселены представителями степной и лесостепной фауны, а тундровые формы должны были заселять луговые и болотистые места в долине реки. В настоящее время ряд представителей тундры, например белая куропатка, иногда гнездящаяся в пределах Черниговской и Сумской областей, также держится долин рек.

Так или иначе чисто ледниковый или чисто тундровый характер ландшафта того времени фаунистическими данными не подтверждается.

Флористические данные также противоречат допущению о ледниковом или тундровом ландшафте в районе Мезинской стоянки. Среди

¹ В этой работе принимали участие Н. Л. Корниец и А. С. Руденко.

угольков, собранных в очагах стоянки, обнаружены угольки из древесины дуба и ивы. Тот факт, что среди костных остатков мелких животных, происходящих из погадок сов, доминируют остатки копытного лемминга, свидетельствует о том, что белые совы появлялись в районе мезинского палеолитического жилища в холодное время года, когда такие грызуны, как тушканчик, суслики и байбаки, пребывали в спячке. В настоящее время белая сова появляется в пределах Черниговской области также в зимний период, поэтому среди костных остатков животных, которых она поедает, нет таких свойственных фауне Черниговской области зимоспящих форм, как тушканчик, хомяк, хомячок, крапчатый суслик (в южных районах), сони и мышевки.

Таким образом, по одному только количественному соотношению животных без учета их экологических особенностей делать палеогеографические выводы нельзя.

Судя по тому, что в желудке одного песца, кроме копытного лемминга, оказались остатки обыкновенной каменки — птички, улетающей на период подлинной зимы, песец был убит или поздней осенью, или ранней весной, то есть не зимой и не летом. В первом случае в его желудке не было бы каменки, во втором случае не сохранился бы скелет песца в неразрозненном виде.

Пребывание человека на Мезинской стоянке в зимнее время подтверждается охотой его на северных оленей и овцебыков, не размножавшихся на месте и приходивших из более северных районов в зимнее время, а также охотой на песцов, мех которых в летнее время был малоценным.

Пребывание палеолитического человека на Мезинской стоянке в весеннее время, как нам кажется, документируется находками в культурном слое скорлупы яиц, по-видимому, водоплавающих птиц.

Деятельность мезинского палеолитического человека в летнее время документируется пока весьма слабо. Есть предпосылки для вывода о том, что жители открытого на стоянке в Мезине в 1954 г. жилища ушли на юг в весеннее время как бы после зимовки.

В связи с этим важное значение имеют раковины морских моллюсков: церитиумов, букцинумов, насс и других, в изобилии найденных при раскопках 1954—1956 гг. в жилище и за его пределами на площади стоянки. Сбор этих раковин мог быть произведен в южных частях территории Украины и смежных мест. Следовательно, жители Мезинской стоянки должны были бывать на юге.

Касаясь вопроса о геологическом возрасте палеолитической стоянки в Мезине, необходимо отметить, что относительный ее возраст определяется по нашей схеме концом раннего и началом среднего голоцена¹.

Обращает на себя внимание отсутствие в составе фауны Мезинской стоянки таких животных, как косуля, благородный олень, лось, дикая свинья и бобр. Отсутствие этих животных указывает на два обстоятельства — на мощный снежный покров того времени и на то, что охота производилась преимущественно зимой. По данным А. Н. Формозова, А. А. Насимовича и ряда других исследователей, при снежном покрове мощностью 30 см и выше, держатся хотя бы в течение нескольких недель, косуля, благородный олень и дикая свинья обитать не могут.

Не выдерживает подобного снежного покрова и лось, особенно в равнинных условиях, где нет возможности разыскивать кормовые угодья с меньшим снежным покровом. Бобр может выдержать большой снежный покров при условии несильного промерзания рек. Сочетание

¹ И. Г. Пидопличко и П. С. Макеев, О климатах и ландшафтах прошлого, в. 2, К., 1955, стр. 162—163.

глубокого снежного покрова со сравнительно небольшим промерзанием рек, очевидно, имело место в районе Мезинской стоянки. Это подтверждается тем, что отсутствие бобра в то время в долине Десны не было абсолютным, его остатки, правда одиночные, найдены в Новгород-Северской палеолитической стоянке.

Причина более холодных, чем в настоящее время, зим и наличия мощного снежного покрова во время существования палеолитической стоянки в Мезине объясняется иным, чем в настоящее время, положением южной границы холодноводных морей. Балтийско-Беломорский бассейн, открытый к Северному Ледовитому океану, простирался тогда до Валдая и Северо-Западной Белоруссии и далее на запад, до Британских островов. Это обстоятельство не могло не отразиться на режиме зимы того времени в пределах территории современных Черниговской и Сумской областей.

Иным был и летний режим. Относительно поздняя весна (по сравнению с современной) после многоснежной зимы создавала условия

Видовой и количественный состав фауны Мезинской палеолитической стоянки по материалам раскопок 1908—1956 годов

Название животных	Годы раскопок				Всего		Особей в % относительно общего числа особей (528)
	1908—1933		1954—1956		ко-стей	осо-бей	
	Кос-тей	Осо-бей	Кос-тей	Осо-бей			
Животные промысловой группы							
Мамонт (<i>Elephas primigenius</i>) . . .	1516	19	2380	89	3896	108	20,1
Носорог (<i>Rhinoceros antiquitatis</i>) . . .	15	2	2	1	17	3	0,5
Лошадь (<i>Equus equus</i>)	265	14	340	42	605	56	10,4
Овцебык (<i>Ovibos moschatus</i>)	188	17	—	—	188	17	3,1
Зубр (<i>Bison priscus</i>)	9	3	10	2	19	5	0,9
Олень гигантский (<i>Megaceros giganteus</i>)	—	—	1	1	1	1	0,1
Олень северный (<i>Rangifer tarandus</i>)	86	12	353	68	439	80	14,9
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	31	5	4	2	35	7	1,3
Россомаха (<i>Gulo gulo</i>)	25	3	3	2	28	5	0,9
Волк (<i>Canis lupus</i>)	232	13	741	39	973	52	9,7
Песец (<i>Alopex lagopus</i>)	623	38	1122	63	1745	101	18,8
Заяц (<i>Lepus</i>)	32	8	5	3	37	11	2,0
Байбак (<i>Marmota bobak</i>)	3	2	1	1	4	3	0,5
Куропатка (<i>Lagopus lagopus</i>)	11	5	3	2	14	7	1,3
Всего животных промысловой группы	3036	141	4965	315	8001	456	84,5
Животные непромысловой группы							
Суслик рыжеватый (<i>Citellus major</i>)	1	1	—	—	1	1	0,2
Суслик (<i>Citellus</i>)	—	—	1	1	1	1	0,2
Тушканчик большой (<i>Alactaga jaculus</i>)	—	—	1	1	1	1	0,2
Лемминг копытный (<i>Dicrostonyx torquatus</i>)	5	2	286	54	291	56	10,4
Крыса водяная (<i>Arvicola amphibius</i>)	1	1	—	—	1	1	0,2
Полевка (узкочерепная) (<i>Stenocranius</i>)	—	—	29	16	29	16	2,9
Слепушонка (<i>Ellobius talpinus</i>)	1	1	—	—	1	1	0,2
Сова белая (<i>Nyctea scandiaca</i>)	1	1	—	—	1	1	0,2
Каменка обыкновенная (<i>Oenanthe oenanthe</i>)	—	—	1	1	1	1	0,2
Другие птицы (<i>Aves</i>)	—	—	2	2	2	2	0,4
Всего животных непромысловой группы	9	6	320	75	329	81	15,1
Всего животных	3045	147	5285	390	8330	537	100,0

для возникновения длительных и мощных весенних паводков. Это обстоятельство делало долины рек неблагоприятными для обитания в течение значительной части летнего сезона. Водоразделы были, по-видимому, облесены и также малопригодны для обитания — по крайней мере известно, что на водоразделах, вне речных долин, палеолитические стоянки в Днепровско-Донецкой впадине неизвестны.

Сказанное выдвигает задачу более подробно изучить вопрос о сезонности пребывания позднепалеолитического человека на стоянках. Это тем более существенно, что ряд южных стоянок того времени, например в Крыму и в Сталинской области (Амвросиевка), обнаруживают ясные следы пребывания человека на этих стоянках в летнее время.

Не исключена возможность тесной связи между южными и северными стоянками позднепалеолитического человека. Эта связь подтверждается наличием одних и тех же видов морских моллюсков (*Nassa reticulata*, *Cerithium vulgatum*) в палеолитических стоянках Надпорожья и в Мезине.

Не исключено также и то, что люди — жители палеолитических стоянок — в разные сезоны года находились в разных географических зонах, то есть переходили с места на место, ведя подвижный образ жизни.

МОРСКИЕ МОЛЛЮСКИ ИЗ МЕЗИНСКОЙ СТОЯНКИ

А. С. РУДЕНКО

Морские моллюски неоднократно встречались при раскопках палеолитических стоянок. В Европейской части СССР раковины морских моллюсков были обнаружены во время раскопок палеолитических стоянок, расположенных в Дубовой и Кайстровой балках на территории Днепропетровской области¹, в Мезине, Черниговской области², в Амвросиевке, Сталинской области³, в Сюрени I, Крымской области⁴.

Морские моллюски из стоянок в Дубовой и Кайстровой балках, по определению Л. А. Лепикаша, представлены следующими видами: *Nassa reticulata* L i p e é (2 экз.—Дубовая балка), *Cerithium vulgatum* В г и g. (1 экз.—Кайстровая балка), *Ditacna* sp. (2 экз.—Дубовая балка).

За исключением *Cerithium vulgatum* В г и g., все раковины имеют отверстия, которые, очевидно, служили для нанизывания раковин на шуруп.

В 1936 г. Л. А. Лепикаш на основании работ А. Д. Архангельского, Н. М. Страхова, В. В. Богачева и др.⁵ показал, что форма *Cerithium vulgatum* В г и g., найденная в палеолитических стоянках Днепропетровской области, современная и встречается главным образом в карангатских отложениях (синхронных ресс-вюрмским) Черноморского побережья. Автор считает, что эта форма происходит из карангатских отложений Южного Крыма или Керченского полуострова.

Nassa reticulata L i p e é была широко распространена в Черноморском бассейне в карангатское время⁶, однако эта форма живет в Черном море и в настоящее время⁷.

¹ Л. А. Лепикаш, Геоморфология і четвертинні поклади пониззя р. Самари і долини Дніпра від Дніпропетровська до Запоріжжя, Матеріали комплексної експедиції в районі Дніпрельстану, в. I, К., 1934; е го же, Фауна четвертинних морських моллюсків з палеолітичних стоянок Дніпропетровщини й Чернігівщини, Четвертинний період, в. II, К., 1936.

² П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953; И. Г. Пидопличко, Итоги изучения фауны Мезинской палеолитической стоянки, журн. «Природа», 1935, № 3.

³ П. И. Борисковский, Палеолит Украины, МИА, № 40, 1953.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения крымского палеолита, Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, в. V, М.—Л., 1934.

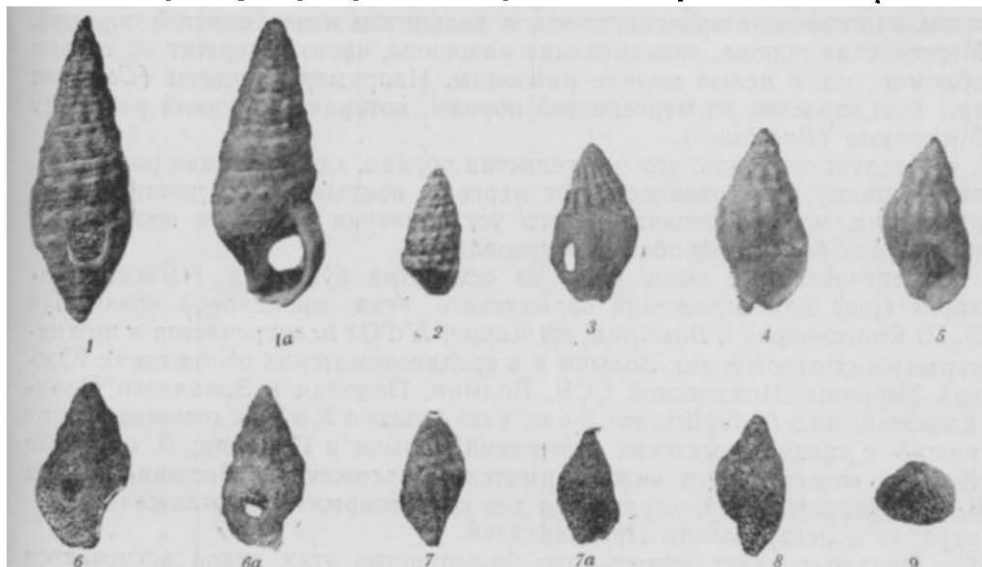
⁵ А. Д. Архангельский, Краткий очерк геологической истории Черного моря, Путеводитель экскурсий II четвертично-геологической конференции, М., 1932; А. Д. Архангельский и Н. М. Страхов, Геологическая история Черного моря, Бюлл. Московск. об-ва испыт. природы, отд. геологии, т. X (1), М., 1932.

⁶ Н. И. Андрусов, Террасы окрестностей Судака, Зап. Киев. об-ва естест., т. XXII, в. 2, К., 1912; И. М. Соколов, Тирренская терраса, Руководство по ископаемым нефтен. р-нов Крымско-Кавказ. обл., XVI, 1933.

⁷ С. А. Конкина, Н. М. Милославская и В. Л. Паули, Список моллюсков и вышших ракообразных северо-западного бассейна Черного моря, собранных В. Л. Исачко во время работ на парусно-моторном судне, Тр. Госуд. ихтиол. опытной станции, т. III, в. II, 1926; К. О. Милашевич, Моллюски Черного и Азовского морей, Фауна России, т. I. Моллюски русских морей, 1916.

Как указывает Г. А. Бонч-Осмоловский¹, в нижнем слое Сюрени I при раскопках были обнаружены морские раковины *Aporrhais pes-pellicani* Lineé (6 экз.) и *Theodoxus fluviatilis* (1 экз.). Последние обороты *Aporrhais* просверлены (для нанизывания), а шипы раковин обломаны.

Автор указывает, что современная форма *Aporrhais pes-pellicani* Lineé, живущая в Средиземном море, жила в бассейнах Черноморья в неогене. Палеолитический человек, очевидно, находил эти раковины в отложениях неогеновых террас Крыма. *Theodoxus fluviatilis* — современная широко распространенная пресноводная раковина, которая во

Раковины морских моллюсков из Мезинской палеолитической стоянки.

1, 1a—*Cerithium vulgatum* Brug.; 2—*C. cf. rubiginosum* (Eichw.) Dub.; 3—*Nassa reticulata* (Lineé); 4—*Buccinum corbicanum* A. d'Orb.; 5—*B. dubicatum* Sow. var. *gradaria* Koles.; 6, 6a—*B. superabile* Koles. var. *lurariosa* Koles.; 7, 7a—*B. cf. opinabile* Koles.; 8—*B. sub-spinosum* Sinz.; 9—*Cardium* sp. (увеличены в два раза).

время существования палеолитического человека стоянки Сюрени I была так же широко распространена, как и в настоящее время.

При раскопках Амвросиевской палеолитической стоянки найдены *Cerithium* sp. (1 экз.) и *Cardium* sp. (1 экз.).

За время раскопок Мезинской палеолитической стоянки (1908 — 1932 гг.) была собрана значительная коллекция морских моллюсков (128 экз.). По определению В. В. Богачева, опубликованному в работе И. Г. Пидопличко², морские раковины представлены только двумя видами: *Cerithium vulgatum* Brug. и *Nassa reticulata* Lineé. Как указывает И. Г. Пидопличко, в количественном отношении преобладали раковины церитов и большинство их было просверлено. Из этой коллекции сохранилось в Институте зоологии АН УССР лишь 59 обломков раковин. Из них 11 обломков принадлежат виду *Cerithium vulgatum* Brug., 3 — виду *Nassa reticulata* Lineé, а остальные относятся к семейству Buccinidae.

В связи с послевоенными раскопками Мезинской палеолитической стоянки (1954—1956 гг.) под руководством И. Г. Шовкопляса собрана большая коллекция морских моллюсков (около 700 экз.), которая была нами определена. При изучении этой коллекции установлено наличие в ней следующих видов: *Buccinum corbicanum* A. d'Orb. (91 экз.). *B. dub-*

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч.

² И. Г. Пидопличко, ук. соч.

licatum Sow. var. *gradaria* Koles. (39 экз.), *B. cf. opinabile* Koles. (29 экз.), *B. superabile* Koles. var. *luxuriosa* Koles. (1 экз.), *B. subspinosum* Sinz. (1 экз.), *Cerithium cf. rubiginosum* (Eichw.) Dub. (1 экз.), *C. vulgatum* Brug. (20 экз.), *Nassa reticulata* (Lineé) (37 экз.), *Cardium* sp. (1 экз.).

Большинство раковин на последнем обороте имеет отверстие, которое, очевидно, служило для нанизывания. Раковины относительно хорошей сохранности, хотя отдельные экземпляры имеют следы окатанности или потертости.

Среди собранных раковин морских моллюсков встречаются экземпляры, заполненные кристаллическим кальцитом и мергелистой породой. Мергелистая порода, заполняющая раковины, часто содержит не только обломки, но и целые мелкие раковины. Например, кардиум (*Cardium* sp.) был извлечен из мергелистой породы, которая заполняла раковину букцинума (*Buccinum*).

Следует отметить, что мергелистая порода, заполняющая раковины, по внешнему виду отличается от мергеля, покрывающего кости млекопитающих, но для окончательного установления различия необходимо произвести более подробное исследование.

Перечисленные выше виды из семейства букцинид (*Buccinidae*) характерны для отложений сарматского века миоценовой эпохи. По В. П. Колесникову¹, *Buccinum corbiantum* A'd'Orb. встречается в нижне-сарматских отложениях Волыни и в среднесарматских отложениях Южной Украины, Молдавской ССР, Волыни, Подолии и Западного Предкавказья; вид *B. duplicatum* Sow. var. *gradaria* Koles. отмечается для нижне- и среднесарматских отложений Волыни и Подолии; *B. opinabile* Koles. встречается в нижнесарматских отложениях Волыни, а вид *B. subspinosum* Sinz. характерен для среднесарматских отложений Бессарабии и центрального Предкавказья.

Однако следует думать, что большинство этих видов встречается в сарматских отложениях Южной Украины. Еще в 1891 г. Н. И. Андрусов² отмечал, что главная часть Сарматского моря, находившаяся на юге России, отличается большим разнообразием и богатством видов моллюсков.

Очевидно, палеолитический человек собирал раковины морских моллюсков из естественных обнажений. Вероятнее всего, он не выбивал раковины из сарматских известняков, а выбирал их из пород более рыхлых (песков, раковинных песков и т. д.). Следует, однако, отметить, что раковины букцинид более толстостенные, чем большинство раковин из сарматских отложений. Это свидетельствует об отборе палеолитическим человеком определенных, прочных экземпляров раковин. Пока неизвестно, сознательно происходил этот отбор или нет; возможно, что при просверливании последних оборотов тонкостенные раковины полностью разрушались, тогда как толстостенные раковины при такой обработке сохранились.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

В связи с тем, что в Черниговской области сарматских отложений вообще нет, следует предположить, что раковины букцинид (*Buccinidae*) занесены палеолитическим человеком на ее территорию из областей более южных, а именно из Южной Украины.

Раковины нижне- и среднесарматских видов семейства букцинид (*Buccinidae*) отбирались палеолитическим человеком главным образом из песков, раковинных песков и, может быть, из выветрившихся рыхлых известняков.

¹ В. П. Колесников, Сарматские моллюски, Палеонтология СССР, т. X, ч. III Л., 1935.

² Н. И. Андрусов, О характере и происхождении сарматской фауны, «Горный журнал», 1891, т. I, № 2.

Такие формы, как церитиум (*Cerithium vulgatum* В г и г.) и насса (*Nassa reticulata* L i n e é), могли собираться непосредственно на берегу Черноморского бассейна, а также могли быть взяты из обнажений Южного Крыма или Керченского полуострова (карангатские отложения).

Раковина кардиум (*Cardium* sp.) имеет сарматское происхождение, так как она была извлечена из последнего оборота одной из раковин букцинума (*Buccinum*).

Дальнейшие находки и изучение морских раковин из палеолитических стоянок могут дать надежные указания о масштабах и направлениях переходов палеолитических людей и о местах добывания этих раковин.

РАСКОПКИ В НАВЕСЕ ФАТЬМА-КОБА В 1956 ГОДУ

С. Н. БИБИКОВ

30 лет тому назад разведочный отряд Крымской экспедиции, выполняя замысел Г. А. Бонч-Осмоловского о сплошном обследовании Крыма с целью поисков палеолитических убежищ, начал работы в Байдарской долине в юго-западном Крыму. Работа отряда, проходившая под руководством С. А. Трусовой и при участии автора, завершилась обнаружением двух интереснейших мезолитических памятников, сыгравших немаловажную роль в изучении переходного периода от палеолита к неолиту. Два навеса — Шан-Коба и Фатьма-Коба — дали впервые хорошо документированный материал для характеристики мезолитического времени на юге Европейской части СССР и, что еще важнее, дали возможность обрисовать преемственность культур от ранней фазы мезолита (ранний азиль) до неолита включительно¹. Культурно-хронологическая шкала особенно четко прослеживается на стратиграфической колонке в навесе Шан-Коба. Навес Фатьма-Коба принес советской науке первое тарденуазское погребение, обнаруженное в ясных стратиграфических условиях².

Навес Шан-Коба уже после работ Г. А. Бонч-Осмоловского был раскопан полностью (за исключением контрольных участков), а навес Фатьма-Коба оставался исследованным лишь на небольшой площади (около 21 м²), локализованной у места погребения.

Проведенные Г. А. Бонч-Осмоловским кратковременные раскопки в Фатьма-Коба дали весьма ценные результаты³. Уже в год раскопок была установлена принадлежность погребения к тарденуазскому слою, выявлена картина залегания культурных остатков в толще отложений и выяснены основные вехи их относительной хронологии. Вместе с тем оставалось и много нерешенных вопросов. Так, например, осталось неясным, что представляет собой самый нижний культурный горизонт, не была установлена нижняя граница залегания отложений, было получено очень мало археологического материала.

Для выяснения этих вопросов, а также с целью получения материала для более полной характеристики самого памятника в 1956 г. были возобновлены раскопки в Фатьма-Коба.

Раскопки осуществлялись Крымской первобытной экспедицией, проводившейся Институтом археологии АН УССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР⁴.

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский, Итоги изучения Крымского палеолита, Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, в. V, М.—Л., 1934.

² Краткая публикация погребения дана Г. Ф. Дебецом (Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба, «Антропологический журнал», 1936, № 2).

³ С. Н. Бибилов, Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г., СА, I, 1936.

⁴ Кроме руководителей отдельных участков работ — Е. А. Векиловой (Институт истории материальной культуры АН СССР) и Ю. Г. Колосова (Институт археологии

Навес Фатъма-Коба расположен в северо-западном углу Байдарской долины, в балке Кобалар-Дере, образованной ручьем Кобалар-Су (рис. 1)¹. Кроме навесов, в балке находится хорошо скрытая пещера Темная, относящаяся, как теперь выяснено по фаунистическим остаткам, к мустьерскому времени². Следовательно, сама балка с неизменившейся гидрографической системой имеет древнее происхождение. Навес Фатъма-Коба расположен в скалистом массиве, на правом берегу ручья, об-

Рис. 1. Навес Фатъма-Коба.

ращен на юго-восток, хорошо освещается солнцем и возвышается над тальвегом балки на 4,5—5 м.

Пласт известняка, в котором образовался навес, имеет падение с запада на восток. Этому падению соответствует наклон продольной оси навеса. Высота навеса до 4 м, форма его напоминает несколько удлиненную раковину. Навес образовался вследствие выветривания плотного пласта известняка, перекрытого нумулитовой шапкой. Полезная для раскопок площадь навеса, не считая обширной площадки перед ним, невелика — около 50 м². Значительно бóльшая площадь его не имеет отложений и представляет собой скалистый пол, сильно наклоненный по оси падения пласта.

Раскоп 1956 г., площадью около 13 м², при глубине до 2 м, оконтурил и углубил раскоп Г. А. Бонч-Осмоловского (рис. 2). Это позволило увязать старые стратиграфические данные с новыми наблюдениями, которые в основном совпали. Стратиграфическая колонка представляется сейчас в следующем виде (рис. 3):

1-й слой — кизячный — 2—3 см;

2-й слой — желтый, глинистый, с примесью щебня и включением раковин — до 50 см;

3-й слой — серый, сильно щебнистый, с включением угольков, имеет хорошо выраженную очажную линзу в глубинной части навеса (участок 76); в слое обильное включение раковин улиток *Helix*—20—25 см;

АН УССР), в экспедиции принимали участие сотрудники Института археологии и студенты вузов.

¹ В 1936 г. балку Кобалар-Дере посетили Г. Ф. Мирчинк и В. И. Громов.

² В. И. Бибилова, Ю. Г. Колосов, Фауна пещеры Темная, журн. «Природа», 1958, № 3, стр. 111.

4-й слой — серый с желтоватым оттенком, почти сплошь состоящий из щебня — 30—35 см;

5-й слой — желтоватый, очень щебнистый — 25 см;

6-й слой — серый щебень с углистыми включениями;

7-й слой — желтый щебень.

С точки зрения литологической, отложения навеса, если не считать современного кизячного слоя, можно разделить на два пласта: верхний суглинистый со щебнем и залегающий под ним пласт щебня мощностью

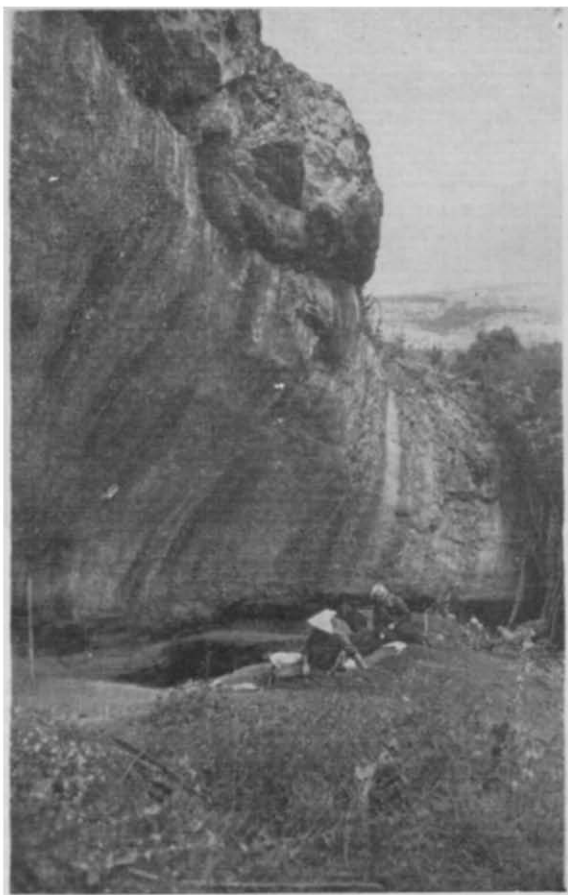

Рис. 2. Навес Фатьма-Коба. Вид на раскопки.

около 1,5 м. Этот пласт, в общем совершенно однородный по консистенции и состоящий из угловатого невыветрившегося щебня, рассечен очажными линзами. Очаги великолепно выделяются на срезе обнажения и состоят из мельчайших угольков и золы.

Хорошо прослеживаются пять очажных линз, хотя некоторые из линз по интенсивности углистой окраски, в свою очередь, могут быть расчленены на отдельные горизонты.

Культурные остатки, особенно кремни, начинают попадаться почти с поверхности и следуют примерно до глубины 110—115 см. Ниже количество находок в щебне резко снижается и вновь возрастает с глубины 145 до 200 см.

Сравнительно мощная для пещерных отложений толща содержит остатки культур, принадлежащих в основном двум фазам мезолита — азилю и тарденуазу, как считается, не слишком разобщенных во вре-

мени. Судя по распределению культурных остатков в отложениях, хотя и не обильных, но довольно равномерно размещенных в слое, а также по сильной щебнистости очажных слоев, весь пласт щебня толщиной до 2 м накопился за сравнительно короткий срок. Столь быстрое накопление в навесе щебня в период, когда здесь жил человек, требует своего объяснения. Во всяком случае, едва ли прав применительно к Крыму В. И. Громов, утверждающий, что «не имея еще достаточного количества наблюдений для окончательного решения вопроса об особенностях климатических изменений, отразившихся на пещерных выполнениях (речь

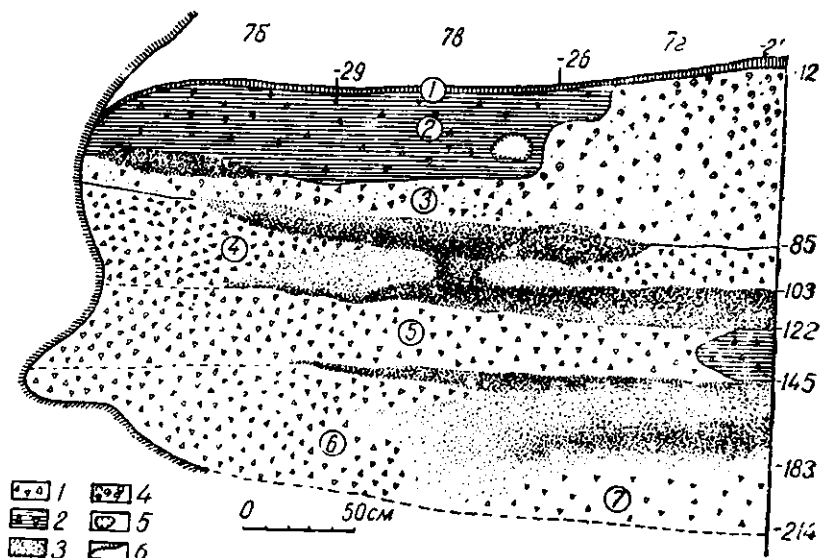

Рис. 3. Фат'ма-Коба. Восточная стенка раскопа.

1 — щебень; 2 — щебень с глиной; 3 — очажный слой; 4 — ракушки; 5 — камень; 6 — скала.

идет о крымских пещерах.—С. Б.), мы можем высказать предположение, опираясь на данные флоры и фауны, что быстрое накопление щебня следует связать с относительно суровым и континентальным климатом»¹. Заметим, что за 30 лет, прошедших со времени первых раскопок в Фат'ма-Коба, накопления щебня или другого материала в навесе практически незаметно. Такое положение можно наблюдать даже в тех местах навеса, где потолок не сглажен, а имеет вид шероховатой расстрескавшейся поверхности с заклинившимися отдельностями известняка.

Судя по отсутствию крупных блоков камня в самом навесе, можно сделать вывод, что конфигурация Фат'ма-Коба с древних времен изменилась мало.

Видимо, как и сейчас, навес имел малые водостоки, через которые проникала талая и дождевая вода, повредившая и видоизменившая отдельные участки отложений, приблизив их к типу отложений, слагающих площадку перед навесом.

Культурные остатки, собранные при раскопках в Фат'ма-Коба, состоят почти исключительно из кремневых орудий, заготовок и отбросов производства. Костяные орудия представлены двумя-тремя обломками шильев, отходами в виде обрезков длинных костей и рогов животных, из которых вырезывались пластины-заготовки, или метаподий зайца, шедших на изготовление пронизок.

¹ В. И. Громов, Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит), Тр. Ин-та геол. наук, в. 64, серия геол., № 17, 1948, стр. 250.

Обращает на себя внимание костяной стержень с продольной прорезью-пазом для размещения в нем вкладышей.

Кремневый инвентарь, собранный в Фатьма-Коба, можно расчленить на два комплекса.

Первый комплекс объединяет инвентарь из верхних очажных слоев (2—4-й слои). Во второй комплекс входит инвентарь из нижнего очажного слоя (5 и 6-й слои). В 5-м слое культурных остатков найдено очень мало. При сопоставлении кремневого материала по горизонтам отличий в нем в пределах каждого комплекса не замечено. Однако, сравнивая оба комплекса между собой, можно наблюдать различие в ассортименте кремневого инвентаря и, главное, в степени совершенства его отделки.

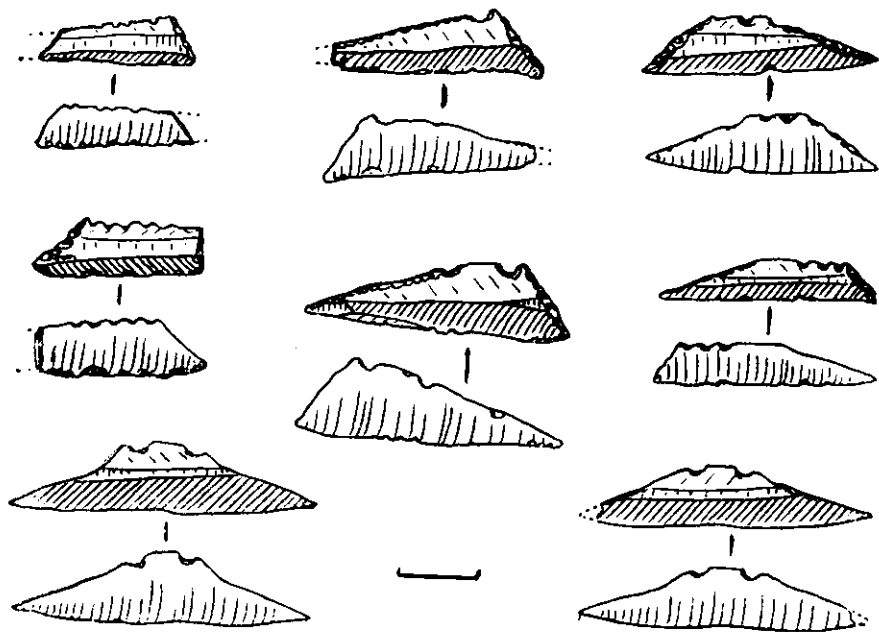

Рис. 4. Трапециевидные «микролиты» из Фатьма-Коба.

Для обоих комплексов — верхнего (тарденуазского) и нижнего (азильского) исходные элементы в технике обработки кремня остаются одинаковыми. Сырьем для орудий служил меловой кремень, призматические и конические нуклеусы и пластинки. Следует отметить разную степень совершенства заготовок. Пластинки из верхнего комплекса тоньше, правильнее огранены, изящнее и короче. То же самое можно сказать и про орудия. Последние представлены в собрании Фатьма-Коба большой серией и довольно разнообразными формами. Здесь встречены концевые и округлые скребки, угловые резцы, пластинки со скошенным краем, пластины с выемками, пластины с боковой ретушью. Особую группу, как всегда, составляют так называемые микролитические формы геометрических очертаний. Именно микролиты являются наиболее ярким показателем культурно-хронологических различий между комплексами. Для Фатьма-Коба является характерным, например, присутствие в нижнем комплексе грубых геометрических микролитов — треугольных или близких к сегментовидным формам. Сделаны они на сечениях довольно массивных пластинок. В верхнем же комплексе обнаружены тонкие пластинки и прекрасно изготовленные «микролиты», главным образом трапеции. Последние часто имеют удлиненные пропорции и снабжены зубчиками на верхнем основании (рис. 4). Просмотр серий трапециевидных микролитов убеждает в том, что наличие зубчиков на верхнем

основании является определенным, датирующим тарденуазское время признаком. С подобным оформлением трапеций можно встретиться в коллекции из 3-го слоя Шан-Коба, в Мурзак-Коба, Балин-Коше¹, Домчикая на Чатырдаге², Беш-Текне над Лименами³, в открытой стоянке Кизил-Коба⁴, Каракуш-Коба⁵, Кукрек⁶, Алачук на Караби-Яйле (сборы Ю. Г. Колосова) и в других пунктах.

Трапеции с зубчиками не встречаются в нижних азийских комплексах, а также, как будто, и в крымских неолитических собраниях. Их присутствие отмечается еще в тарденуазских комплексах дюнных стоянок Северского Донца⁷. Зато в коллекциях Средней, Северной и Северо-Восточной Европы они почти не встречаются. Нам они мало известны в мезолитических стоянках Франции, Англии, Дании и Польши, хотя трапециевидные и треугольные микролиты удлиненных форм в европейских мезолитических поселениях встречаются довольно часто. Кстати сказать, техника нанесения зубчиков на прямоугольные и подтреугольные сечения пластинок была известна в Западной Европе во всяком случае с верхнемадленского времени и бытовала позже⁸. В южных областях Старого света присутствие микролитов с очень слабо выраженными зубчиками может быть отмечено для позднекаспийских стоянок Эль-Мехта и Гафса. В группе кавказских стоянок (Одиши, Бармаксыз и др.) они не обнаружены.

Уже давно считается установленным, что трапеции — это не орудия в прямом смысле слова, а детали орудий — вкладыши. Возможно, наиболее массивные и высокие трапеции с зубчиками могли служить наконечниками метательных орудий, а сами зубчики выполняли роль своего рода бородок, увеличивающих разящую способность этих орудий. Однако по отношению к миниатюрным, тонким и удлиненным трапециям, имеющим зубчики на верхнем основании, можно предположить иное истолкование.

В прошлом веке Льюис Эбботт дал реконструкцию рыболовной снасти в виде жерлицы, использовав треугольный микролит, найденный в Гастинге (Англия)⁹. Реконструкция Эбботта не получила признания и была забыта при дальнейших попытках объяснить назначение кремневых треугольных изделий. Произошло это, видимо, потому, что назначение треугольных микролитов было разгадано позднее, и они предстали как вкладыши для метательных орудий (по данным Лики, Г. А. Бонч-Осмоловского, Андрэ и др.).

¹ Хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), кол. № 5330, сборы А. С. Моисеева, № 175—177.

² Там же, № 603.

³ Там же, № 498.

⁴ К. С. Мережковский, Каменный век в Крыму, Отчет о предварительном исследовании каменного века в Крыму, Изв. Русск. географ. об-ва, т. XVI, 1880, табл. IV, 15, 16, 18. Интересно, что одну из трапеций с зубчиками (№ 16) из Кизил-Коба поместил в своей сводке А. Мортилье, видимо, считая ее характерной для крымского тарденуаза (см. A. de Mortillet, Les petits silex taillés à contours géométriques, trouvés en Europe, Asie et Afrique, Revue mensuelle de L'école d'Anthropologie de Paris, XI, 15, Paris, 1896, стр. 393, рис. 98, текст стр. 394).

⁵ Е. А. Векилова, Позднепалеолитические стоянки в Крыму, КСИИМК, в. XXXII, 1950, стр. 138, рис. 14, б.

⁶ Е. А. Векилова, Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму, КСИИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 91, рис. 22, 29.

⁷ М. В. Сибильов, Старовинності Ізюмщини, в. I, Ізюм, 1928, табл. I, 27; е го же, Старовинності Ізюмщини, в. IV, Ізюм, 1930, табл. XX, 19, 20 и др.; XXI, 12 (трапеции с зубчиками на верхнем основании, но нормальных, не вытянутых пропорций).

⁸ Например, грот Мартине, см. L. Coulonges, Les gisements préhistoriques de Sauvetterre-la-Lémance, Archives de l'Institut de Paléontologie humaine, mémoire XIV, Paris I, 1935, рис. 4, 8.

⁹ A. de Mortillet, ук, соч., стр. 400, рис. 121.

Находки в Фатьма-Коба удлиненных трапеций с зубчиками вновь возвращают к мысли реконструировать рыболовное приспособление, но на иной и более твердой фактической основе (рис. 5). Вероятность такой реконструкции подтверждается специальными выемками, образующими зубчики, которые обеспечивали плотность скрепления микролита с леской. О том, что трапециевидные микролиты представляют собой детали

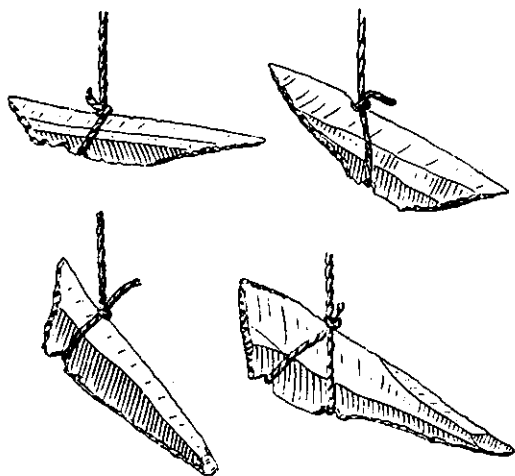

Рис. 5. Опыт реконструкции применения трапециевидных «микролитов».

рыболовной снасти, свидетельствуют также чрезвычайная легкость и тонкость этих изделий, не пригодных для металлических функций¹.

Обращают на себя внимание очертания удлиненных трапеций с разными по величине сторонами. Они очень напоминают тельце рыбки-малька. Это сходство еще больше усиливается благодаря серому или желтовато-серому, глянцевитому цвету кремня, из которого изготовлены трапеции. Несколько изогнутая в поперечном направлении форма трапеции, обусловленная свойствами кремня, а также гладкая, почти зеркальная поверхность трапеций, иногда с просвечи-

вающими краями, хорошо отражающая свет — все это усиливает сходство трапеций с мальками, особенно при продергивании кремешка в водоеме, чем создается полное впечатление «игры малька». Можно думать, что трапеции удлиненных форм с зубчиками на верхнем основании являются первыми известными нам блеснами для ловли рыбы.

А имелись ли в крымских водоемах в позднплейстоценовое и раннеголоценовое время пригодные для ловли хищные рыбы? По данным В. Д. Лебедева², в крымских реках в тарденуазское время обитали проходные и туводные: черноморский лосось (*Salmo trutta cobrax* P a l l.) — рыба, довольно не разборчивая на блесну, сом (*Silurus glanis*), судак (*Lucioperca lucioperca*). К этим видам можно добавить, по данным М. И. Тихого³, форель и головля из отложений стоянки Сюрень I.

При оценке хозяйственной деятельности мезолитического населения Крыма обычно подчеркивается роль охоты и собирательства. В свете находок рыболовных приспособлений в виде кремневых блесен, а также костных остатков рыб следует отвести определенное место и рыболовству. Значение его в хозяйстве мезолитического человека, видимо, возросло в сравнении с верхним палеолитом. Это можно поставить в связь с уменьшением роли охоты в результате все возраставшего истребления дичи. Рыболовство, таким образом, в известной мере восполняло недостаток в мясной пище.

¹ Для выполнения последних в качестве вкладышей или поперечно-лезвийных наконечников стрел могли служить более массивные трапециевидные формы нормальных или удлиненных в высоту пропорций.

² В. Д. Лебедев, Рыбы из позднпалеолитической стоянки Мурзак-Коба в Крыму, Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биологии, т. LVII (6), М., 1952, стр. 46—51; И. М. Громов, Фауна позвоночных тарденуазской стоянки Мурзак-Коба в Крыму, МИА, № 39, 1953, стр. 459—462.

³ М. И. Тихий, Рыбы из палеолита Крыма, журн. «Природа», 1928, № 11.

По предварительному определению В. И. Бибиковой, фаунистические сборы из Фатьма-Коба содержат оленя, козулю, свинью, волка и собаку. Найдены также кости черепахи, птиц и грызунов. Бросается в глаза исключительно сильная раздробленность костей животных. Впрочем, это явление характерно и для тарденуазских слоев других стоянок, например Шан-Коба и Мурзак-Коба. Измельченность костей нельзя не поставить в связь с использованием в пищу их содержимого и широким применением кости для хозяйственных надобностей. Столь полное использование годных для поделок костей свидетельствует о том, что костный материал поступал не в изобилии, что охота была уже мало продуктивна. В условиях Крыма назревал своеобразный кризис охотничьего хозяйства. Об этом говорят и другие данные, например, усиление собирательства, принявшего усложненную форму, предполагающую заготовку продуктов собирательства впрок, распад относительно крупных коллективов на более мелкие производственные сообщества и т. п.¹

В Фатьма-Коба пока еще слабо изучен неолитический слой. Г. А. Бонч-Осмоловский опубликовал только одну трапецию «со струганной спинкой», происходящую с поверхностных напластований. Нам также удалось найти такую трапецию на площадке перед навесом. Столь редкие находки неолитических форм позволяют предполагать, что в неолитическую эпоху человек не использовал под жилье навес Фатьма-Коба, а предпочел селиться в рядом расположенном навесе Шан-Коба.

Раскопки в Фатьма-Коба подтвердили культурно-хронологическую характеристику мезолита Крыма, предложенную Г. А. Бонч-Осмоловским и разработанную им на опорном стратиграфическом памятнике Шан-Коба. Позднее исследователи пытались уточнить и несколько видоизменить схему Г. А. Бонч-Осмоловского. В частных вопросах эти попытки давали плодотворные результаты. В целом же характеристика мезолита и отдельных его фаз, данная Г. А. Бонч-Осмоловским, осталась незабываемой. Сейчас центральной задачей становится не столько выяснение последовательности развития отдельных фаз крымского мезолита или выяснение локальных черт мезолитических памятников, сколько глубокое изучение собственно культуры мезолитического человека — его хозяйства, быта, идеологии. Вместе с тем необходимо вновь вернуться к вопросу о происхождении мезолитической культуры в Крыму. Все, что сделано в направлении решения этого вопроса, нельзя признать бесспорным, многое навеяно элементарным эволюционизмом, желанием генетически связать все палеолитические культуры Крыма. Между тем, скажем, автохтонность мезолита Крыма может быть поставлена под серьезное сомнение. Однако и объяснение появления некоторых элементов мезолитической культуры в Крыму извне требует конкретного исследования путей сложения крымского мезолита. Наконец, остается недостаточно освещенным еще вопрос о месте мезолитической культуры Крыма среди аналогичных культур Старого света. Эта задача является весьма актуальной, и решение ее должно стать делом недалекого будущего.

---

¹ С. Н. Бибиков, Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитического общества Крыма, Уч. зап. ЛГУ, серия истор., в. 13, Л., 1949, стр. 40—41.

ФАУНА ИЗ НАВЕСА ФАТЬМА-КОБА

(Предварительное сообщение)

В. И. БИБИКОВА

В последние годы накопился большой материал для характеристики фауны начальной поры голоцена в Крыму. Раскопки К. С. Мережковско-го в Черкес-Керменских убежищах открыли первую страницу истории крымской фауны рубежа палеолитического и неолитического времени. Сейчас палеозоология располагает большими, стратиграфически хорошо документированными, комплексами из ряда мезолитических убежищ в Крыму, однако не во всех случаях опубликованных с достаточной полнотой. В научный оборот вошли фаунистические остатки из пещер Кукрек (раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского), Шан-Коба (раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского и С. Н. Бибикова), Мурзак-Коба (раскопки С. Н. Бибикова), Каракуш-Коба (раскопки С. Н. Бибикова и Е. А. Веткиловой), Замиль-Коба (раскопки Д. А. Крайнова), навеса Буран-Кая (раскопки О. Н. Бадера) и др. Новые раскопки в Алимовом навесе производились недавно А. А. Формозовым и А. Д. Столяром и дали значительный фаунистический материал, пока еще не опубликованный.

В 1956 г. Крымская перзобытная экспедиция возобновила раскопки в навесе Фатьма-Коба в Крыму, начатые в 1927 г. Г. А. Бонч-Осмоловским. Немногочисленное собрание костей животных, добытое при раскопках в 1927 г., было обработано и опубликовано В. И. Громовой и В. И. Громовым¹. К этой небольшой коллекции, собранной с малой площади раскопок, добавляется сейчас довольно значительное собрание из раскопок 1956 г. Костный материал из Фатьма-Коба дает характеристику фауны по горизонтам залегания культурных остатков в пределах двух последовательных хронологических отрезков — азиля (5 и 6-й слои) и гарденуаза (2—4-й слои). Ниже приводится список фауны из Фатьма-Коба (по слоям) из раскопок 1956 г.

Приведенный список фауны и подсчеты количества особей по отдельным видам животных дают представление не только о хозяйственной деятельности мезолитического человека, но о видовом составе и плотности популяций животных, населявших юго-западный Крым в эпоху эпипалеолита. В коллекции представлены главным образом кости млекопитающих и особенно копытных животных.

В небольшом количестве встречены кости птиц и черепах. Почти полное отсутствие костей рыб в отложениях Фатьма-Коба, по-видимому, объясняется неблагоприятными для сохранения вещества костей рыб

¹ Вера Громова и В. Громов, Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии, Тр. советск. секции АИЧПЕ, в. I, 1937, стр. 52—96.

условиями рыхлого, сильно щебнистого грунта. Приведенный список животных имеет значение не столько для пополнения состава фауны новыми видами, сколько для будущих подсчетов и исследований фауны, переходной к неолиту, к которым мы приступаем, используя данные по всем мезолитическим стоянкам.

Вид	2-й слой		3-й слой		4-й слой		5-й слой		6-й слой	
	Количество		Количество		Количество		Количество		Количество	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей
1. Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	184	4	15	1	21	1	2	1	255	3
2. Свинья дикая (<i>Sus scrofa</i> L.)	686	14	40	3	29	2	1	1	—	—
3. Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	30	3	5	1	—	—	—	—	—	—
4. Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Псовые (<i>Ganidae</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
7. Лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—
8. Медведь (бурый?) (<i>Ursus arctos</i> L.)	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
9. Кошка дикая (<i>Felis silvestris</i> Schr.)	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
10. Барсук (?) (<i>Meles meles</i> L.)	—	—	—	—	2	1	—	—	1	1
11. Мелкий хищник (<i>Carnivora</i> ?)	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Заяц (<i>Lepus</i> Sp.)	9	2	—	—	19	3	—	—	—	—
13. Заяц (?)	—	—	1	1	110	1	—	—	5	1
14. Хомяк (<i>Cricetus cricetus</i> L.)	9	3	—	—	1	1	—	—	—	—
15. Мелкие грызуны (без зайца, байбэка, хомяка)	4	2	2 (?)	1	—	—	—	—	—	—
16. Млекопитающие (<i>Mammalia</i>)	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17. Мелкие фрагменты мелких животных (грызуны?)	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18. Мелкие фрагменты костей мелких копытных	3070	—	174	—	470	—	37	—	53	—
19. Мелкие фрагменты костей крупных копытных	337	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20. Птицы (<i>Aves</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21. Черепаха (<i>Festudo</i> sp.)	15	2	1	1	—	—	—	—	—	—
22. Рыбы (<i>Pisces</i>)	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Всего	4381	—	239	—	654	—	41	—	315	—

Интересна одна деталь, связанная с состоянием остеологической коллекции из Фатьма-Коба. Кости из нижнего культурного комплекса (слой 6-й) довольно сильно раздроблены, но в значительной своей части все же сохраняют диагностичность (из 315 фрагментов определяемых оказалось около 80%). Верхний же комплекс, наоборот, отличается тем, что большая часть костей раздроблена на мелкие, неопределимые кусочки. Поэтому степень определяемости костей из 2, 3 и 4-го слоев едва достигает 20—25%. Этот факт можно объяснить желанием древнего человека возможно полнее использовать питательные вещества, содержащиеся в костях. С другой стороны, это может указывать и на недостаток мясной пищи, когда приходилось использовать максимум того, что давала мало добычливая охота.

Бросается в глаза и различие в соотношениях основных охотничьих животных в этих двух культурных комплексах.

В нижнем, азильском слое встречены почти исключительно кости благородного оленя, в верхнем же, тарденуазском слое преобладающее значение имеет дикая свинья. Такое соотношение, по-видимому, является отражением прогрессирующего измельчания и уменьшения плотности

олени и, наоборот, биологическим расцветом дикой свиньи с увеличением плотности ее популяции.

В нашей коллекции в материалах по свинье, как и в прошлых сборах, также наблюдается преобладание остатков молодых животных. По числу особей молодняк составляет 50%, а по количеству костей 60—70%. Из 14 особей во 2-м слое Фатьма-Коба семь особей молодых и семь особей взрослых животных. Среди взрослых имеются остатки животных обоих полов. При этом из семи взрослых—шесть самок и один самец.

Соотношение возрастных и половых групп свиньи из Фатьма-Коба дает картину, характерную для нормального стада современной дикой свиньи.

Чрезвычайно затруднительно судить о размерах фатьма-кобинской свиньи вследствие фрагментарности материала. В коллекции имеются три последних коренных зуба нижней челюсти, имеющих следующие размеры (в мм):

	Длина коронки	Ширина коронки
M ₃ левый (не прорезавшийся)	42,5	18,7
M ₃ вполне взрослого животного	41,0	± 18,0
M ₃ левый (1½—2 года)	40,8	± 18,0

Судя по таким значительным размерам последнего постоянного коренного нижней челюсти свиньи из Фатьма-Коба, более всего совпадающего по размерам с зубами самок современной дикой свиньи, можно говорить о том, что остатки свиньи из Фатьма-Коба скорее следует отнести к дикому виду, чем к домашней свинье. Однако наличие значительного количества молодняка в материалах Фатьма-Коба и других памятников мезолита, может быть, действительно указывает на первые попытки приручения данного вида. Начальной стадией этого процесса по-видимому, и объясняется сходство в размерах и морфологии свиньи из Фатьма-Коба с современной дикой формой.

Возможно, что сокращение охотничьей базы в связи с изменением фауны в целом, прослеживающееся в переходную эпоху от палеолита к неолиту, привело древнего человека к затруднениям экономического порядка и, по-видимому, заставило искать новых путей в хозяйственной деятельности.

ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ТРОЯНОВА, ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Т. Д. БЕЛАНОВСКАЯ, Н. М. ШМАГЛИЙ

Одной из актуальных проблем в изучении трипольской культуры является проблема позднего триполья и процесс «исчезновения» трипольской культуры.

Несомненный интерес в этом отношении представляют памятники позднейшего триполья, находящиеся на периферии распространения трипольской культуры. Они приводятся в качестве показателей новых направлений в развитии трипольской культуры, имеющих еще непосредственные генетические связи с памятниками развитого триполья.

К числу таких памятников относятся поселения, расположенные в зоне волинского Полесья. На одном из них у с. Троянова, Житомирской области, Институтом археологии АН УССР летом 1956 г. были произведены раскопки¹.

Троянов как место археологических находок отмечен на археологической карте б. Волинской губернии, составленной В. Б. Антоновичем².

Позднетрипольское поселение у Троянова открыто в 1947 г. разведкой Института археологии, проводившейся Р. И. Выезжевым³. Повторно поселение разведано М. Л. Макаревичем и Н. М. Шмаглием в июне 1956 г. Поселение расположено на северо-западной окраине с. Троянова, в 16 км к югу от Житомира, в урочище Швед, или Орехова Гора. Урочище представляет собой высокий (27 м) мыс плато правого берега р. Гнилопяти (правый приток Тетерева), образованный выходами кристаллических пород на поверхность земли. Южная, юго-западная и западная стороны мыса обращены к реке, северная круто обрывается в долину высохшего ручья, восточная и юго-восточная — напольные.

Своим местоположением поселение у Троянова напоминает ландшафтно-топографические условия большинства позднетрипольских поселений волинского Полесья (Паволочь⁴, Городск⁵, Н. Черторья⁶).

¹ Раскопки производились Волинским отрядом Трипольской экспедиции, в котором принимали участие Т. Д. Белановская (начальник отряда), Г. Г. Богуи, Н. М. Шмаглий и студенты-практиканты Ленинградского государственного университета Э. С. Иодова и Б. И. Ильин.

² В. Б. Антонович, Археологическая карта Волинской губ., Тр. XI АС т. I, М., 1901, стр. 4.

³ Р. И. Выезжев, Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яти, АП, т. III, К., 1952, стр. 199.

⁴ М. Л. Макаревич, Трипільське поселення біля с. Паволочі, АП, т. IV, К., 1952, стр. 96.

⁵ В. П. Петров, Поселення в Городську, Трипільська культура, т. I, К., 1940, стр. 339.

⁶ О. Н. Захарук, Пізньотрипільське поселення у верхів'ях р. Случі, АП, т. VI, К., 1956, стр. 130.

В 1956 г. раскопками была охвачена площадь в 764 м². В процессе исследования обнаружены остатки 17 наземных и полуземляночных жилищ, из которых шесть частично или почти полностью разрушены при земляных работах по сооружению дамбы колхозной ГЭС.

Наземные жилища характеризуются неглубоким (0,2—0,3 м от современной поверхности) залеганием, подпрямоугольной в плане формой и небольшими размерами (6×3 м).

Кроме культурных остатков в виде орудий труда и керамических изделий, на площади жилищ можно было видеть обломки обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и тонких плах. Глиняная обмазка с выгоревшей примесью половы, очевидно, представляет собой остатки печных сооружений и стен жилища.

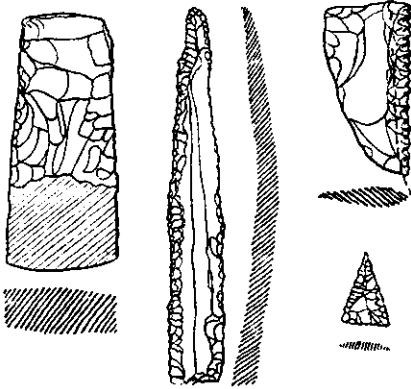

Рис. 1. Кремневые изделия с поселения у с. Троянова.

Жилища полуземляночного типа были углублены в подстилающий грунт (лесс) на 0,8—1,2 м от современной поверхности. В плане они имели форму неправильных овалов; очажные пятна были углублены и выделялись наличием большого количества обломков посуды, обожженной глины, угля, находками зернотерок, растиральников, а также других предметов. В некоторых жилищах отмечено несколько очажных углублений (в жилище 6 — два, а в жилище 9 — три).

В жилищах 6, 10, 13 и 14 отмечены глиняные возвышения округлой в плане формы площадью 0,4×0,6 м, которые располагались в непосредственной близости от печных развалов.

Какой-либо системы в расположении жилищ на поселении проследить не удалось.

Кроме жилищ обнаружены округлые ямы хозяйственного назначения.

Культурный слой Трояновского поселения оказался весьма насыщенным разнообразными находками: керамическими, каменными, кремневыми и костяными изделиями. Наибольшая концентрация археологического материала отмечена на площади жилищ и около них. Довольно многочисленны орудия труда из камня. На поселении найдены зернотерки, растиральники, каменные топоры и значительное число круглых каменных конкреций, в которых некоторые исследователи видят отбойники, другие — метательные шары, или боласы.

Кремневый инвентарь состоял из прямоугольных в сечении топоров-клиньев с пришлифованным лезвием, ножей и ножевидных пластин, вкладышей от серпов, скребков и скребковидных орудий, треугольной формы наконечников стрел (рис. 1). Костяные орудия представлены лошилами и проколками. Наиболее многочисленную группу находок на поселении составляет керамика. По составу глины ее можно разделить на две основные группы.

Первая группа представлена керамикой с примесями, в зависимости от которых можно выделить следующие подгруппы: а) с примесями песка, кварца и слюды; б) с примесью толченых раковин; в) с примесью растительных остатков, выгоревших при обжиге.

Среди отмеченных подгрупп наибольшим количеством фрагментов сосудов на поселении представлена подгруппа «а». Для всей этой группы керамики характерна шнуровая орнаментация. Отпечатки шнура в одну или две линии расположены в нижней части шейки сосуда и со-

проводятся наклепами конусовидной формы. Встречаются также фрагменты с орнаментом в виде отпечатков штампа и наколов. Характерной особенностью орнаментации этой группы керамики является покрытие наружной поверхности многих сосудов красной краской.

Вторая группа представлена небольшим количеством фрагментов сосудов, изготовленных из отмученной глины. На некоторых черепках сохранился расписной орнамент, нанесенный темно-коричневой краской.

Для обеих групп керамики присущи разнообразные формы сосудов. Среди них можно отметить горшки разных размеров для варки пищи, пифособразные сосуды емкостью 20—30 л для хранения зерна и воды,

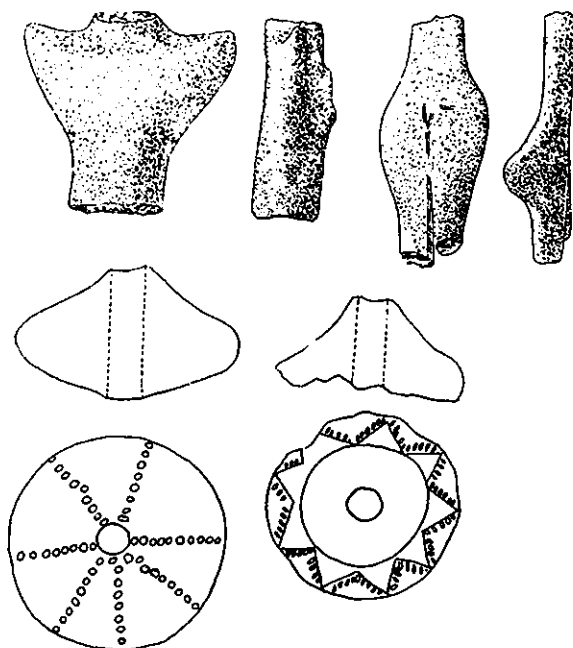

Рис. 2. Статуэтки и пряслица с поселения у с. Троянова.

кувшины для молока и молочных продуктов, чаши и миски для индивидуального потребления пищи. Часть сосудов имела ручки с роговидными отростками. Встречаются также бугорки-ушки трипольского типа с отверстием. На отдельных обломках днищ сосудов отмечены отпечатки ткани.

К керамическим изделиям следует также отнести антропоморфные статуэтки, найденные на поселении только во фрагментарном состоянии (46 обломков преимущественно торса и ног; рис. 2). Преобладают стоячие сильно схематизированные женские статуэтки с плоской голозой и носом, сформированным посредством «щипка». Голова и плечевые выступы часто обрамлены мелкими сквозными отверстиями.

Интересную коллекцию среди находок составили глиняные пряслица (76 целых и 56 обломков). По форме их можно разделить на три группы: конические, биконические и плоские. Большое количество пряслиц орнаментировано мелкими углублениями в виде радиально расходящихся от центра лучей или прорезными линиями в виде кольцевых геометрических фигур. На некоторых имеются рисунки пиктограммного характера (рис. 2).

К изделиям из глины относятся также оттяжки для ткацкого станка. Их найдено на поселении 20 экземпляров (12 целых и 8 обломков). По форме оттяжки делятся на шаровидные и цилиндрические.

Многочисленные пряслица, оттяжки для ткацкого станка, отпечатки ткани на днищах сосудов, шнуровая орнаментация керамики — все эти факты свидетельствуют о развитом прядении и ткачестве в хозяйстве жителей Трояновского поселения.

Из металлических изделий найдено только одно медное колечко.

Остеологический материал, собранный на поселении, немногочислен; домашние животные представлены следующими видами: бык, коза, овца, свинья, лошадь, собака. Из диких животных отмечены лось и свинья¹. Почти все кости животных и костяные орудия найдены в жилище 1.

Археологический материал Трояновского поселения свидетельствует о скотоводческо-земледельческой основе хозяйства его обитателей, которая дополнялась прядением и ткачеством, керамическим производством, изготовлением кремневых орудий и охотой. По характеру керамики и орудий труда поселение может быть поставлено в один ряд с такими памятниками поздне трипольского времени восточной части волинского Полесья, как Паволочь, Городск, Н. Черторья и др.

Дальнейшие исследования Трояновского поселения существенно дополнят наши представления об истории поздне трипольских пелмен южной зоны Полесья Правобережной Украины.

---

¹ Кости животных определены В. А. Топачевским (Институт зоологии АН УССР).

ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ГРОБНИЦАХ ОКОЛО с. ПОПОВЦЕВ, ТЕРНОПОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю. Н. ЗАХАРУК

В 1953 г. во время работы Подольской археологической экспедиции Института общественных наук АН УССР в ближайших окрестностях с. Кошиловцы, Товстенского района, Тернопольской области, была проведена археологическая разведка, в частности, с целью открытия так называемых погребений в каменных ящиках, известных в этом районе, в том числе и в Кошиловцах.

В соседнем с. Поповцы во время земляных работ по строительству колхозного курятника было обнаружено несколько погребений этого типа. Погребения были открыты в урочище Гайок, которое представляет собой мыс возвышенности на правом берегу р. Джурина. Экспедиции удалось уточнить местоположение двух гробниц. Местоположение третьей гробницы, якобы тоже обнаруженной во время земляных работ, установить не удалось.

Г р о б н и ц а 1 (рис. 1, 1) обнаружена на глубине 0,25 м от современной поверхности. Она была сложена из каменных плит и ориентирована с запада на восток. Длина гробницы 1,2 м, ширина (внутри) 0,64 м. Плитами выложено дно и стенки гробницы. Толщина плит от 2 до 6 см. Высота стенок гробницы 0,6 м. В восточной части гробницы на уровне ее дна обнаружены сильно истлевшие кости черепа, а также несколько костей туловища. Если судить по положению черепа, покойник лежал на правом боку, головой на восток, лицом на север. Перед лицом покойника на уровне дна лежало кремневое острие, изготовленное из прочного кремня желтовато-дымчатого цвета. Длина острия 7,8 см (табл. I, 2). За спиной покойника, вплотную между стенками гробницы и фундамента, сохранился небольшой тонкостенный сосудик с двумя петельчатыми ушками (табл. I, 1). Он изготовлен из хрупкой серо-желтой глины с примесью очень мелко толченого черного камня, слабого обжига. Сосудик полусферической формы с уплощенным дном и относительно высокой слегка вогнутой шейкой. Шейка орнаментирована тремя горизонтальными парными оттисками веревочки. Парными вертикальными оттисками веревочки орнаментированы ушки и брюшко. Высота сосудика 5,5 см, максимальный диаметр 7,5, диаметр венчика 0,7 см.

С юго-западной стороны фундамента современной постройки сохранился только угол гробницы, в котором не было никаких находок.

Г р о б н и ц а 2 (рис. 1, 2) обнаружена на глубине 0,2 м от поверхности, в 15 м на северо-запад от гробницы 1. Котлованом для фундамента современной постройки был задет юго-западный угол гробницы. Гробница 2, так же как и гробница 1, была ориентирована с запада на восток. Сооружена она из специально заготовленных каменных плит разных размеров. Дно гробницы длиной 1,5 м было сделано из двух плит.

Ширина восточной стенки гробницы 0,77 м, западной—0,7 м. Боковые стенки гробницы сложены из плит высотой 0,6 м. Продольная, южная, и боковые, западная и восточная, стенки сооружены из целых плит, северная — из трех плит разной длины (1,35, 1,22, 0,6 м). Сверху гробница накрыта плитами не была. Только над восточной стенкой, сверху, лежала кучка небольших кусков каменных плиток. Боковые стенки гробницы

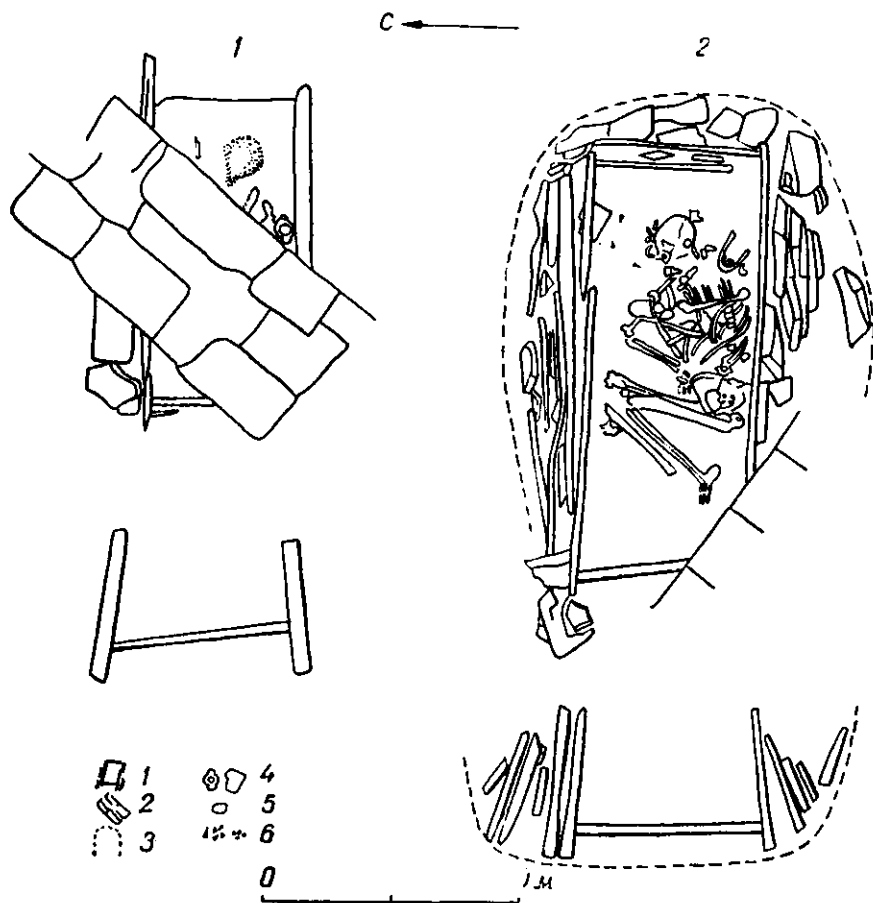

Рис. 1. Каменные гробницы 1 и 2 в с. Поповцах.

1 — каменные плиты; 2 — фундамент современной постройки; 3 — примерные размеры ямы гробницы 2; 4 — глиняные сосуды; 5 — каменный топор-молот; 6 — кремневые изделия.

с наружной стороны были обложены небольшими кусками наклонно поставленных каменных плиток. Надо полагать, что они служили для поддержки боковых стенок гробницы. Вполне вероятно, что размещение этих плит, скрепляющих стенки гробницы, фиксирует размеры ямы, в которой была сооружена гробница 2.

Погребенный лежал в гробнице скорчено на правом боку, головой на восток, лицом на север. Кости левой руки, ребра, позвонки, а также челюсть оказались потревоженными.

Перед лицом покойника лежал сосуд с небольшим петельчатым ушком, расположенным несколько ниже края венчика. Сосуд был из очень хрупкой глины с примесью шамота, слабого обжига, коричневого цвета. Высота сосуда 12,5 см, диаметр несколько сплюснутого венчика 8—11,5, такого же дна — 7—9 см. Сосуд не орнаментирован. Впоследствии он рассыпался, и реставрировать его не удалось.

Около дна сосуда, а также между сосудом и лицом покойника лежало восемь кремневых наконечников стрел (табл. I, 3—10), семь из них изготовлены из прозрачного кремня желтовато-дымчатого цвета, один — из серого непрозрачного кремня. Наконечники стрел разных размеров, наибольший — $3 \times 1,6$ см, наименьший — $1,6 \times 1,1$ см. По форме они треугольные с вогнутым и ровным основанием.

На плечевой кости левой руки лежал топор-молот, изготовленный из темно-зеленого камня крепкой породы (табл. I, 11). Форма топора простая: клиновидная лезвийная часть и закругленный обух. Лезвие

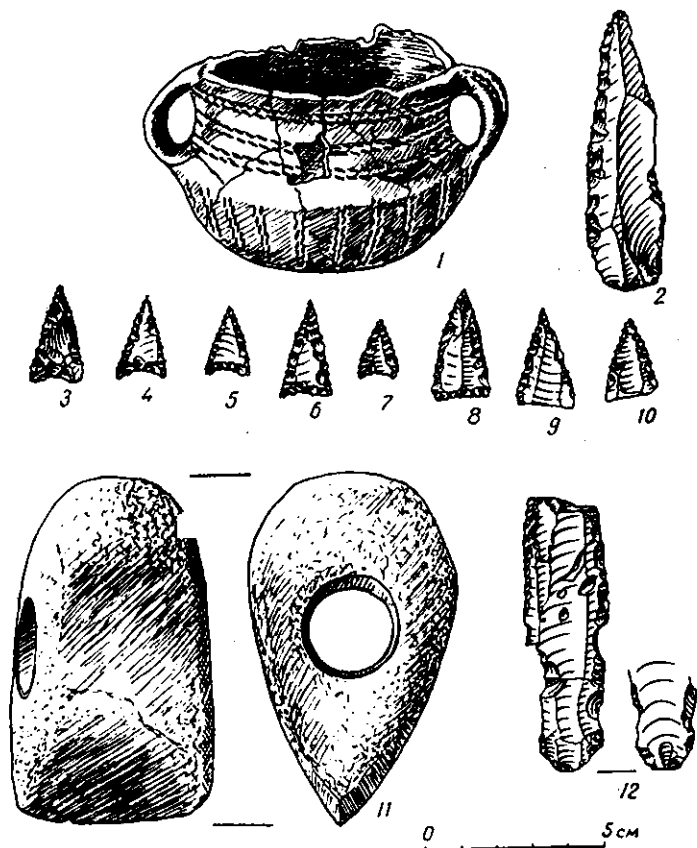

Табл. I. Инвентарь погребений в с. Поповцах.
1 — глиняный сосудик; 2 — кремневое острие; 3—10 — кремневые наконечники стрел; 11 — каменный топор-молот; 12 — кремневый нож; 1, 2 — погребение 1; 3—12 — погребение 2.

топора заостренное и пришлифованное. Размеры топора $9,5 \times 5,5 \times 5,5$ см. Сверление топора коническое, диаметром 2—2,4 см.

Ниже колена правой ноги были найдены куски потрескавшегося кремневого ножа. Кремень непрозрачный, серого цвета. Нож удалось реставрировать (табл. I, 12). Длина его 7,5 см.

Материалом для сооружения гробниц служил серый подольский песчаник, выходы которого выступают тут же, в урочище в обрыве склона.

Одинаковые устройства и ориентация гробниц, обряд погребения, а также найденный в гробницах инвентарь свидетельствуют об их принадлежности к одной группе памятников. Инвентарь погребений характерен для памятников культуры шнуровой керамики. Форма найденного в гробнице 2 сосуда с петельчатым ушком довольно широко распростра-

нена в культуре шнуровой керамики¹. Сосуды этого типа бывают орнаментированы, но бывают и без орнамента. На некоторых из них встречается орнамент в виде парных горизонтальных линий веревочки, аналогичных орнаменту на сосудице из гробницы 1. В этой же культуре известны также сосудики с двумя ручками, орнаментированные двойными оттисками веревочки².

Из совершенно аналогичной керамической массы с примесью мелко толченого черного камня и со шнуровым орнаментом на шейке, но с одной ручкой известны сосуды из погребений культуры шнуровой керамики в Якторове³ и Чижикове⁴.

Кремневые изделия и каменный топор-молот аналогичного типа встречаются в различных культурах и в том числе в культуре шнуровой керамики⁵. В целом они характерны для культур периода ранней бронзы.

Известный ныне на территории западных областей Украинской ССР археологический материал культуры шнуровой керамики происходит главным образом из курганных погребений. Относящиеся к этой культуре погребения в каменных гробницах почти не исследовались⁶.

Погребения в Поповцах, по-видимому, свидетельствуют о существовании на Подолии локальной группы памятников культуры шнуровой керамики, характеризующейся погребениями в каменных гробницах. Напомним, что памятники белопотоцкого типа комаровской культуры, распространенные на Подолии, также характеризуются этим признаком. Обряд погребений в каменных гробницах не является признаком, характерным для какой-либо культуры. Встречаемые на Подолии погребения в каменных гробницах различных культур следует объяснять местными традициями, обусловленными наличием здесь прекрасного строительного материала, каким являются подольские песчаники.

Исследованные в Поповцах каменные гробницы представляют большой интерес, во-первых, потому, что обнаружение памятников этого типа чрезвычайно затруднено из-за отсутствия над ними каких-либо внешних признаков. Обычно эти памятники открываются случайно, во время земляных работ, и в редких случаях оказываются доступными для исследования в неповрежденном виде. Во-вторых, исследованные в Поповцах каменные гробницы относятся к группе почти не изученных погребений культуры шнуровой керамики. В этом свете и следует оценивать результаты раскопок в Поповцах.

---

¹ L. Kozłowski, *Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej*, Lwów, 1939, табл. XII, 6; его же, *Młodsza epoka kamienna w Polsce*, Lwów, 1924, табл. XXVII, 11; J. Вгук, *Neolityczne kurhany ze szkieletami skurczonymi w Kaczanówce, w pow. Skałackim, woj. Tarnopolskie*, *Księga pamiątkowa ku czci prof. dr. Włodzimierza Demetrykiewicza*, Poznań, 1930, рис. 2, 3, 4.

² Kozłowski, ук. соч., табл. XII, 5.

³ *Зап. Наук. т-ва ім. Шевченка*, т. CLII, Львів, 1933, табл. III, 3.

⁴ М. Ю. Смишко, Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области, журн. «Советская археология», 1957, № 1, стр. 239, табл. I, 9.

⁵ J. Вгук, ук. соч., рис. 1, 8 а, 8 б.

⁶ Имеющиеся сведения о погребениях культуры шнуровой керамики в каменных гробницах в Городке, Ровенского района, Здолбнице, Здолбуновского района, Ровенской области, и Кошилсвах не дают представления о характере указанных памятников.

РАСКОПКИ ОЛЬВИЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ В 1956 ГОДУ

А. И. ФУРМАНСКАЯ

За время долголетних раскопок Ольвии много внимания уделялось изучению ее некрополя. Исследованиями, проводившимися во второй половине XIX и в начале XX в., выяснена топография большей части некрополя, занимавшего значительную площадь к западу и северу от городища. В течение этого времени открыто большое количество могил, относящихся ко всем периодам существования города. Большинство раскапывавшихся могил исследовано Б. В. Фармаковским, который частично издал и материалы раскопок¹.

Раскопки некрополя занимают значительное место в исследовательских планах Ольвии и в послереволюционные годы. В советское время открыт и частично исследован некрополь архаической эпохи и первых веков н. э., расположенный в северо-восточной части городища².

В послевоенное время работы на некрополе проводились в 1946 г.³, после чего были возобновлены лишь 10 лет спустя.

Важность изучения некрополя не вызывает никакого сомнения. Вопросы взаимосвязей греческой и местной культур, определивших специфику античной культуры городов Северного Причерноморья в целом и в частности Ольвии, многие вопросы ее социальной истории и особенно этнический состав населения города могут быть разрешены главным образом на материале некрополя.

Несмотря на значительные работы, проводившиеся на некрополе, раскопан он далеко не полностью, а добытый материал большей частью не опубликован. Поэтому одной из важнейших задач в изучении Ольвии является систематическое исследование некрополя и публикация прежних и вновь полученных материалов⁴.

¹ Б. В. Фармаковский, Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., ИАК, в. 8, 1903; его же, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, в. 13, 1906; ОАК за 1896, 1901—1915 гг.

² Б. В. Фармаковский, Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г., СГАИМК, I, Л., 1926; его же, Розкопування Ольвії р. 1926, Одеса, 1929; Т. Н. Книпович, Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища, СА, VI, 1940, стр. 92—106; его же, Раскопки некрополя на территории северо-восточной части верхнего города в Ольвии в 1938 г., СА, VI, стр. 302—304; его же, Архаический некрополь на территории Ольвии, КСИИМК, в. VI, 1940, стр. 80—82; его же, Некрополь на территории Ольвии, КСИИМК, в. X, 1941, стр. 112—120.

³ С. И. Капошина, Погребение скифского типа в Ольвии, СА, XIII, 1950, стр. 205—216.

⁴ Некрополь архаического времени является предметом исследования научного сотрудника отдела античного мира Гос. Эрмитажа В. М. Скудной, а некрополь классического и эллинистического времени — предметом диссертационных работ аспирантов Института археологии АН УССР Ю. И. Козуб и М. Б. Парович.

Работы в 1956 г.¹ велись на территории некрополя вблизи городища. Раскоп был заложен на запад от Заячьей балки, в 180 м к западу-юго-западу от оборонительных сооружений Ольвии, открытых в 1903—1904 гг.

На площади раскопа в 65,6 м² открыты семь грунтовых могил, одна подбойная могила и земляной склеп (рис. 1), то есть все основные

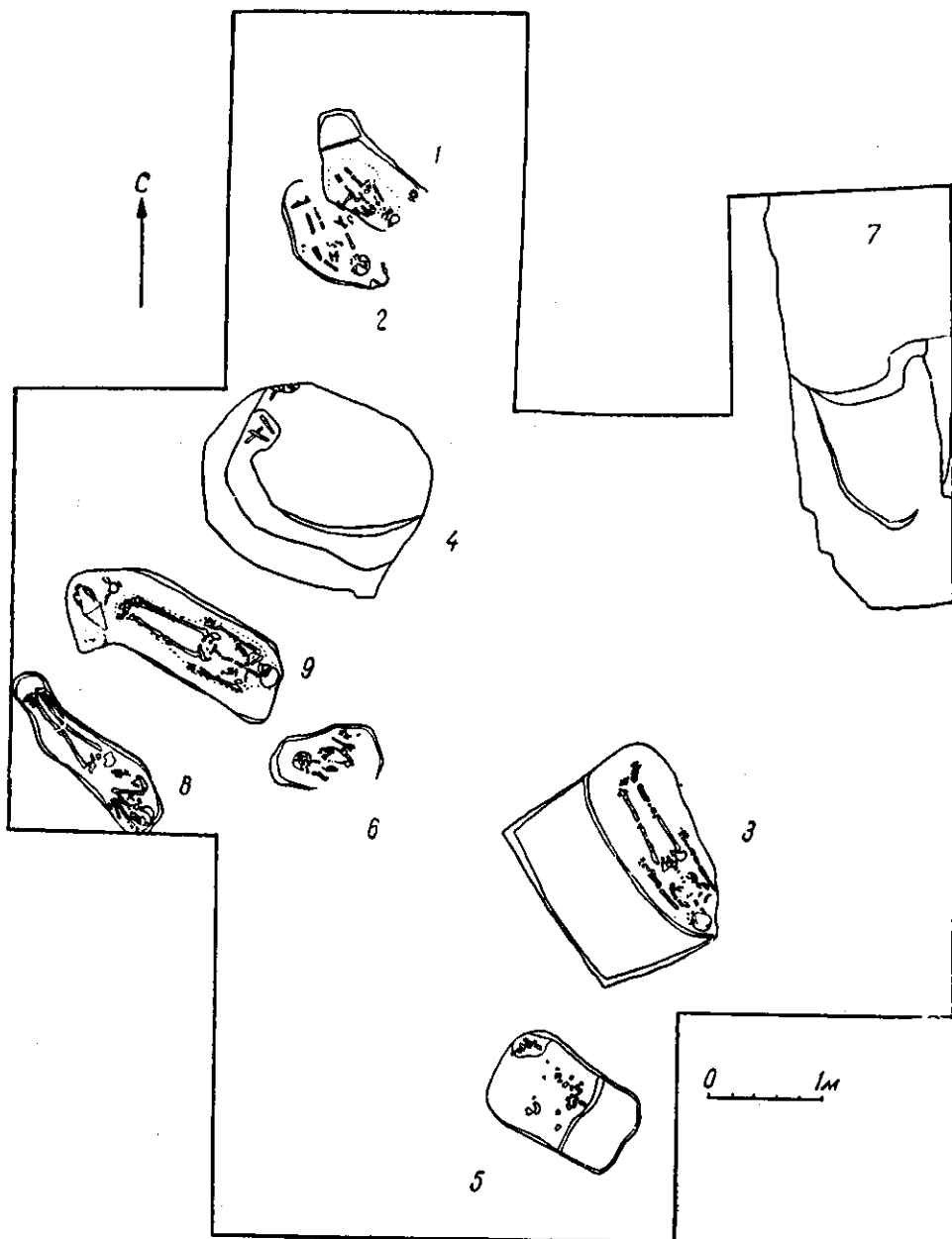

Рис. 1. Раскопки ольвийского некрополя в 1956 г. План раскопа.

типы могильных сооружений, характерных для ольвийского некрополя. Могилы располагались небольшими группами, образующими два ряда,

¹ В этих работах, кроме автора статьи, принимала участие аспирант Института археологии АН УССР М. Б. Парович.

ориентированные с юго-запада на северо-восток. Непотревоженными оказались три могилы (погребения 1, 2, 9), во всех остальных сохранившиеся костяки, единичные предметы погребального инвентаря, а также устройство могильных сооружений позволяют почти полностью восстановить основные особенности погребального обряда и время захоронения.

Все могилы были вырыты в материке. Глубина могил от современной поверхности разная — от 1,1 до 3,35 м. Грунтовые могилы, за исключением одной овальной в плане ямы погребения 4, имели прямоугольную форму. Длина могил 0,6—2,25 м, ширина — 0,55—0,95 м. Следует отметить и особую деталь в устройстве грунтовых могил (погребения 4, 5, 9), заключающуюся в наличии вдоль одной из сторон ступенек высотой 0,25 и шириной 0,35 м.

Подбойная могила (погребение 3) оказалась ограбленной и частично разрушенной. Глубина ее 2,1 м, длина 1,9, ширина 0,8 м. Подбой устроен в восточной стене ямы. Длина подбоя 2,2 м, ширина 0,8, высота 0,63 м. Обнаруженные в засыпке ямы куски сырца позволяют предполагать наличие сырцового кладки.

Земляной склеп с дромосом (погребение 7) имел обычное устройство. Склеп прямоугольной формы с округлыми углами, площадью 2,4 × 2,15 м и высотой 1,15 м, ориентирован с юго-востока на северо-запад. Вход в склеп расположен в южной стене. Длина дромоса 2,35 м, ширина 1,15 м. Единственная ступенька у входа в склеп расположена ниже остального пола дромоса на 0,55 м. Склеп ограблен.

В исследованных погребениях снова зафиксировано труположение как присущий ольвийскому некрополю погребальный обряд. Основное положение костяков вытянутое на спине с протянутыми вдоль туловища руками. Исключения представляют погребения 6 и 8. Погребение 6 находилось в грунтовой могиле площадью 0,6 × 0,5 м. Погребенный лежал на спине, по-видимому, с согнутыми и поставленными вверх коленями ногами, упавшими потом влево. Положение костяка погребения 8 вытянутое на спине, с руками, согнутыми в локтях и положенными под головой.

Господствующая ориентировка погребений головой на восток и юго-восток. Погребение 6 ориентировано головой на запад, что в ольвийском некрополе встречается редко.

Почти во всех открытых могилах обнаружены остатки дерева от перекрытий или гробов (погребения 2, 3, 5, 7). Погребение 2 (детское), по-видимому, было совершено в гробу. Под костяком прослеживались обильные остатки дерева. В могиле найдено большое количество железных предметов с остатками истлевшего дерева (гвозди, скобы? и четырехгранный стержень с большой круглой шляпкой). Здесь же обнаружены незначительные остатки синей краски, вероятно, от окраски гроба. Железные гвозди с остатками истлевшего дерева найдены также в могиле 5 и в склепе погребения 7. Следы дерева прослежены под костяком погребения 3.

Встретилось применение растительных настилов. Под костяком погребения 9 прослежен настил из камки (морской травы).

Особый интерес представляет редко встречающееся в ольвийском некрополе перекрытие из каменных плит (погребение 4). Овальная в плане грунтовая могила (площадью 2,1 × 1,45 м) была перекрыта тремя большими каменными плитами, к сожалению, обнаруженными не *in situ*, так как могила ограблена.

Все могилы, за исключением погребения 8, сопровождалась вещами. Полностью инвентарь сохранился только в ненарушенных погребениях 1, 2 и 9, а в остальных находились лишь отдельные предметы. В составе сопровождающих вещей главное место занимает керамика.

В погребении 1 у головы стояли красноглиняный аск, маленький чернолаковый канфар с отбитой ручкой, чернолаковое блюдо на низкой кольцевой подставке со штампованным орнаментом насечек, обрамляющих восемь пальметок на дугах на внутренней поверхности днища (рис. 2). У локтевой кости правой руки—чернолаковый и сетчатый лекифы и фрагментированная медная игла. Возле сохранившейся

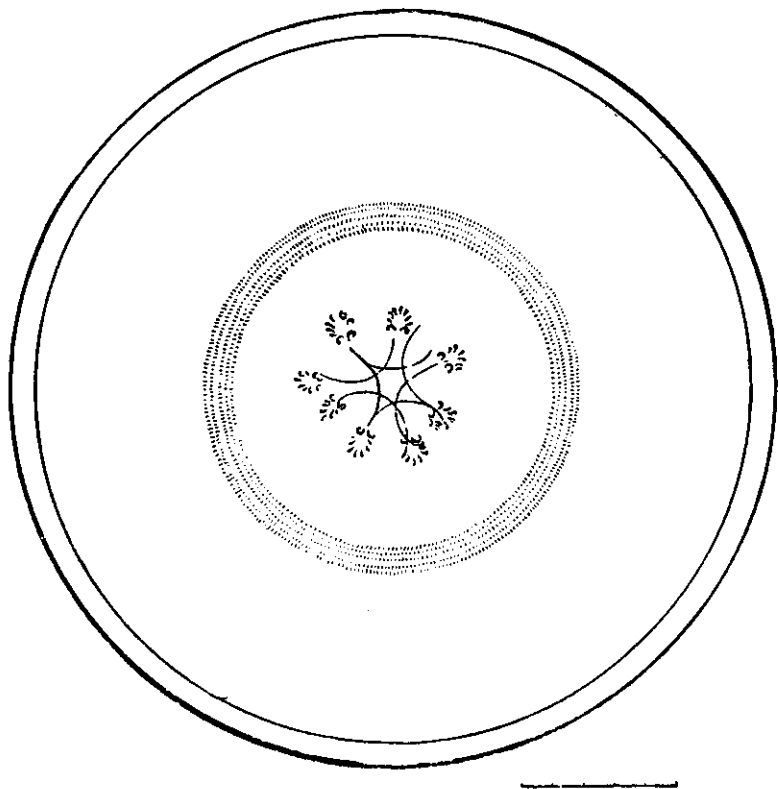

Рис. 2. Чернолаковая тарелка из погребения 1.

фаланги левой руки лежало бронзовое кольцо с чеканным изображением птицы на овальном щитке (табл. I, 1—4, 6).

В погребении 2 у восточной стены могилы находились сероглиняный, слегка лощеный, одноручный кувшин и железное лезвие ножа. За головой погребенного стояли сероглиняный лекиф и чернолаковый гутус с исполненным в манере краснофигурной техники орнаментом в виде радиально расположенных на плечиках полосок. У ног—разбитый чернолаковый канфар с четырьмя штампованными пальметками на днище, обрамленными кругом из двух рядов штампованных насечек (табл. I, 5, 7, 9, 10).

В погребении 3 возле головы найдены целая и фрагментированная бронзовые проволочные серьги. Перед подбоем обнаружены фрагменты трех амфор, красноглиняного кухонного горшка и обломок венчика чернолакового килика.

В засыпке погребения 4 встречены сетчатый лекиф (в трех обломках), протомы Деметры (в обломках), пастовая бусина и куски красной краски.

В засыпке погребения 5 были обломки горла и стенок амфоры, венчик сероглиняного кувшина и днище чернолакового килика с рез-

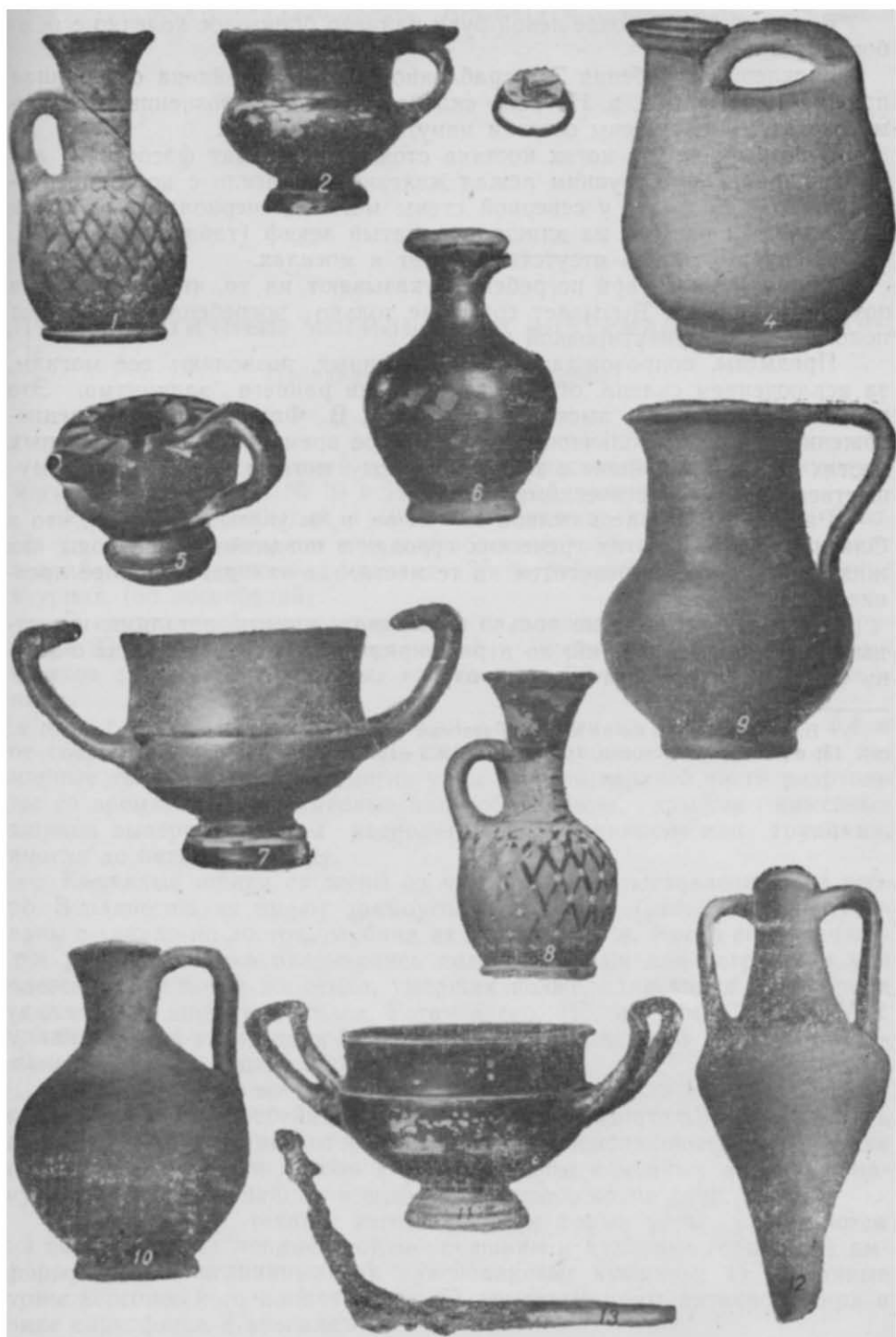

Табл. I. Предметы из погребений 1 (1—4, 6), 2 (5, 7, 9, 10) и 9 (8, 11—13).

ным орнаментом насечек, окаймляющих четыре штампованных пальметки на дугах.

В погребении 6 возле левой руки найдено бронзовое колечко с ромбовидным щитком.

В склепе погребения 7 (ограбленном) *in situ* найдена серебряная пряжка II—III вв. н. э. На полу склепа, рядом с разрозненными костями скелета, обнаружены остатки напутственной пищи.

В погребении 9 в ногах костяка стояла небольшая фасосская амфора, параллельно ступням лежал железный стригиль с костяной ручкой, несколько далее, у северной стены могилы,—чернолаковый килик с орнаментом насечек на днище и сетчатый лекиф (табл. I, 8, 11—13).

Следует отметить отсутствие монет в могилах.

Обряд и инвентари погребений указывают на то, что здесь были похоронены греки. Вызывает сомнение только погребение 6 с иным положением и ориентировкой костяка.

Предметы, сопровождающие погребенных, позволяют все могилы, за исключением склепа, отнести ко времени раннего эллинизма. Это вполне подтверждает высказанное еще Б. В. Фармаковским¹ предположение о том, что ольвиополиты в разное время хоронили в разных местах и что ближайшие с запада к городу могилы относятся преимущественно к эллинистическому времени.

Расположение здесь склепа II—III вв. н. э. указывает на то, что в Ольвии, как и в других греческих городах в позднейшие периоды их жизни, некрополь переносится на те места, где находились более древние могилы.

Открытые могилы не только дополнили новыми деталями известные нам типы погребений, но и расширили наше представление о жизни Ольвии в эллинистическую эпоху.

---

¹ Б. В. Фармаковский, Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., стр. 15; его же, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., стр. 7.

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ МОГИЛЬНИК В ИНКЕРМАНСКОЙ ДОЛИНЕ

(Предварительное сообщение)

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

В 1956 г. Херсонесский музей провел раскопки на позднеантичном могильнике в совхозе № 10 в Инкерманской долине.

Могильник, открытый в 1954 г.¹, занимает площадь около 2 га. На могильнике выявлены два погребальных обряда: труположение в подбойных и грунтовых могилах (37 погребений)² и трупосожжение в урнах (86 погребений).

В центральной части могильника на площади около 150 м² обнаружены 30 урн с остатками пережженных костей и девять каменных ящиков с 47 урнами; здесь же исследованы 22 могилы с труположением.

Погребения в урнах. Урны залежали на глубине 0,3—0,4 м от современной поверхности. На такой же глубине находились и каменные ящики с урнами. Многие урны в своей верхней части разрушены во время пахоты, каменные надгробия сбиты, крышки каменных ящиков вывернуты. Урны располагались в одиночку или группами, иногда до пяти урн в ряду.

Каменные ящики сложены из четырех плит, поставленных на ребро. В плане ящики имеют прямоугольную форму (рис. 1), ориентированы с запада на восток, глубина их достигает 1 м. Когда первоначальные размеры ящика оказывались недостаточными для погребения урн членов одной и той же семьи, умерших позже, одна узкая его сторона удалялась и ящик удлинялся. Установлено, что, например, ящик № 1 удлинялся два раза, ящик № 6 — один раз. В ящике № 1 было обнаружено 24 урны, в ящике № 6—15 урн.

За недостатком места более поздние урны ставили на нижние, образуя второй ряд погребений (рис. 2). Горла урн тщательно закрывались крышками, в качестве которых служили краснолаковые чашки или крупные их обломки. Рядом с большинством каменных ящиков обнаружены урны, закопанные всегда у восточного конца (рис. 1).

По материалу, технике изготовления и форме урны разделяются на пять групп: 1) лепные сосуды—кувшины и кухонные горшки; 2) амфоры; 3) красноглиняные или краснолаковые кувшины; 4) глиняные урны херсонесского производства; 5) каменные урны античного типа в виде саркофагов с крышками.

Первая группа представлена 20 сосудами (три горшка и 17 кувшинов). Среди них особенно интересен кувшин из каменного ящика № 6-7

¹ Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Составитель С. Ф. Стржелецкий. Симферополь, 1956, стр. 71—74.

² Кроме того, зафиксированы осадки почвы, по-видимому, над склепами.

Рис. 1. Каменный ящик № 3 с урнами, расположенными в два слоя; рядом с ящиком — урна 15, на заднем плане урны 10, 11 и 12.

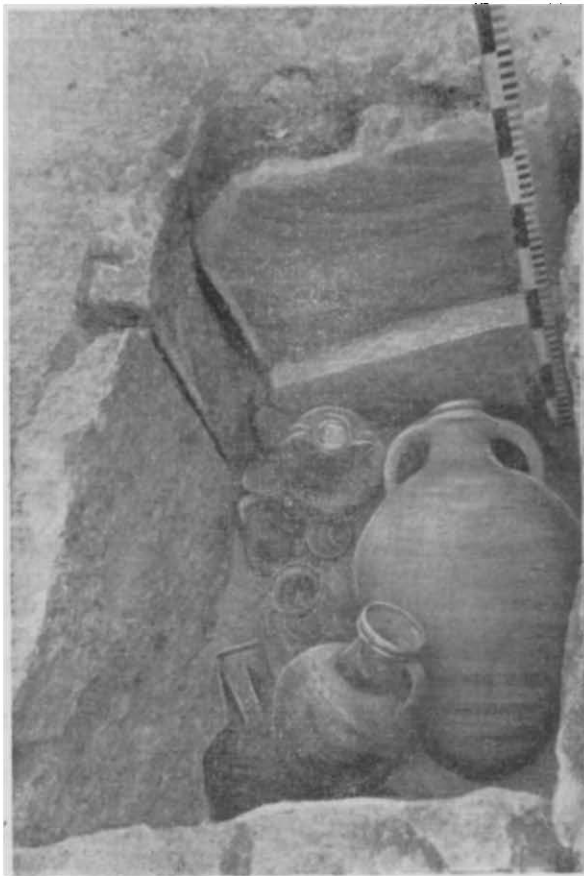

Рис. 2. Каменный ящик № 4 с урнами в два слоя.

(урна 3; рис. 3). Горло кувшина опоясано ожерельем в виде гирлянды, корпус охватывают две руки, начинающиеся у основания ручки кувшина. Аналогичные сосуды из крымских могильников или некрополей нам не известны, однако генетическая связь этого кувшина с лицевыми урнами не может вызывать сомнений.

Вторая группа представлена амфорами Херсонеса (около половины всех амфор), Синопы, Гераклеи, Родоса и двух-трех пока неизвестных центров — всего 29 сосудов (рис. 4 и 5). Значительное количество

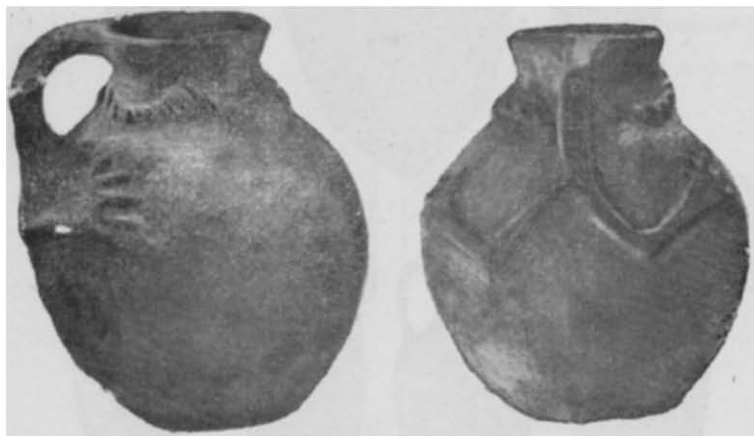

Рис. 3. Лепная погребальная урна-кувшин из каменного ящика № 6-7.

целых амфор, найденных в могильнике, заполняет пробел в наших представлениях об этом типе сосудов позднеантичного времени и определяет те прототипы, из которых развились формы амфор раннесредневекового времени.

Краснолаковые кувшины (третья группа — 10 сосудов) и специальные урны (четвертая группа — 5 сосудов) — несомненно херсонесского производства (рис. 5). Исключение представляют шесть красноглиняных кувшинов, происхождение которых может быть установлено после специального исследования.

Во всех урнах обнаружены обломки перегоревших костей. Костные остатки не заполняли урны, в больших же амфорах (объемом около 50 л) они покрывали лишь дно. В каменных ящиках, открывавшихся при последующих погребениях, новый прах не досыпался в старые урны, а ставился в новой урне.

При исследовании костных остатков было обнаружено, что в урнах находятся одиночные и коллективные захоронения двух или трех человек¹. В урнах с останками двух человек оказывался прах взрослого и ребенка. Погребения трех человек принадлежали двум взрослым и ребенку. Одиночные погребения содержали всегда остатки взрослых людей.

Костные остатки покойников после их кремации ссыпались в урны смешанно, а не раздельно. В урнах, найденных стоящими в вертикальном положении (амфоры и крупные кувшины закапывались в землю или клались в ящики на бок; рис. 1 и 2), кости черепов сложены сверху. Однако не все черепные кости выбирались, часть их обнаруживается вплоть до самого дна урн.

Поверх костей в урны складывались различные вещи, сохранившиеся после кремации. Однако таких урн немного. Ряд урн дал оплавленные остатки бус или других предметов. Среди вещей отметим

¹ Из 31 исследованной урны (остальные урны еще подлежат изучению) только в одной были обнаружены кости пяти человек: двух взрослых и троих детей.

Рис. 4. Погребальные урны-амфоры херсонесского производства.

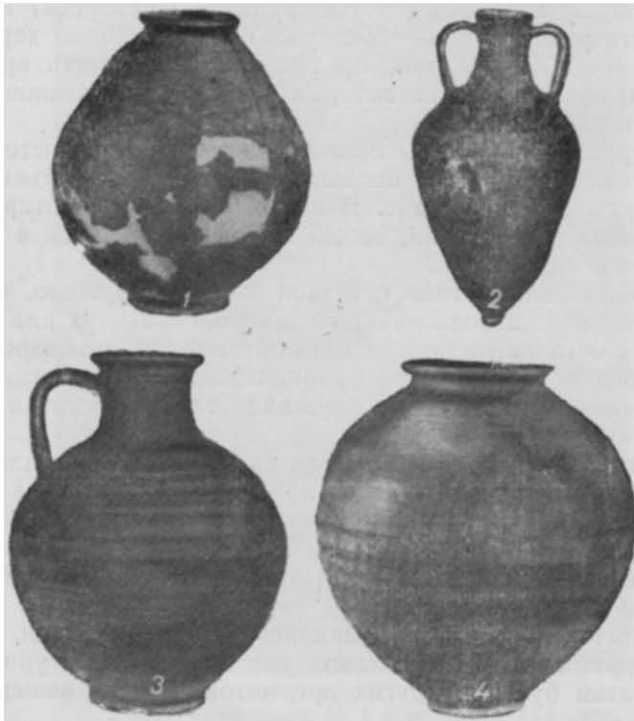

Рис. 5. Погребальные урны херсонесского производства:
1, 4 — краснолаковые урны специального назначения; 2 — краснолаковая амфора; 3 — краснолаковый кувшин.

бальзамари, пряслица, швейные иголки и игольники, ножи, серьги, кольца, перстни, браслеты, пряжки и фибулы, подвески, бусы и другие предметы.

В трех урнах найдены монеты: серебряная императора Гордиана (ящик № 1, урна 3), медная монета города Амастрии времени императора Каракаллы (урна 15), медная херсонесская монета III в. н. э. (урна 15), медная херсонесская монета того же времени (ящик № 6—7, урна 3).

Погребения в подбойных и грунтовых могилах. Основным типом погребального сооружения с труположением явля-

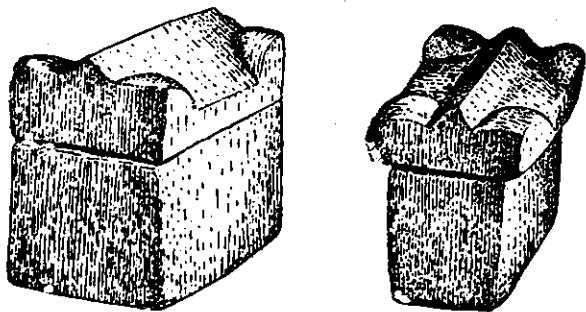

Рис. 6. Погребальные урны в виде небольших саркофагов античного типа.

ется подбойная могила—из 20 могил только три оказались простыми грунтовыми. Могилы (за исключением № 3) ориентированы с запада на восток, погребенные положены головою на восток. Могила № 3 ориентирована в поперечном направлении, погребенный лежал головой на север. В центральной части могильника могилы расположены рядами и, по-видимому, определенными группами.

Иную картину представляет северная окраина могильника. Здесь ряды могил и их ориентировка нарушены. Могилы отстоят одна от другой на большом расстоянии, не прослеживается их скопление группами, значительно чаще наблюдается отклонение от основной ориентировки на восток.

Подбой в большинстве случаев одинарные, только в трех могилах они были с двух сторон. Преобладают северные подбой: 13 против 9 с южной стороны. Подбой немного углублены ниже дна могилы. Заклады подбоев каменные: из плит, поставленных на ребро, либо в виде стенок, сложенных «насухо» в один ряд из небольших камней. Последние оказались обрушенными на дно могилы и в подбой, в результате чего были разбиты близ стоявшие стеклянные и глиняные сосуды.

Погребения в подбоях одиночные или коллективные, по два или три человека. Вместе со взрослыми встречаются и детские скелеты. Преобладают костяки в вытянутом положении на спине, однако имеются и скорченные. Погребальный инвентарь и тех, и других могил идентичен. В подбойной могиле № 8 обнаружено детское погребение в большой амфоре (рис. 7), в стенке которой тщательно вырезано отверстие. Горло амфоры закрыто краснолаковой чашкой.

Погребения в подбоях сопровождалось значительным количеством вещей: краснолаковых блюд, чашек, кувшинов, стеклянных и лепных сосудов, пряслиц, ножей, иголок, шильев, серег, бус, подвесок, перстней, колец, браслетов, пряжек, фибул и т. п. В четырех могилах найдены медные монеты: одна херсонесская 130—140 гг. н. э., две херсонесских 140—280 гг. н. э., римские — Каракаллы (подвеска), Филиппа;

Требониана Галла, Аврелиана, одна монета Салонины¹. В северном подбое могилы № 18 среди других вещей находился интересный штампованный сосуд с изображением на одной стороне Асклепия, а на другой—Гигиен².

Ознакомление с погребальным инвентарем, найденным в урнах и в подбойных могилах, позволяет говорить если не об одновременности обоих типов погребений, то, во всяком случае, об их хронологической близости. В этом отношении показательна идентичность амфоры в подбое могилы № 8 и амфоры-урны 10, некоторых украшений и т. д.

На основании вещественного материала оба типа погребений мо-

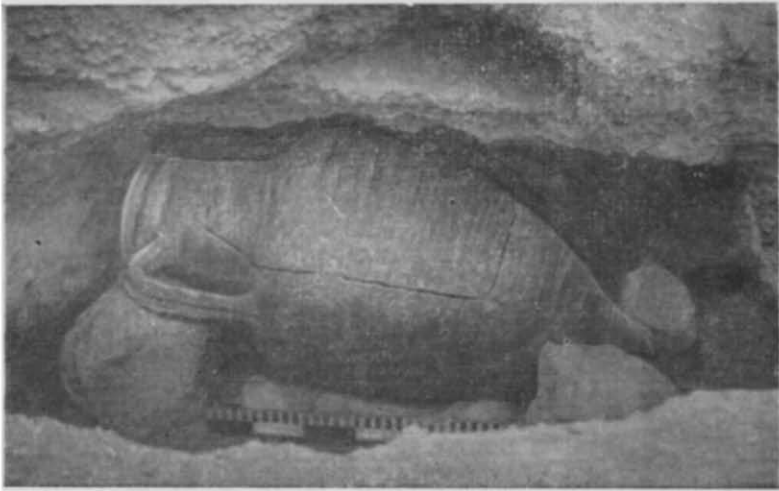

Рис. 7. Детское погребение в амфоре в подбойной могиле № 8.

гут быть датированы в пределах II—IV вв. н. э., однако наличие монет второй половины III в. н. э. несколько уточняет время захоронений.

Говоря о хронологической близости обоих типов погребений могильника, нельзя не обратить внимания на совпадение ориентировки подбойных могил и погребенных в них с ориентировкой каменных ящиков с урнами. Конечно, случайность такого совпадения не исключена, однако характерно, что ящик № 1 сооружен над могилой № 2 и имеет одинаковую с ней ориентировку, так же как и ящик № 6-7 и могила № 22.

Важным археологическим фактом является расположение ряда урн на засыпи подбойных могил: урны 31 на могиле № 1, урны 6 на могиле № 6; урны 7 на могиле № 9, урн 8 и 9 на могиле № 10 и т. д. В то же время не было отмечено ни одного случая, когда бы могила с трупоположением разрушила погребение в урне. Учитывая это, можно предполагать, что погребения в урнах, хотя и близки хронологически погребениям в подбойных могилах, все же несколько позже последних.

Этот предварительный вывод находит подтверждение и в типах фибул, встреченных в обеих группах погребений. Так, 25 подбойных и грунтовых погребений дают один тип фибул с подвижным приемником.

В 77 погребениях в урнах найдены фибулы другого типа. Они, как и фибулы первого типа, сделаны из одного куска металла, однако спинки этих фибул массивные, в разрезе четырехгранные или плоскоовальные. Встречены фибулы составные: из литой, сильно выгнутой массив-

¹ Монеты определены и подготавливаются к изданию В. А. Анохиным.

² См. публикацию В. А. Анохина в этом выпуске «Кратких сообщений».

ной спинки и иглы с пружиной на железном штифте¹. Эти фибулы по технике изготовления и форме приближаются к группе, широко представленной на соседнем могильнике у западного подножья горы «Сахарная головка» и на могильнике Суук-Су.

Если наши наблюдения верны и погребения в урнах позже подбойных могил, в одной из которых (№ 14) были найдены четыре монеты римских императоров, в том числе Аврелиана, то наиболее ранние урны не могут быть древнее 70—80-х годов III в. н. э. Дата же погребений в подбойных могилах определяется временем второй половины II в.—70—80-х годов III в. н. э. Как долго существовал могильник с погребениями в урнах в течении IV в. н. э.—пока еще определить нельзя.

В связи с хорошей сохранностью, богатством и разнообразием погребального инвентаря, наличием двух обрядов погребения и обнаружением ряда вещей, не имеющих аналогий в материалах крымских могильников того времени, могильник в совхозе № 10 приобретает крупное научное значение. Необходимо отметить, что этот могильник не единичен. Второй такой же памятник (Чернореченский могильник) находится в этой же Инкерманской долине близ с. Хмельницкое, в 4—5 км от совхоза № 10². В Хараксе В. Д. Блаватским раскопан могильник того же времени³ с погребениями в урнах. И, наконец, к тому же типу принадлежат аналогичные погребения некрополя Херсонеса Таврического.

Решение целого ряда вопросов истории Крыма III—IV вв. н. э. невозможно без привлечения материалов этих памятников, в том числе могильника в совхозе № 10, полное исследование которого является настоящей необходимостью.

---

¹ ОАК за 1894 г., стр. 74, рис. 108. Бронзовая фибула из Херсонеса, близкая к описанному нами типу.

² Раскопки Инкерманской экспедиции 1950 г. Материалы не опубликованы.

³ В. Д. Блаватский, Харакс, МИА, № 19, 1951, стр. 250 сл.

РАСКОПКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ НА РОСИ В 1956 ГОДУ

В. И. ДОВЖЕНОК

Исследование древнерусских городищ и селищ относится к числу актуальных задач советской археологической науки. Важность этой задачи определяется, в частности, тем, что в результате раскопок именно этих памятников можно надеяться получить материал, наиболее полно и непосредственно освещающий жизнь смердов — основной массы населения и основного производящего класса древнерусского общества.

Руководствуясь этой задачей, Древнерусская экспедиция Института археологии АН УССР провела в 1954 г. разведки по течению Роси и Россавы, в результате которых был обнаружен ряд памятников, представляющих значительный научный интерес¹. Среди них наиболее важными являются городище и селище у хут. Половецкий, Богуславского района, Киевской области, а также селище у с. Николаевка, Корсунь-Шевченковского района, Черкасской области. На этих пунктах и были сосредоточены раскопки в 1956 г.²

Городище у хут. Половецкого расположено на южной окраине населенного пункта, на левом берегу Роси, на гранитной скале, поднимающейся на высоту 22 м над поймой реки. Городище, имеющее площадь около 0,5 га, ограждено двойным рядом валов и рвов; внутренний вал хорошо сохранился, внешний — попорчен позднейшими земляными работами; глубина рва в наиболее сохранившихся местах составляет около 20 м (рис. 1). Въезд на городище в настоящее время прослеживается слабо; очевидно, он находился с западной стороны — со стороны реки, где вал, а также часть площади городища обрушились в реку. Лишь в одном месте с этой стороны сохранился небольшой остаток вала. Здесь же имеется овражек, который косо поднимается из рва к поверхности городища; возможно, это и был въезд на городище. Очевидно, дорога проходила по дну рва, огибая городище и постепенно поднимаясь на его площадку. С западной стороны, наименее доступной для неприятеля ввиду подхлывшей здесь вплотную реки, она достигала поверхности городища. По этой дороге можно было въехать верхом на лошади и провести крупный и мелкий скот, но нельзя было въехать телегой; все тяжести доставлялись на городище вьючными животными и людьми.

¹ В. И. Довженок, Городище и селища на Роси и Россаве, КСИА, в. 5, К., 1955, стр. 51.

² В экспедиции, кроме автора, принимали участие научные сотрудники М. П. Кучера, С. Р. Кириевич, Н. Д. Гулало, лаборант В. Д. Дяденко, студенты-практиканты археологического отделения Московского государственного университета, студенты-практиканты Киевского мелиоративного института, а также болгарские археологи Живка Важдарова и Соня Георгиева. Древнерусская экспедиция входила в состав объединенной Советско-Болгарской экспедиции, общее руководство которой осуществлял проф. Б. А. Рыбаков.

К городищу с северной, восточной и юго-восточной сторон примыкает большое селище, которое прослеживается по находкам древнерусской керамики на поверхности и по следам строений и находкам разных предметов, случайно обнаруживаемым во время земляных работ. Селище широкой, до 300 м, полосой тянется вдоль левого берега реки, с северо-запада на юго-восток, на расстоянии полукилометра.

Раскопки производились на городище и на селище.

Площадь городища предварительно была разбита на 100-метровые участки с нумерацией слева направо и с севера на юг. Такая разбивка является очень удобной для планирования раскопок в случае, если ра-

Рис. 1. План и разрез городища у хут. Половецкого.

скопки будут производиться на значительной площади и в течение нескольких лет. В этом году решено было сосредоточить работу в северо-западной части городища по краю и на площади, примыкающей к центру. Раскопаны участки I, II, III, VII и IX; всего, таким образом, вскрыто на городище 500 м² сплошной площади (рис. 2). Кроме того, через все городище по центру с севера на юг и с востока на запад были заложены две разведочные траншеи шириной 1 м, целью которых было установить характер культурного слоя и наличие остатков жилищных, хозяйственных и фортификационных сооружений в других частях городища.

На всей его площади под слоем дерна залегает на глубину до 0,45 м слой земли с большой примесью золы, мелких угольков, камней, подвергавшихся действию огня, и других предметов. Под ним залегает такой же слой земли, но содержащий меньшее количество золы и находок; местами верхний слой углубляется, прорезывая нижний слой. В целом культурный слой на городище залегает на глубину около 1 м, хотя иногда, преимущественно у краев городища, он углубляется ниже. Характер культурного слоя указывает на то, что городище погибло во время пожара. Культурный слой после гибели городища подвергся значительным нарушениям, в результате чего остались ямы, впадины и всхолмления. Причина этих нарушений неясна, возможно, что они — результат кладонскательских раскопок.

Раскопками 1956 г. в северо-западной части городища обнаружены остатки крепостной стены, клетей, поставленных по краю городища, а также жилищных и хозяйственных строений.

На участке VII, в той части городища, которая ограничена отвесным берегом реки, обнаружены остатки крепостной стены, поставленной по краю городища. Они состояли из толстых (до 40 см) обгорелых, а в отдельных случаях сгнивших бревен, которые лежали одно на другом или одно возле другого на разных уровнях. Здесь же обнаружены остатки толстых столбов, поставленных вдоль стены с наружной и внутренней сторон. Очевидно, в этом месте городище защищалось так называемым заборалом — стеной из бревен, положенных между вкопанными в землю столбами.

Там, где городище не защищалось рекой, крепостные сооружения были более сложными и более мощными. На участке III обнаружены

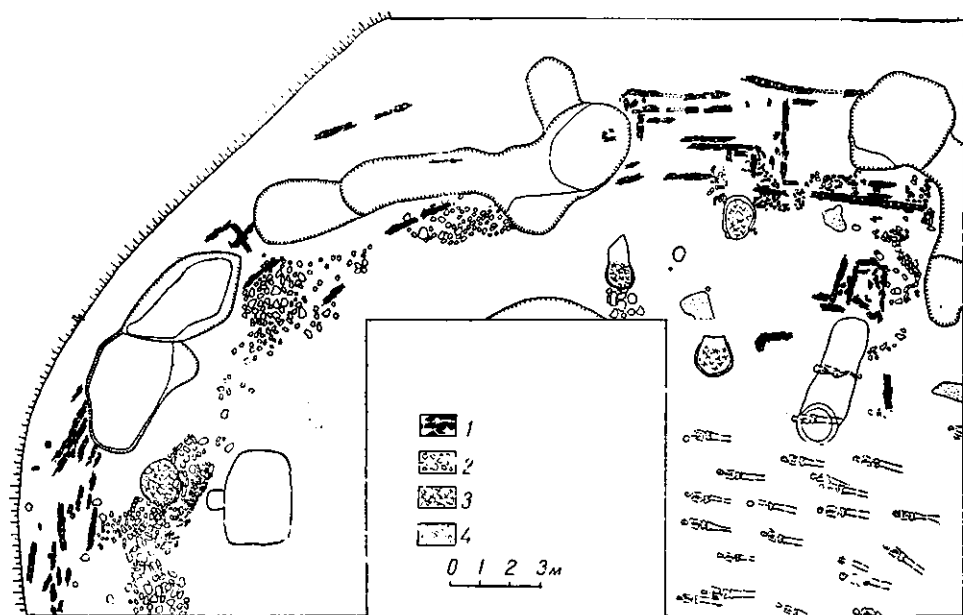

Рис. 2. План раскопа на городище у хут. Половецкого.

1 — остатки обгорелого дерева; 2 — скопление камней; 3 — поды печей; 4 — остатки очагов.

остатки двух сгоревших стен, шедших по краю городища. Бревна от первой стены лежали в ряд над самым рвом, местами они залегали по несколько одно над другим; другой такой же ряд бревен проходил параллельно первому на расстоянии 3 — 3,5 м от него. Оба эти ряда прерывались там, где были позднейшие ямы и где культурный слой был нарушен. Между двумя рядами бревен находилось большое количество мелких обгорелых кусков дерева, а также пережженная и вследствие этого принявшая красный цвет глина с песком; в двух местах прослежены бревна от поперечных стен, которые делили пространство между продольными стенами на отдельные помещения — клетки.

Все это, очевидно является остатками определенной системы построек, напоминающей в основном жилищно-фортификационные сооружения, открытые на Райковецком и Колодяжинском городищах. Состояла она в том, что по краю городища строился ряд помещений, которые представляли собой клетки, образовавшиеся в результате деления двух продольных стен поперечными стенами. С внешней стороны к стене присыпалась глина, которая прикрывала нижние бревна стены, вследствие чего некоторые бревна уцелели от пожара и сгнили. Глина насыпалась также и сверху над клетями; это видно из того, что под слоем красной обожженной глины, залегающим между обгорелыми бревнами, находился слой угля и куски обгорелых плах, очевидно, от сгоревшего

деревянного перекрытия. Клетки эти не засыпались внутри землей, а представляли собой помещения, которые могли служить жилищами, хотя остатков печей внутри их не найдено, или использоваться для хозяйственных целей; из вещей здесь найдены только черепки битой посуды.

К клетям, а также к заборалам, защищавшим городище с северо-западной стороны, примыкали постройки, которые имели только жилищное или хозяйственное значение. Остатками этих построек являются развалы камней, следы каменной вымостки, остатки обгорелого дерева и остатки печей. На основании всего этого можно составить самое общее представление о характере построек.

На участке IX вскрыт мощный развал, состоявший из скоплений пачины и камней, кусков обгорелого дерева и угля. В толще культурного слоя в рушеном положении обнаружены остатки печи. Под этим развалом обнаружена яма глубиной 1,1 м, площадью $4,5 \times 1,5$ м, вытянутая в том же направлении, что и находившийся над нею развал, то есть с северо-востока на юго-запад. В юго-западном конце этой ямы была вырыта другая, круглая яма с обожженными стенками и дном диаметром 1,35 м и глубиной 0,9 м; устройство этой ямы ясно указывает, что она была предназначена для хранения зерна.

Судя по всему, этот развал представляет собой результат разрушения двухэтажного дома с подпольной хозяйственной ямой, в которой, в свою очередь, была вырыта зерновая яма. Первый этаж этого дома имел, возможно, хозяйственное назначение; жилищем служил второй этаж, где находилась печь, которая во время пожара рухнула и оказалась в толще культурного слоя.

К двухэтажному дому с северной стороны примыкала небольшая постройка площадью $2,6 \times 1,7$ м. Сохранились обгорелые остатки ее стен, которые состояли из вертикально поставленных досок шириной до 20 см и толщиной 3—4 см. В одном из углов (северо-западном) сохранился круглый столб, в других углах стояли доски. Внутри помещения был обнаружен ряд обгорелых досок, находившихся в горизонтальном положении. Возможно, что это помещение являлось закромом для хранения зерна; остатков его здесь, правда, не обнаружено, но найдены следы какой-то массы в виде черного порошка, являвшегося, по видимому, остатками сгоревшей муки.

Недалеко от остатков двухэтажного дома и закрома раскопаны три печи без каких-либо других следов помещений. Одна из них, очевидно, была вырыта в земле; под ее залегал на несколько сантиметров ниже уровня окружающей площади. Возможно, это были надворные печи, служившие для приготовления пищи в летнее время.

Остатки разрушенного дома раскопаны на участке VII. Здесь к оборонительной стене — заборалу примыкал значительный развал, также состоящий из камней, угля, золы и пачины; здесь же найдены остатки печи. Дом этот был наземный, и на основании его остатков нельзя сказать что-нибудь определенное о его размерах и конструкции. К востоку от этого развала открыта яма глубиной 0,8 м, площадью $3,2 \times 2,4$ м, которая, возможно, находилась в каком-то легкой конструкции помещении и вместе с последним служила для хозяйственных целей.

На селище, окружающем городище с северной, восточной и южной сторон, были заложены в пяти разных местах разведочные раскопы, в которых обнаружены более или менее сохранившиеся остатки построек. В одном месте назначение постройки не выяснено, в трех — открыты остатки жилищ с глинобитными печами и еще в одном — большая производственная печь, служившая, видимо, для обжига керамики.

Верхняя часть керамической печи, или так называемая камера, не сохранилась; она была разрушена при постройке здесь жилища, уже

после того, как печью перестали пользоваться. Но зато хорошо сохранилась нижняя часть — топка, представляющая собой округлую яму, вытянутую с севера на юг, с расширенной северной частью. Она углублена в материк в северной стороне на 1,2 и в южной — на 0,7 м, вслед-

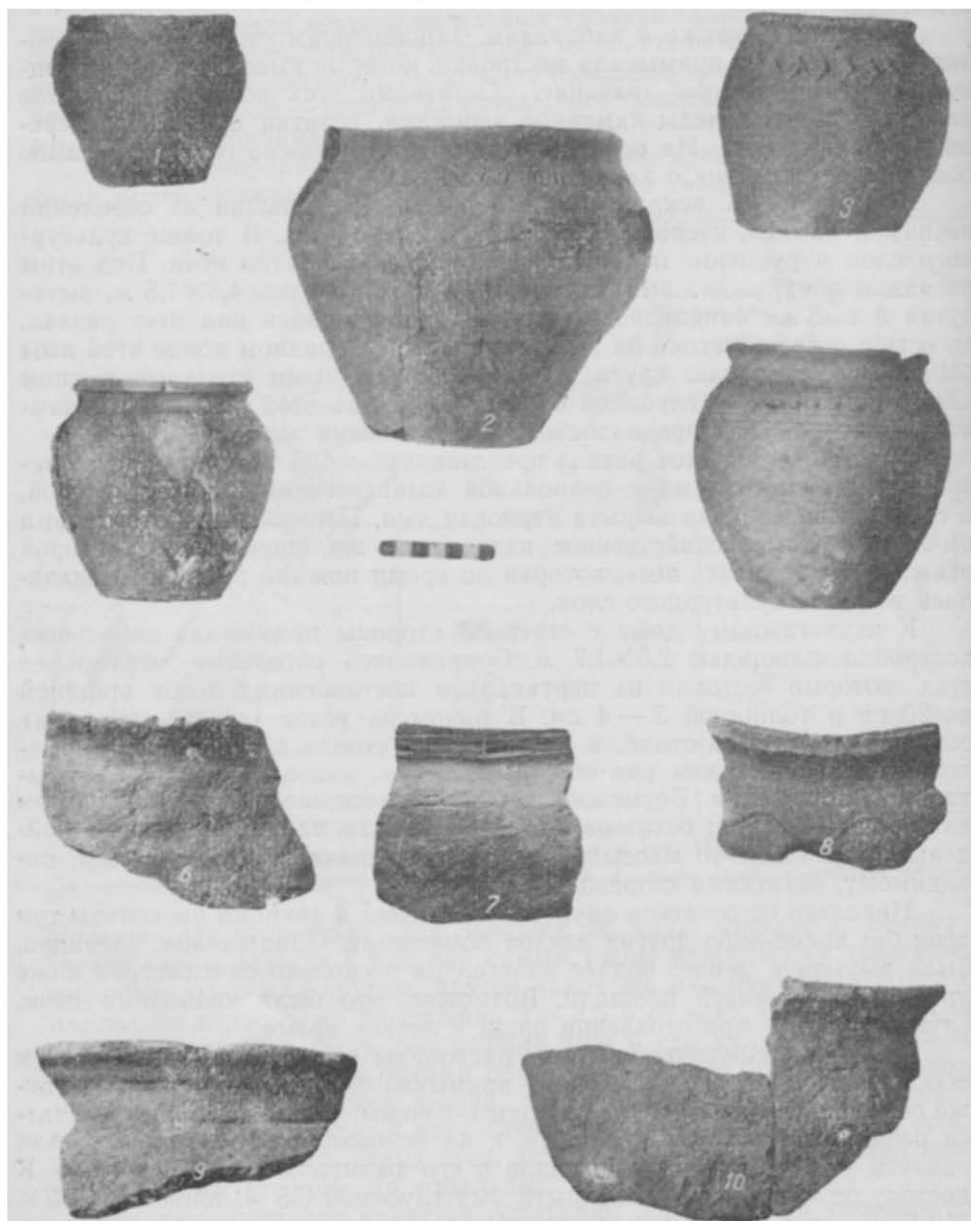

Табл. I. Керамика с городища у хут. Половецкого.

1—3, 6—10 — керамика раннего периода Киевской Руси; 4, 5 — керамика позднего периода Киевской Руси.

ствие чего ее дно имеет уклон в северную сторону. Длина топки составляет 5 м, ширина в северной части 2,1, в средней части — 1,5 м. Стенки в северной части расширяются книзу в виде подбоя, в других частях они отвесны. С западной стороны прослеживается устье топки, откуда производилась загрузка печи дровами; ширина этого устья 0,9 м. Здесь обнаружены ямы от столбов, поддерживавших покрытие над устьем.

Стенки топки очень сильно обожжены. На дне был толстый слой затвердевшей золы; над этим слоем залежали обугленные крупные плахи дерева. Сверху над обугленными плахами лежал завал пережженной глины и пещины, образовавшийся, видимо, в результате обрушения свода камеры печи.

При раскопках на городище и селище найдено много различных предметов. Обломки посуды, составляющие наибольшее количество на-

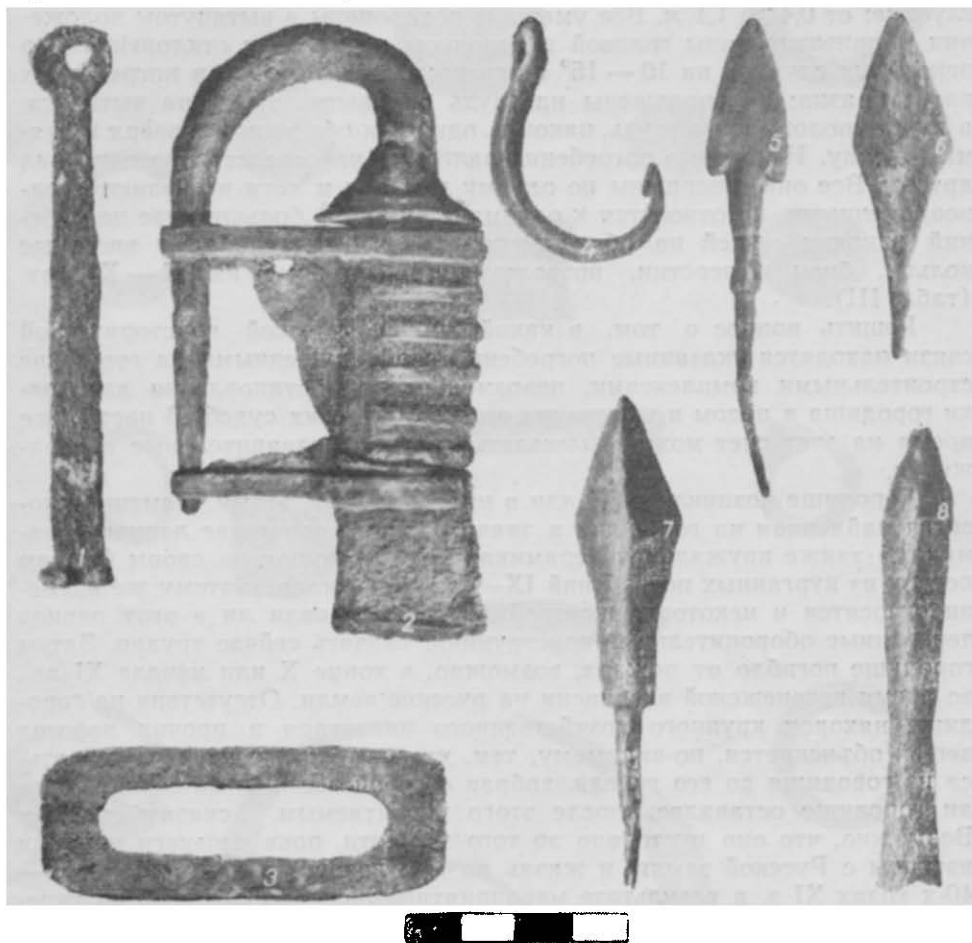

Табл. II. Железные предметы с городища у хут. Половецкого

ходок, относятся к двум керамическим группам — к более ранней, датируемой IX — X вв., и к более поздней, которую можно датировать XI — XIII вв.; к керамике первой группы относятся и лепная посуда (табл. I). Найдено значительное число железных предметов: ножей, серпов (фрагменты), замков, ключей, наконечников стрел, тяжелых наконечников стрел к арбалетам, шпор, пряжек, поясных колец, гвоздей и др. (табл. II). Из бронзовых вещей найдены браслеты, пряжки, перстни и подвески (табл. III). Среди этих вещей обращает на себя внимание бронзовая подвеска с изображением Георгия-Победоносца, поражающего змея. Много было найдено стеклянных браслетов, встречались также другие стеклянные предметы, например колечко, фрагменты посуды. Изделия из кости представлены гребешком, пластинками, наконечником стрелы, пуговицей и проколками.

Следует отметить обилие костей домашних животных (кухонных

отбросов); скотоводство, очевидно, было весьма важным источником питания жителей городища и селища и занимало большое место в их хозяйственной деятельности.

Неожиданным было открытие на городище погребений. Всего обнаружено их 43, из них на участке IX — 28, в траншее, проложенной через городище с севера на юг, — восемь и в траншее, проложенной с востока на запад, — семь. Погребения находились на незначительной глубине: от 0,4 до 1,1 м. Все умершие похоронены в вытянутом положении и ориентированы головой в основном на запад с отклонениями в некоторых случаях на 10 — 15° к северу; положение рук в погребениях разнообразно: обе положены на грудь или вытянуты, одна вытянута, а другая положена на грудь, наконец, одна или обе подняты вверх кистями к лицу. Некоторые погребения залегают непосредственно одно над другим. Все они совершены по одному ритуалу и хотя не являются одновременными, но относятся к одному периоду. В большинстве погребений никаких вещей не обнаружено; в некоторых найдены височные кольца, бусы и перстни, позволяющие датировать их XI — XII вв. (табл. III).

Решить вопрос о том, в какой хронологической и исторической связи находятся указанные погребения с обнаруженными на городище строительными комплексами, невозможно без установления датировки городища в целом и выяснения его исторических судеб. В настоящее время на этот счет можно высказать только предварительные соображения.

Городище возникло в IX или в начале X в.; к этому времени относится найденная на городище в значительном количестве лепная керамика, а также кружальная керамика, напоминающая по своим формам посуду из курганных погребений IX — X вв. Очевидно, к этому же времени относятся и некоторые постройки. Существовали ли в этот период деревянные оборонительные конструкции, сказать сейчас трудно. Затем городище погибло от пожара, возможно, в конце X или начале XI вв., во время печенежской экспансии на русские земли. Отсутствие на городище находок крупного хозяйственного инвентаря и прочих дорогих вещей объясняется, по-видимому, тем, что жители его успели выбраться из городища до его гибели, забрав с собой все ценные вещи. Долго ли городище оставалось после этого необитаемым, сказать трудно. Возможно, что оно пустовало до того момента, пока печенеги не были изгнаны с Рвусской земли, и жизнь на нем возродилась лишь в 30 — 40-х годах XI в. в результате мероприятий Ярослава Мудрого по укреплению и заселению Поросья.

В период запустения городища, очевидно, и образовался на его площади могильник; на нем хоронили умерших те жители, которые могли оставаться на поселении возле городища и после того, как на самом городище жизнь прекратилась.

Можно и по-другому объяснять наличие на городище погребений. Здесь могли хоронить жителей городища, погибших во время осад, которых на Руси в условиях пограничья было немало. Это второе предположение кажется более вероятным, оно же объясняет и то обстоятельство, что погребения сосредоточены в определенной, незастроенной части городища. Если бы погребения эти совершались тогда, когда городище было пустым, то некоторые из них могли бы располагаться и там, где находятся остатки строительных комплексов. Между тем ни одно из погребений не совпадает по своему месту с каким-либо жилищем, хозяйственной постройкой или оборонительным сооружением.

Вторично городище погибло, вероятно, во время татарского нашествия, когда погибли и многие другие древнерусские населенные пункты. После этого жизнь на нем уже не возобновлялась; раскопки не об-

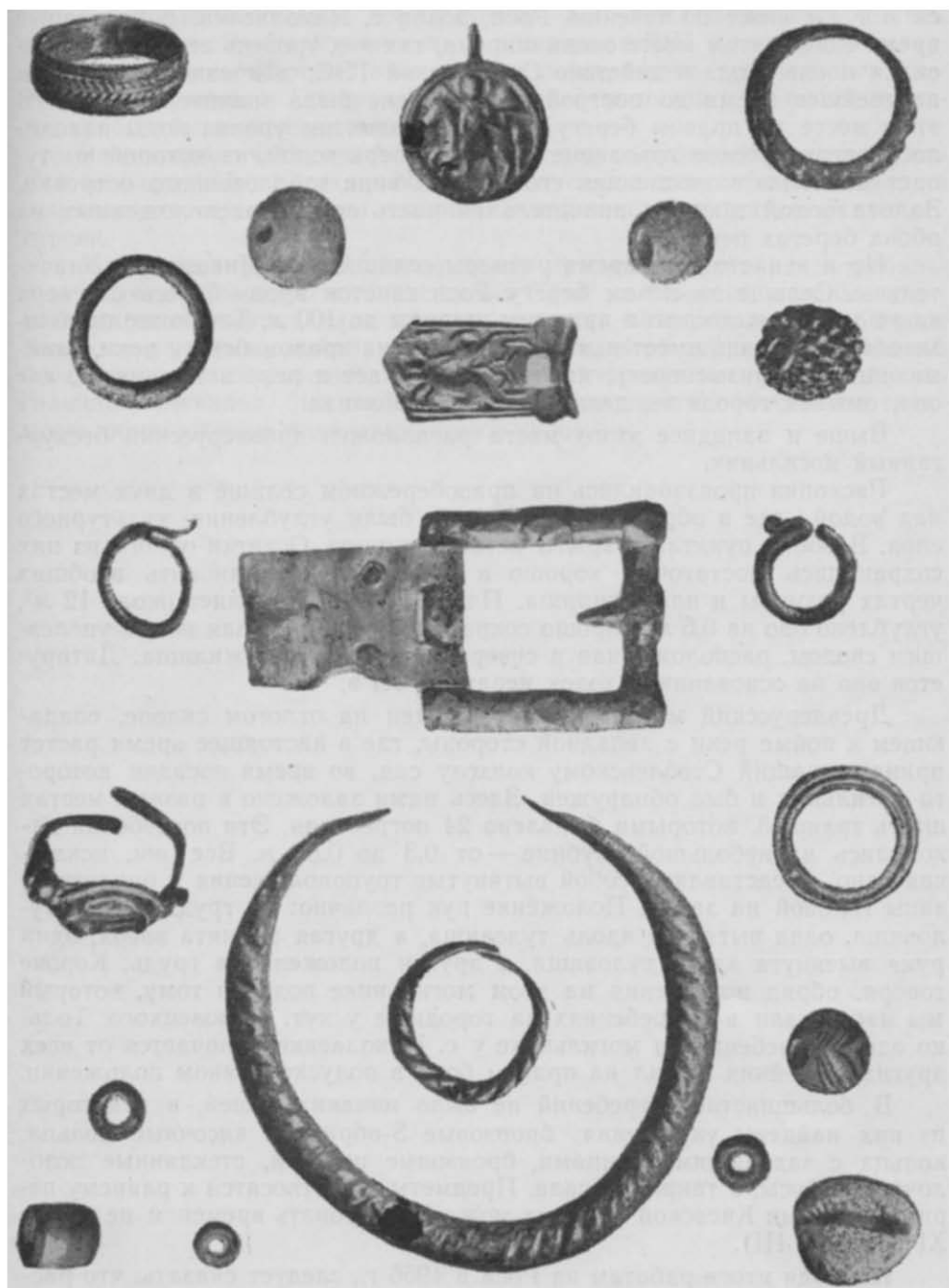

Табл. III.

Украшения: 1, 3, 9, 11, 15, 21 — из могильника у с. Николаевки, Корсунь-Шевченковского района, Черкасской области; 7 — с селища у с. Николаевки; 12, 16, 19, 20 — из погребений на городище у хут. Половецкого; 4, 10, 13, 14, 18 — с городища у хут. Половецкого; 2, 5, 17 — с селища у хут. Половецкого.

наружили ни одного предмета, который относился бы ко времени, более позднему, чем середина XIII в.

Второй объект исследований Древнерусской экспедиции находится в 7 км ниже по течению Роси, возле с. Николаевки. В настоящее время Рось в этом месте очень широка, так как уровень ее сильно повысился после ввода в действие Стеблевской ГЭС; в древности, как и в позднейшее время до постройки ГЭС, река была значительно уже. В этом месте на правом берегу Роси до поднятия уровня воды находилось древнерусское городище, залитое теперь водой, из которой выступает наиболее возвышенная его часть в виде заболоченного островка. Залита водой также и значительная часть селищ, расположенных на обоих берегах реки.

Но и в настоящее время размеры селищ возле Николаевки значительны. Селище на левом берегу Роси тянется вдоль берега с севера на юг на 300 м, достигая при этом ширины до 100 м. Такую же приблизительно площадь имеет и второе селище, на правом берегу реки, занимающее всю низменность, которая примыкает к реке в том месте, где она, омывая городище, делает поворот на запад.

Выше и западнее этого места расположен древнерусский бескурганый могильник.

Раскопки производились на правобережном селище в двух местах над водой, где в обрыве берега видны были углубления культурного слоя. В обоих пунктах открыты остатки жилищ. Остатки одного из них сохранились достаточно хорошо и позволяют восстановить в общих чертах размеры и план жилища. Площадь его составляет около 12 м², углублено оно на 0,6 м. Хорошо сохранилась глинобитная печь с уцелевшим сводом, расположенная в северо-западном углу жилища. Датировается оно на основании находок керамики XI в.

Древнерусский могильник расположен на отлогом склоне, спадающем к пойме реки с западной стороны, где в настоящее время растет принадлежащий Стеблевскому колхозу сад, во время посадки которого могильник и был обнаружен. Здесь нами заложено в разных местах шесть траншей, которыми выявлено 24 погребения. Эти погребения находились на небольшой глубине — от 0,3 до 0,85 м. Все они, исключая одно, представляют собой вытянутые труположения и ориентированы головой на запад. Положение рук различно: на груди, вдоль туловища, одна вытянута вдоль туловища, а другая поднята вверх, одна рука вытянута вдоль туловища, а другая положена на грудь. Короче говоря, обряд погребения на этом могильнике подобен тому, который мы наблюдали в погребениях на городище у хут. Половецкого. Только одно погребение на могильнике у с. Николаевки отличается от всех других: покойник лежал на правом боку в полускорченном положении.

В большинстве погребений не было никаких вещей, в некоторых из них найдены украшения: бронзовые S-образные височные кольца, кольца с заходящими концами, бронзовые перстни, стеклянные позолоченные бусы, а также кресала. Предметы эти относятся к раннему периоду истории Киевской Руси, их можно датировать временем не позже XI в. (табл. III).

Подводя итоги работам на Роси в 1956 г., следует сказать, что раскопки древнерусских памятников у хут. Половецкого и у с. Николаевки дали значительные научные результаты.

Можно считать установленным, что городище у хут. Половецкого, которое являлось феодальной крепостью-замком, построенным киевским князем или кем-нибудь из крупных местных феодалов, существовало уже в IX в. Это одно из немногих известных нам древнерусских городищ, которые датируются столь ранним временем. Отметим, что установление времени возникновения древнерусских феодальных горо-

днш имеет важное значение для решения вопроса о времени возникновения феодализма на Руси.

Городище было уничтожено в конце X или в начале XI в., и затем через непродолжительное время жизнь на нем снова возродилась. Окончательно оно было уничтожено в середине XIII в., во время татарского нашествия. История этого городища отражает судьбы многих населенных пунктов в Среднем Поднепровье, принявших на себя зсю тяжесть борьбы с кочевниками.

Раскопками частично вскрыта система оборонительных сооружений на городище, а также обнаружены следы домостроительства, на основании которых можно говорить о наличии здесь двухэтажных построек.

Материалы раскопок могильников проливают свет на погребальные обычаи древнерусского населения XI в. на Поросье, которые в некоторых своих чертах, надо думать, восходят к погребальным обычаям полян, помещаемых начальной летописью на этой территории. Обычай бескурганых захоронений, которым характеризуются указанные могильники, очевидно, был свойственен полянам, чем и объясняется трудность обнаружения полянских могильников.

О ХРОНОЛОГИИ ТАВРСКИХ КАМЕННЫХ ЯЩИКОВ ГОРНОГО КРЫМА

А. М. ЛЕСКОВ

I

Мегалитические могильные сооружения, так называемые каменные ящики, в большом количестве обнаружены в горных районах Крыма. Каменные ящики Крыма привлекли внимание исследователей еще в конце XVIII в., чему способствовали многочисленность и монументальность этих памятников, с которыми к тому же связывали разноречивые легенды.

Высказывались самые различные мнения о назначении, этнической принадлежности и датировке каменных ящиков. А. Фабр видел в них «кельтийские жертвенники»¹. А. Подберезский² и другие отмечали погребальное назначение каменных ящиков и считали их могилами киммерийцев.

Дюбуа де Монпере³, В. Д. Смирнов⁴ и другие исследователи относили каменные ящики к таврам; это мнение в настоящее время является в науке господствующим.

Так же по-разному и датировались каменные ящики.

Если Ф. И. Шмидт относит их к энеолиту⁵, то Н. П. Кондаков датировал их первыми веками н. э.⁶

В Байдарской долине, как и на Южном берегу Крыма, известно большое количество могильников, состоящих из каменных ящиков, первые сведения о которых восходят еще к 60-м годам прошлого столетия. Впервые раскопки каменного ящика в Байдарской долине у с. Широкое (б. Биук-Мускомья) провел В. П. Кеппен в 1874 г.⁷

Основные же работы в Байдарской долине осуществил Н. И. Репников. Он исследовал здесь в 1907 и 1926 гг. 32 каменных ящика⁸, оп-

¹ А. Фабр, О памятниках некоторых народов варварских, древнеобитавших в Новороссийском крае, ЗООИД, т. II, отд. I, 1848, стр. 36.

² А. Подберезский, Киммерийские памятники, ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 431.

³ Debois de Monpereux, Voyage autour de Caucase..., Paris, 1841, v. IV, стр. 308 (приводится по Н. И. Репникову, ИТУАК, в. 44, 1910, стр. 12).

⁴ В. Д. Смирнов, Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года, Зап. Вост. отд. Русск. археол. об-ва, т. I, 1886, стр. 292.

⁵ Ф. И. Шмидт, Работы на Южном берегу Крыма, ИГАИМК, в. 109, 1935, стр. 189.

⁶ Н. П. Кондаков, Русские древности, т. III, 1890, стр. 104.

⁷ W. K ö r r e n, Die megalitischen Denkmäler der Krim. „Russische Rewue“, 1874, December, V. V; см. также М. Сосногор, Мегалитические памятники в Крыму. «Русский вестник», т. 118, кн. 7, 1875, стр. 266—287. Материалы из этого каменного ящика хранятся в МАЭ АН СССР, инв. № 94/1—14.

⁸ Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, в. 30, 1909, стр. 127—153; его же, О так называемых дольменах Крыма, ИТУАК, в. 44, 1910, стр. 11—22; его же, Предполагаемые древности тавров, ИТОИАЭ, т. I, 1927, стр. 137—140.

ределив их время VII—V вв. до н. э. С такой датировкой согласились исследователи таврской культуры С. Ф. Стржелецкий¹ и П. Н. Шульдц², которые распространили эту дату и на каменные ящики других районов Крыма (Южный берег Крыма, II кордон), не подкрепляя, однако, ее какими-либо материалами.

В 1957 г. появилась статья В. В. Бобина «Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа эремени перехода от бронзы к железу», где автор датирует каменные ящики Байдарской долины, наряду с Нестеровским могильником, VII—VI вв. до н. э.³, используя в качестве датирующего материала архаические наконечники стрел, в том числе и из Байдарской долины. Не говоря о других неточностях и неубедительных аналогиях, отметим, что ни в одном ящике, исследованном Н. И. Репниковым в 1907 г., не найдено ни одного наконечника стрелы с двумя ромбическими лопастями и шилом. Нет подобных наконечников стрел и в каменных ящиках, раскопанных другими исследователями как в Байдарской долине, так и в других районах горного Крыма. Что касается времени существования Нестеровского могильника, то Е. И. Крупнов, исследовавший могильник, датирует его VI—IV вв. до н. э.⁴

Изучение материалов из каменных ящиков горного Крыма и в частности Байдарской долины, а также наши разведки и раскопки этих интересных памятников в различных пунктах горного Крыма⁵ позволяют пересмотреть, уточнить и дополнить данные о хронологии таврских каменных ящиков.

Среди раскопанных за все годы в Байдарской долине 52 каменных ящиков имеется шесть неграбленных ящиков, исследованных Репниковым в 1907 г. в урочище Мал-Муз, в 2 км к северо-востоку от с. Новобобровка (б. Бага)⁶.

Основным датирующим материалом для Мал-Музских ящиков являются бронзовые наконечники стрел, обнаруженные в пяти из них. В таблице основных находок из каменных ящиков Байдарской долины Н. И. Репников приводит шесть типов наконечников стрел⁷. П. Рау в своей известной работе также приводит эти, выделенные Репниковым типы наконечников стрел, верно датируя их концом архаического — началом классического периода⁸, то есть в абсолютной хронологии — концом VI — началом V в. до н. э. Однако здесь необходимо отметить, что пропорции наконечников стрел в таблицах Репникова и Рау разные (лишь № 25 и 28 по Репникову соответствует типам I и K по Рау. Один наконечник стрелы (F по Рау) вообще не приводится Репниковым. А главное, ни у Репникова, ни у Рау не изданы наконечники стрел из Мал-Музских ящиков. В последних было найдено 12 наконечников стрел, из которых сохранилось девять (рис. 1). Остальные три, судя по публикации Репникова, были «типа рис. 28, фиг. 28»⁹. Два наконечника, обнаруженные в ящике № 6, наиболее ранние. Один из них — двуло-

¹ С. Ф. Стржелецкий, Очерки истории Гераклейского полуострова и его окружи в эпоху бронзы и раннего железа (Автореферат диссертации), М., 1954, стр. 9.

² П. Н. Шульдц, Тавры и их взаимоотношения с античными городами Северного Причерноморья, стр. 63, 71 (стенограмма доклада, прочитанного на конференции ИИМК АН СССР в мае 1956 г., посвященной истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху).

³ Сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957, стр. 58.

⁴ Е. И. Крупнов, Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, Тр. ГИМ, в. XVII, М., 1948, стр. 25.

⁵ Эти работы проводились Крымской первоботной экспедицией Института археологии АН УССР под руководством С. Н. Бибикова.

⁶ Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, стр. 138 сл.

⁷ Там же, стр. 147, рис. 28, 23—28.

⁸ P. Rau, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, табл. VI, 1.

⁹ Н. И. Репников, ук. соч., стр. 140.

пастный, листовидной формы (рис. 1, 1), а другой трехгранный с удлиненной втулкой и длинным ложком (рис. 1, 2). Подобные экземпляры известны в Ольвийском некрополе. Рау относит их к последней трети VI в. до н. э.¹ Остальные мал-музские наконечники делятся на две группы: с выступающей втулкой и с обрезанной втулкой.

Наконечники стрел с выступающей втулкой представлены двумя типами. У первого типа втулка маленькая, ложок доходит до острия (ящик № 3; рис. 1, 3). Подобный наконечник стрелы найден в одном из

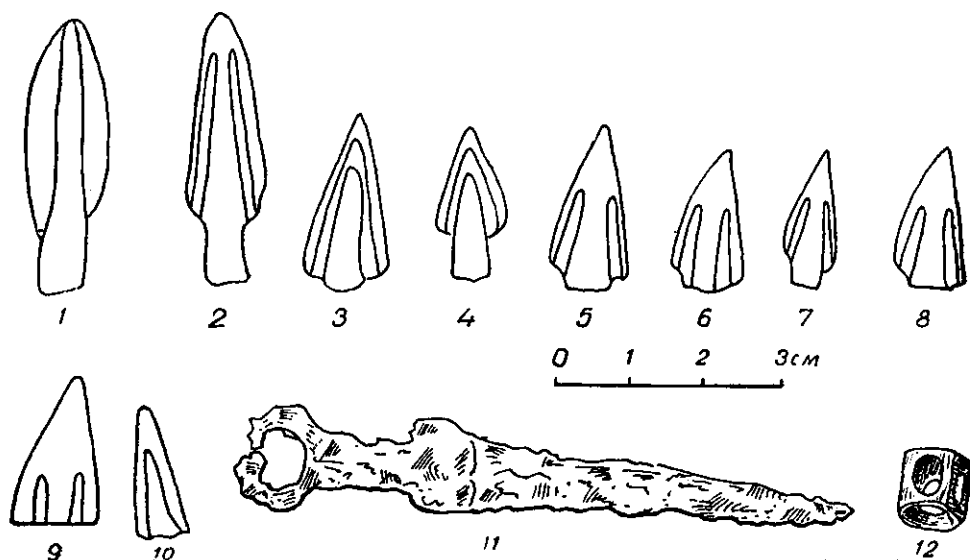

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел, ворворка и железный меч из каменных ящиков урочища Мал-Муз.

курганов вблизи Шполы Е. Ф. Покровской, отмечающей, что наконечники стрел этого типа появляются в конце VI в., но типичны для начала V в. до н. э.² Близок по типу этому экземпляру и наконечник стрелы из ящика № 1, отличающийся от него лишь пропорциями и большей втулкой (рис. 1, 4).

У наконечников второго типа ложок доходит примерно до середины высоты и разделяется на две части круглой, очень короткой втулкой (четыре наконечника стрел из ящика № 2; рис. 1, 5—8). Подобные наконечники стрел известны из курганов № 400 и 401 у с. Журовки в комплексах V в. до н. э.³

Наконечники стрел с обрезанной втулкой представлены теми же двумя типами: у одних наконечников ложок доходит почти до острия (ящик № 1; рис. 1, 10), у других он доходит до середины высоты наконечника и разделяется на две части рельефностью псевдовтулки (ящик № 5; рис. 1, 9). Совершенно аналогичные наконечники стрел найдены Н. Е. Бранденбургом в Басовке, в кургане № 483, датирующемся первой половиной V в. до н. э.⁴

Бронзовые пряжки для ремней конской сбруи с пятью отверстиями

¹ Р. Рау, ук. соч., табл. IV, 1, E, F.

² Е. Ф. Покровская, Раскопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи, Археологія, т. XI, К., 1957, стр. 149—150, рис. 2, 11.

³ А. А. Бобринский, Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии, ИАК, в. 14, 1905, стр. 8—13; см. также П. Д. Либеров, Хронология памятников Поднепровья скифского времени, сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, табл. I, 79, 82.

⁴ Коллекция Гос. Эрмитажа, инв. № Дн.-1932 9/2—9/5; см. также В. А. Ильинская, Памятники скифского времени Посулья (кандидатская диссертация), стр. 134.

в плоской вершиной, встреченные в ящиках № 1 и 5 (рис. 2, 12)¹, имеют прямую аналогию в одном из могильников в окрестностях Пятигорска в комплексе VI—V вв. до н. э.² В скифских комплексах этого времени на территории Украины нередко встречаются бронзовые пряжки, однако они здесь отличаются от таврских меньшими размерами и конусовидной вершиной³.

Началом V в. до н. э. датируется и железный акинак с волнитообразным назершием, сердцевидным перекрытием и лезвием подтреугольной формы, найденный в ящике № 1 (рис. 1, 11). Аналогичные акинаки известны из того же Журовского кургана № 400 и из кургана со следями трупосожжения у с. Осьмушкина (б. Самарской губернии) из раскопок Ф. Д. Нефедова⁴.

Таким образом, на основании приведенных аналогий считаем возможным датировать каменные ящики в урочище Мал-Муз концом VI—первой половиной V в. до н. э. Судя по наконечникам стрел, наиболее ранними, очевидно, являются погребения из нижнего яруса ящика № 6⁵. В связи с этим нужно отметить, что только в этом ящике обнаружены целые сосуды, что свойственно для погребального инвентаря более раннего времени, известного по раскопкам Г. А. Бонч-Осмоловского⁶.

Неграбленный таврский комплекс конца VI — первой половины V в. до н. э. характеризуется большим количеством разнообразных бронзовых украшений. Среди них особенно часто встречаются грибовидные, умбообразные подвески и конусовидные подвески с петлей, свернутые из проволоки, а также различные браслеты, иногда орнаментированные нарезками, витые и пластинчатые пронизки, примитивно сделанные из проволоки и пластинок кольца. Меньше различных гривен и бляшек. Лишь в одном ящике в урочище Мал-Муз есть восьмеркообразные штампованные бляшки. Оружие (наконечники стрел, акинаки, топоры) и предметы конского убора (удила, ворворки) редки. Много различных бус и раковин каури. В трех ящиках (из шести) встречены сланцевые оселки. Как уже отмечалось, керамика не типична для могильного инвентаря этого времени⁷.

Сравнительное изучение материалов из других, грабленных каменных ящиков, исследованных в различные годы В. П. Кеппеном, Ю. Д. Филимоновым, Н. И. Репниковым, показывает, что эти памятники (еще 36 каменных ящиков) в основном относятся ко времени, близкому к Мал-Музским ящикам. Сохранившиеся в них украшения не отличимы от украшений, найденных в ящиках урочища Мал-Муз. Чаще всего это мелкие украшения: грибовидные подвески и конусовидные, свернутые из проволоки подвески с петлей, различные пронизки, колечки, бусы,

¹ Н. И. Репников называет их «неопределенными поделками» (ИАК, в. 30, 1909, стр. 140).

² Раскопки Д. Я. Самоквасова, коллекция ГИМ, инв. № 76990, планшет 75/386. Под № 2098 эта пряжка описывается в работе Д. Я. Самоквасова «Основание хронологической классификации. Описание и каталог коллекции древностей», Варшава, 1892, стр. 46.

³ Раскопки С. А. Мазараки 1886 г., Аксютинцы, курган № 1, коллекция ГИМ, инв. № 17464, планшет 83/48а, б; курган № 3, там же, планшет 83/49а, б. Раскопки Н. Е. Бранденбурга 1900 г., Аксютинцы, курган № 469, коллекция Гос. Эрмитажа, инв. № 1932, 4/9, и т. д.

⁴ П. Д. Либеров, ук. соч., табл. I, 75; см. также Материалы по археологии Восточных губерний, изд. МАО, т. III, 1899 (предмет хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1802/1); W. Ginters, Das Schwert der Sküthen und Sarmaten in Südrusland, Berlin 1928, стр. 40—42.

⁵ К сожалению, Н. И. Репников не выделил находки по ярусам погребений в каждом ящике.

⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, журн. «Крым», 1926, № 2, стр. 74—94.

⁷ Н. И. Репников, ук. соч., стр. 147, 149.

раковины каури. Более крупных бронзовых изделий, например браслетов, мало; не сохранилось ни одной гривны, а также ни одного крупного железного изделия. Очевидно, предметами ограбления и были, в первую очередь, крупные металлические изделия.

Среди прочих находок следует отметить две бронзовые ворворки, совершенно идентичные мал-музским.

Интересны две костяные застежки в виде округлых в сечении стерженьков с вырезом посередине (рис. 2, 7). Близкие аналогии им известны в скифских памятниках VI в. до н. э.¹

В таврских памятниках такие костяные застежки встречались еще дважды. Аналогичную застежку вместе с трехгранным бронзовым наконечником стрелы с желобками,

двумя умбообразными подвесками и прочими мелкими украшениями нашел А. С. Уваров в каменном ящике близ Ялты². Наконечник стрелы, к сожалению, не сохранился, но ориентировочно, исходя из наличия умбообразных подвесок, можно отнести этот ящик ко времени Мал-Музских. Вторая аналогичная застежка из погребения у с. Белоглинка опубликована и датирована Т. Н. Троицкой концом VI в. до н. э.³ Описанные нами застежки найдены в комплексах V в. до н. э.⁴

В ящике № 5, раскопанном Н. И. Репниковым в 1907 г. у дер. Скеля (тепер с. Родниковое), найдена подобная бронзовая литая застежка (рис. 2, 6)⁵. Однако

для выяснения датировок этих каменных ящиков наиболее важны бронзовые наконечники стрел, часть из которых не сохранилась.

Всего, исходя из отчетов и публикаций, в каменных ящиках Байдарской долины (без Мал-Муза) было найдено 60 наконечников стрел, из них лишь один железный, неизвестной формы⁶, а остальные бронзовые. Форма трех пропавших наконечников неизвестна⁷. Два наконечника были двугранными (один из них сохранился; рис. 2, 1), а остальные 54—

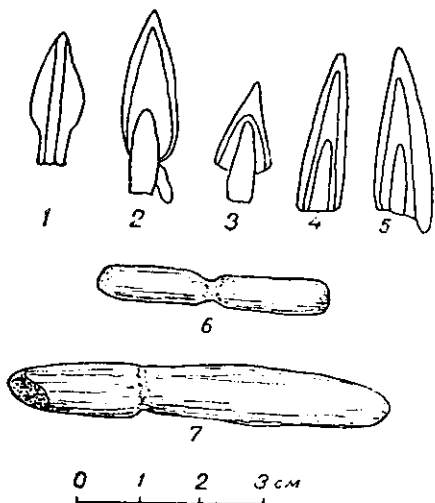

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел, бронзовая и костяная застежки из каменных ящиков Байдарской долины.

¹ В. А. Іллінська, Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії, Археологія, т. V, К., 1951, стр. 196—211.

² Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, М., 1887, стр. 33—35. Материалы хранятся в фондах ГИМ и на основании каталога разобраны по комплексам ст. научным сотрудником ГИМ И. В. Яценко и нами.

³ Т. Н. Троицкая, Погребение у села Белоглинка, СА, XXVII, 1957, стр. 222—231. В этой интересной, хотя и проблематичной статье есть досадная неточность. Так, автор пишет: «В каменном ящике одного из Мал-Музских курганов...» и т. д. (стр. 222). Между тем известно, что в урочище Мал-Муз был всего один курган, вернее длинная курганообразная насыпь, содержащая семь каменных ящиков (см. Н. И. Репников, ук. соч., стр. 138).

⁴ Н. И. Репников называет костяную застежку «обломком неоправленной поделки из кости» (ук. соч., стр. 130). Хранится она в ГИМ, инв. № 457/6, планшет 61/366, № 10. См. также Н. И. Репников, [Архив], Архив ИИМК в Ленинграде, ф. 10, д. 1.

⁵ В отчете Н. И. Репников не упоминает эту находку (ИАК, в. 30, 1909, стр. 132); хранится в ГИМ, инв. № 457/6, планшет 49/55а, № 38.

⁶ Имп. Рос. истор. музей. Указатель памятников, 1893, стр. 454, материалы раскопок Ю. Д. Филимонова.

⁷ Там же, стр. 452.

трехгранные. Все трехгранные наконечники делятся на две группы: втульчатые и со срезанной втулкой. Среди втульчатых наиболее ранний тип, встречающийся еще в позднеархаическое время, представлен двумя трехлопастными наконечниками стрел с удлиненной втулкой и шипом (рис. 2, 2).

Остальные втульчатые наконечники стрел аналогичны второму типу втульчатых наконечников из Мал-Музских ящиков. Из этой группы

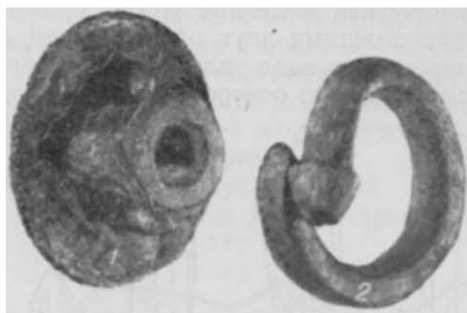

Рис. 3. Находки из каменных ящиков у Черкес-Кермена.

выделяется трехгранный наконечник стрелы с трапециевидным ложком, разделенным удлиненной втулкой (рис. 2, 3)¹.

Большинство наконечников стрел со срезанной втулкой также аналогичны (с некоторыми колебаниями в размерах) второму типу этих наконечников, встреченных в Мал-Музских ящиках. Описанные выше наконечники стрел типичны для V в. до н. э., скорее для первой его половины². Несколько более поздними выглядят пять трехгранно-пирамидальных вытянутых наконечников стрел с обрезанной втулкой (рис. 2, 4, 5). Такие наконечники часто попадают в комплексах V—IV вв. до н. э.³

Таким образом, наконечники стрел и другие находки подтверждают возможность датировать каменные ящики Байдарской долины концом VI—V зв. до н. э.

II

Сравнение материалов из раскопок каменных ящиков у селения Черкес-Кермен, исследованных в 1930—1931 гг. С. А. Семеновым-Зусером⁴, с рассмотренными выше материалами из каменных ящиков Бай-

¹ Коллекция ГИМ, инв. № 457/6, планшет 87/16а, № 95.

² Р. Рац, ук. соч., табл. 20, 2.

³ В. А. Ильинская, Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, СА, XXVII, 1957, стр. 236, 237, рис. 2, 2.

⁴ С. А. Семенов-Зусер, Таврские мегалиты, Наук. зап. ХДП, т. V, 1940, стр. 115—161.

дарской долины приводит к выводу, что этот могильник синхронен байдарским. Среди пяти групп каменных ящиков, раскопанных С. А. Семеновым-Зусером, лишь комплекс Е следует выделить как более ранний; инвентарь этого комплекса, как и примитивно устроенные каменные ящики, очень близок к раннетаврским могильникам Зуйского района, исследованных Г. А. Бонч-Осмоловским¹.

Находки в остальных каменных ящиках аналогичны байдарским. Среди них нужно отметить железные удила, бронзовое кольцо из толстой проволоки с заходившими друг на друга концами (один конец заканчивается расширением в виде уплощенной змеиной головки), бронзовую нащечную бляху с пятью отверстиями для продевания ремней кон-

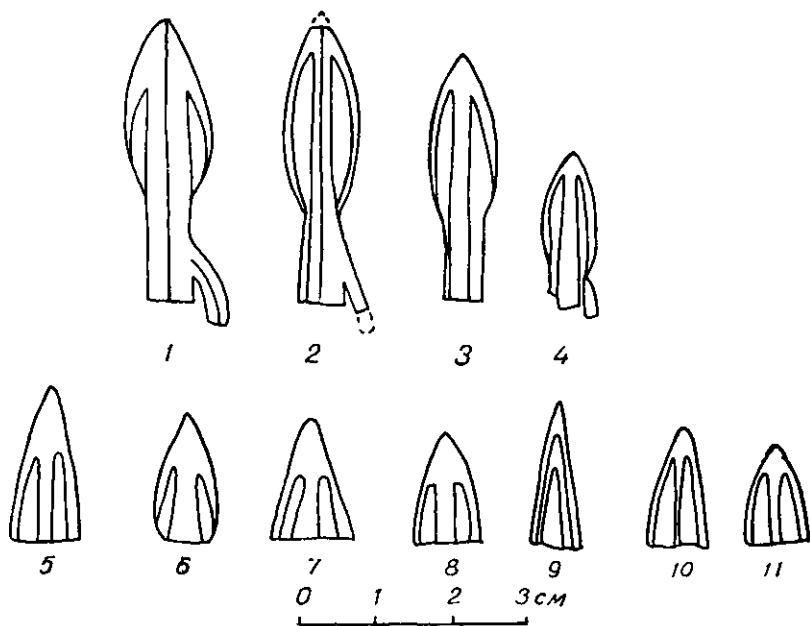

Рис. 4. Бронзовые наконечники стрел из каменных ящиков у Черкес-Кермена.

ской сбруи (рис. 3, 1—3). Совершенно аналогичная бляха найдена Н. Е. Бранденбургом в кургане № 499 у с. Басовки в комплексе V в. до н. э. (вместе с S-образными двудырчатыми псалиями). Важны для датировки бронзовые наконечники стрел, обнаруженные в каменных ящиках гряд А (ящик № 4 — два экземпляра), Б (ящик № 1 — два экземпляра), Д (ящик № 1 — 44 экземпляра) у Черкес-Кермена. Трехгранные наконечники стрел из каменных ящиков гряд А и Б повторяют уже известные нам из Байдарской долины.

Среди 44 бронзовых наконечников стрел из ящика № 1 гряды Д находилось четыре наконечника архаического типа — двулопастные втульчатые (три из них с шипом; рис. 4, 1—4). Остальные 40 наконечников — трехгранные; они делятся на две группы: с выступающей втулкой и с обрезанной втулкой. Втульчатых наконечников стрел всего 13. Два из них аналогичны наконечникам из ящика № 2 в урочище Мал-Муз, остальные 11 такие, как изображенный на рис. 2, 2; у шести из них есть шип. 27 наконечников — с обрезанной втулкой (рис. 4, 5—11).

Таким образом, наличие четырех двулопастных архаических наконечников в ящике № 1 гряды Д не влияет на датировку могильника концом VI—V вв. до н. э., то есть временем, к которому относятся и камен-

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч. стр. 74—94.

ные ящики Байдарской долины; указанные наконечники, очевидно, следует связывать с наиболее ранними захоронениями ящика № 1.

Изучение материала из каменных ящиков Южного берега Крыма (от Кекенеиза до Судака) по сохранившимся незначительным остаткам коллекций и имеющимся публикациям приводит к выводу, что он аналогичен и в основном синхронен байдарскому. Все находки делятся на две группы. Первая и основная — это украшения и принадлежности одежды. Сюда входят бронзовые браслеты, гривны, кольца, восьмеркообразные бляшки, различные подвески и пронизки, бусы, а также раковины каури, бусы из пасты и стекла, костяная застежка.

Вторую группу составляют предметы конского убора (обломки железных трехдырчатых псалий и удила) и вооружения (наконечники стрел), которые и являются датирующими.

Один сравнительно хорошо сохранившийся псалий обнаружен В. И. Сизовым в каменном ящике близ Гаспры (рис. 5) вместе с брон-

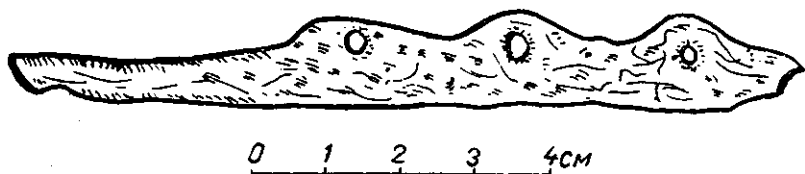

Рис. 5. Железный псалий из каменного ящика близ Гаспры.

зовыми пронизками, бляшками, раковинами каури¹. Псалий позволяет датировать этот ящик VI в. до н. э. К числу наиболее ранних относятся также находки из каменных ящиков на горе Малаба. Среди них есть не менее двух трехдырчатых железных псалиев VI в. до н. э. (в обломках)². Этим временем датируются и два бронзовых наконечника стрел³. Эти каменные ящики являются наиболее ранними из известных на Южном берегу Крыма и относятся к VI в. до н. э., вероятнее всего, ко второй его половине⁴.

В Гаспринском могильнике при зачистке пяти каменных ящиков в 1950 г. обнаружили среди обычных украшений два наконечника стрел: один из них бронзовый трехгранный, а другой — железный двулопастный. П. Н. Шульц отнес их к VI—V вв. до н. э.⁵

О нескольких не сохранившихся и не описанных наконечниках стрел из каменных ящиков Южного берега Крыма сообщают В. Д. Смирнов⁶, А. С. Уваров⁷ и В. Я. Данилевич⁸.

Находки в каменных ящиках Южного берега Крыма позволяют говорить о длительности существования здесь этих могильников. Так, наряду с описанными находками VI в. до н. э. из района Гаспры и горы Малаба в одном из ящиков на горе Кошка встречены два фрагмента

¹ Императорский исторический музей. Указатель памятников, стр. 451.

² А. Брандт, Заметки по археологии Крыма, ИАК, в. 54, 1914, стр. 109—116. Автор неверно считает, что это обломки двухдырчатых псалиев, и сравнивает их с псалиями более поздней Чмыревой могилы (стр. 113).

³ Там же, стр. 114, рис. 5.

⁴ В первой половине VI в. до н. э. конструкция каменных ящиков и инвентарь носят иной, более архаичный характер (см. Г. А. Бонч-Осмоловский, ук. соч., стр. 94).

⁵ П. Н. Шульц, Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму, КСИА, в. 7, К., 1957, стр. 65.

⁶ В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 292.

⁷ А. С. Уваров, ук. соч., стр. 33—35.

⁸ В. Я. Данилевич, Заметки о древностях в окрестностях дер. Кекенеиз. Ялтинского уезда, ИТУАК, в. 40, 1907, стр. 57—58.

стенок родосских эллинистических остродонных амфор¹. В каменных ящиках Судакского района обнаружены пирамидальные стеклянные бусы-подвески², датируемые временем не ранее IV в. до н. э.

Таким образом, каменные ящики Южного берега Крыма датируются второй половиной VI—IV вв. до н. э. Наиболее поздние, возможно, относятся к III в. до н. э.

III

В 1956 и 1957 гг. Крымская первобытная экспедиция Института археологии АН УССР исследовала часть таврского могильника в 2 км от с. Передовое (могильник Уркуста I), слева от дороги на с. Широкое. Всего исследовано девять каменных ящиков, перекрытых курганообразной длинной насыпью — грядой³.

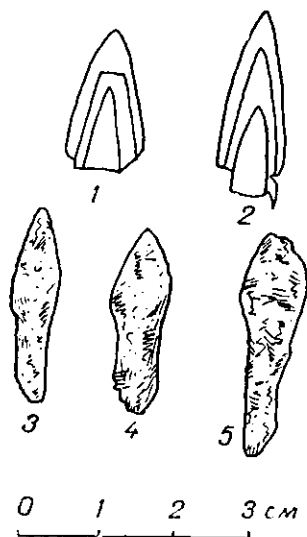

Рис. 6. Бронзовые (1, 2) и железные (3—5) наконечники стрел из могильника Уркуста I.

Каждый ящик был заключен в прямоугольную ограду, сделанную из поставленных на ребро известняковых плит. Площадь внутри ограды забутовывалась. После снятия забутовки на древней дневной поверхности обнаружены остатки кострищ, черепки битой посуды, отдельные бронзовые украшения, по-видимому следы тризны. Сами каменные ящики хотя и оказались граблеными, тем не менее дали интересный материал. Среди находок есть пять наконечников стрел — два бронзовых и три железных. Один бронзовый наконечник стрелы найден на древней поверхности под забутовкой в ограде каменного ящика № 5. Это трехгранный наконечник с обрезанной втулкой. Ложок его трапецевидной формы и разделяется на две половины рельефно выраженной псевдовтулкой (рис. 6, 1). Подобные наконечники обычны в V в. до н. э. Второй бронзовый наконечник стрелы (ящик № 7) также трехгранный с короткой втулкой и шипом. Ложок доходит почти до острия (рис. 6, 2). Подобные наконечники также

относятся к V в. до н. э.⁴, хотя наличие шипа позволяет относить его и к более раннему времени. В этом же ящике № 7 были найдены три миниатюрных втульчатых железных двулопастных наконечника стрел (рис. 6, 3—5). Железные стрелы IV—III вв. до н. э. из Частых курганов⁵ напоминают по форме наши, отличаясь более крупными размерами. Другие аналогии нам не известны. Возможно, это наконечники стрел местного производства.

Однако в данном случае основанием для датировки служат не наконечники стрел, а большое количество фрагментов античной керамики, обнаруженной как в грабленых ящиках, так и *in situ* на древней дневной поверхности, под забутовкой. Найдены ручки амфор и кувшинов, обломки венчиков, стенок и днищ амфор, куски черепицы, фраг-

¹ П. Н. Шульц, Отчет о разведочных раскопках Таврского укрепления на горе Кошка в 1950 г., стр. 51 (рукопись, хранится в архиве отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР).

² В. Д. Смирнов, ук. соч.

³ Кроме автора, в группу входили студентка Ленинградского художественного института им. И. Е. Репина М. К. Панфилова (1956 г.) и старший лаборант Института археологии АН УССР П. А. Шохин (1957 г.).

⁴ Е. Ф. Покровська, ук. соч., стр. 150, рис. 2, 11.

⁵ В. А. Городцов, Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г., СА, IX, 1947, стр. 27.

менты небольших сосудов IV—III вв. до н. э.¹ Среди венчиков амфор, найденных в 1957 г., есть один с энглафическим клеймом. Еще один венчик амфоры с таким клеймом обнаружен в 1957 г. при зачистке ограды каменного ящика № 2 на могильнике Уркуста-II, в 500 м от с. Передового, слева от дороги в Ново-Бобровку. Оба эти клейма датируются IV в. до н. э.²

Именно большое количество находок античной керамики позволяет датировать гряду каменных ящиков близ с. Передового IV—III вв. до н. э.

Итак, самые ранние каменные ящики Байдарской долины относятся к концу VI в., з них продолжают хоронить и в V—III вв. до н. э.

По изменениям в могильном инвентаре каменные ящики Байдарской долины разделяются на два хронологических этапа: 1) конец VI—V вв. до н. э. и 2) IV—III вв. до н. э. Изменения, происшедшие в погребальном инвентаре на втором этапе, сводятся к следующему.

В каменных ящиках IV—III вв. до н. э. появляется значительное количество античной керамики³, что свидетельствует о наличии в эпоху эллинизма определенных торговых отношений между таврами, населявшими Байдарскую долину, и греческими городами Северного Причерноморья. Однако по-прежнему основная масса керамики остается лепной, простой и лощеной, иногда орнаментированной резным орнаментом, почти не отличающейся от керамики могильников и поселений VI—V вв. до н. э.

Сравнивая исследованные нами каменные ящики IV—III вв. до н. э. с другими, тоже грабленными ящиками Байдарской долины VI—V вв. до н. э., следует отметить незначительное количество материала, обнаруженного в ящиках второго этапа. Это, в основном, мелкие бронзовые украшения — пластинчатые и витые пронизки, звенья цепочек, три маленькие конусовидные подвески, свернутые из тонкой проволоки, несколько проволочных колечек и маленький детский браслетик с утолщением в виде шарика на одном конце (второй конец обломан). Очевидно, в IV—III вв. до н. э. происходит процесс обеднения погребального инвентаря, большинство украшений исчезает. Вместе с тем в это время увеличивается количество железных изделий, дошедших до нас в виде многих деформированных обломков, что не дает возможности определить их первоначальное назначение.

Факт нахождения в могильнике IV—III вв. до н. э. бронзовых наконечников стрел V в. до н. э. свидетельствует о консервативном характере материальной культуры тавров, о ее замкнутости и бедности. Именно поэтому в погребальных комплексах первого и второго этапов изменения в инвентаре по сравнению с другими районами Северного Причерноморья не были столь значительны.

¹ Античную керамику из раскопок 1956 г. определяли Т. Н. Книпович и И. Б. Зеест.

² Определение Б. Н. Гракова.

³ Каменные ящики IV—III вв. до н. э. с большим количеством античной керамики исследовались нами в 1956 г. в Зуйском районе (плато Джалалах).

КУВШИН С РЕЛЬЕФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ АСКЛЕПИЯ И ГИГИЕИ

В. А. АНОХИН

В октябре—ноябре 1956 г. Херсонесский государственный историко-археологический музей предпринял под руководством С. Ф. Стржелецкого раскопки могильника первых веков н. э., открытого в 1954 г. в совхозе № 10 (в 22 км к юго-востоку от Сезастополя) ¹.

В одной из подбойных могил (№ 18) был обнаружен сосуд с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен, представляющий собой небольшой двуручный кувшин высотой 17,5 см, изготовленный в двусторонней форме. Место соединения двух половин утолщено плоским валиком высотой 0,1—0,2 см, идущим от перехвата донной части до верхнего соединения ручки с туловом. Глина желтого цвета, грубоватая; обжиг плохой. Поверхность кувшина покрыта жидкой глазурью. Сосуд целый, лишь на одной из ручек (рис. 1) имеется продольный скол. Ручки, украшенные поперечными нарезками, выглядят витыми. На рельефном изображении Асклепия, у правого бедра, имеется вмятина. Несколькими поврежден также нос и губы Гигиен. В целом остается впечатление некоторой спешки, небрежности работы мастера.

Асклепий (рис. 1) представлен стоящим в рост, прямо. Голова слегка повернута вправо, левая нога напряжена, правая ослаблена. Гиматий переброшен через левое плечо; правая рука, плечо и грудь обнажены. На ногах сандалии — хорошо заметен переплет ремней (особенно на правой ступне). Справа под рукой жезл, который тремя кольцами обвивает змея. В правой руке Асклепия пища для змей (яйцо? — ср. описание вазы с изображением лежащего Асклепия с яйцом в одной руке и чашей, из которой пьет змея, — в другой ²). Правее, за жезлом, алтарь с горящей жертвой на нем, далее — дерево (маслина?) с плодами и листьями. Другое дерево (лавр?) слева от Асклепия.

На обратной стороне сосуда изображена Гигиен (рис. 2), также окруженная небольшими деревцами. Голова ее слегка повернута влево, правая нога напряжена, левая ослаблена. Правое плечо и верхняя часть груди обнажены. Хитон, выступающий из-под плаща, доходит до ступней ног, обутых в башмаки. В правой руке Гигиен держит змею, в левой — чашу с пищей, к которой тянется змея. Слева у ног Гигиен ма-

¹ О раскопках могильника см. статью С. Ф. Стржелецкого, помещенную в этом выпуске «Кратких сообщений».

² С. А. Жебелев, Религиозное врачевание в древней Греции, ЗРАО, т. VI, в. 3-4, нов. серия, СПб., 1893, стр. 398—399.

ленькая фигурка Телесфора¹, еще левее дельфин², присутствие которого здесь не совсем понятно, так как он к атрибутам Асклепия не относится.

Распределение фигур на сосуде, как нам кажется, не является случайным. Если вся композиция дает полное содержание культа Асклепия, то каждая из ее частей несет определенную смысловую нагрузку: на одной стороне бог, на другой его эманации—Гигиия и Телесфор.

Кувшины, подобные нашему, встречались и ранее. Так, аналогич-

Рис. 1. Рельефное изображение Асклепия.

Рис. 2. Рельефное изображение Гигиен.

ный по форме, но с иными сюжетами рельефных изображений сосуд найден при раскопках некрополя Неаполя скифского в 1947 г.³

Сосуд из Теурнии, представляющий прямую аналогию нашему, приводит Е. Бениш в статье, посвященной вопросу о распространении рельефных ваз в позднеэллинистическое время⁴.

Сопоставление изображений Асклепия на нашем сосуде и кувшине из Теурнии показывает близость их форм, хотя при отсутствии ряда данных нельзя ручаться за единство центра, из которого они происходят⁵. Взаимное расположение отдельных изображений и их частей на сосуде одинаково, насколько это позволяет разобрать рисунок значи-

¹ Телесфор принадлежит к той группе персонификаций Асклепия, которые олицетворяют его врачебные функции (Pauly—Wissowa, RE, II, стр. 1655), и является, по свидетельству Павсания (II, 11, 7), фигурой, характерной для Пергама. Смысл и функции его недостаточно ясны.

² Близкое изображение дает нам керченская терракота Афродиты с дельфином (ИАК, в. 9, 1904, стр. 35).

³ В. П. Бабенчиков, Новый участок некрополя Неаполя скифского, ВДИ, 1949, № 1, стр. 117. Дается краткое описание и рисунок одной стороны, вторая сторона сосуда опубликована П. Н. Шульцем и В. А. Головкиной в статье «Неаполь скифский» (сб. «По следам древних культур», М., 1951).

⁴ E. V. Bonis, Későhellénisztikus domborműves edénycsoport elterjedése a Római tartományokban, Archaeologiai Ertesítő, 1952, № 1-2, стр. 23.

⁵ Е. Бениш вслед за рядом других ученых считает местом производства рельефных ваз, в том числе и сосудов из Неаполя и Теурнии,—Александрию. В недавно вышедшей статье М. П. Ваулина доказывает киадское происхождение этой группы (журн. «Советская археология», 1959, № 1, стр. 72—83).

гельно фрагментированного сосуда из Теурнии, и мы склонны думать, что некоторые различия в передаче складок одежды, листьев и других деталей следует отнести за счет доработки сосудов мастером по сырой глине.

Вопрос о времени бытования этого сосуда пока успешно решен быть не может без определения времени как всего могильника, так и отдельных его погребений. Что же касается времени изготовления формы, то здесь, нам кажется, можно провести сравнение с несколькими пергамскими монетами Антонина Пия (138—161 гг. н. э.), имеющими на оборотных сторонах ряд изображений Асклепия, Гигиен и Телесфора¹. Так, на одной из них² изображен Асклепий (справа) напротив Гигиен. Их лица, в профиль, показаны обращенными друг к другу, то есть дан тот же поворот, что и на сосуде, но с некоторым увеличением. В руках Гигиен в тех же положениях находятся змея и чаша, и весь рисунок, вплоть до складок одежды, близок к нашему. Празда, стоящий жезл Асклепий держит в руке, но это, возможно, является изменением, внесенным резчиком монетного штемпеля, не сумевшим в столь мелком по размеру изображении поместить жезл под рукой Асклепия. Что это так, свидетельствует монета³, на которой один Асклепий, сохраняя то же положение, что и на предыдущем изображении, представлен в более крупном масштабе с жезлом подмышкой. На других монетах⁴ изображены Асклепий и Телесфор, причем последний стилистически очень близок изображению на нашем сосуде.

Эти изображения Асклепия и Гигиен копируют статуарную группу, ранние воспроизведения которой на монетах Пергама относятся еще ко времени Домициана (81—96 гг. н. э.)⁵. Массовое заимствование этого типа чеканками других городов, в частности городов южного побережья Понта, приходится на первую четверть III в. н. э.⁶

Таким образом, судя по стилю, первая четверть III в. н. э. кажется нам наиболее вероятным временем изготовления формы кувшина с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен из могильника совхоза № 10.

---

¹ Н. von Fritze, *Asklepiosstatuen in Pergamon, Nomisma*, II, табл. III, 6, 7, 10, 11. Близкие нашему изображению Асклепия, Гигиен и Телесфора имеются также на пергамской монете, изображенной у А. Баумейстра, см. *Denkmäler des klassischen Altertums*, Bd. I, стр. 140.

² Н. von Fritze, *ук. соч.*, табл. III, 11.

³ Там же, табл. III, 10.

⁴ Там же, табл. III, 6, 7.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ W. Wroth, *Catalogue of Greek Coins (Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus)*, London, 1889. В это же время чеканит монеты с Асклепием и Гигиеней и Херсонес Таврический (А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, № 16, 1951, стр. 158—159, табл. XXXVIII, 2, 5, 8, 11).

СЛАВЯНСКАЯ КЕРАМИКА VII—IX вв. ИЗ КИЕВА

А. М. ШОВКОПЛЯС

Для освещения вопроса о ранней истории Киева очень важное значение имеет изучение того периода, который предшествовал образованию древнерусского государства.

Основными историческими источниками для его изучения, наряду с отдельными письменными свидетельствами древних авторов, являются памятники материальной культуры. Среди последних особое значение имеют материалы, обнаруженные на территории древнейшей части города, известной под названием Старокиевской горы (ныне территория Киевского государственного исторического музея).

Еще В. В. Хвойко, производивший в 1907—1908 гг. раскопки на этом месте, отмечал находки керамических материалов, относящихся к зарубинецкому времени и периоду Киевской Руси¹. Однако изучение этих материалов дает возможность отнести некоторые из найденных им сосудов ко времени VII—IX вв.² К ним, в частности, принадлежат небольшой тонкостенный лепной сосуд серого цвета с шероховатой поверхностью и слегка отогнутым венчиком (рис. 1, 8), верхняя часть от другого подобного сосуда (рис. 1, 7), а также два толстостенных сосуда, изготовленные на примитивном гончарном круге. Поверхность одного из них ниже отогнутого наружу венчика украшена орнаментом из трех волнистых и большого числа прямых углубленных линий. Орнаментом покрыта почти вся поверхность сосуда, за исключением самой нижней части (рис. 2, 1). Второй сосуд имеет удлинненную форму и отогнутый наружу венчик. Почти вся его поверхность украшена орнаментом из прямых углубленных полос (рис. 2, 2).

Начиная с 1908 г. на протяжении ряда лет велись исследования на территории Десятинной церкви под руководством Д. В. Милеева. Во время этих раскопок ниже фундаментов Десятинной церкви были обнаружены остатки более раннего культурного слоя, в котором попадались и обломки очень толстостенных лепных «весьма древних сосудов»³. В настоящее время в музее сохранились лишь материалы раскопок 1911 г. Среди них части стенок и доньев лепных толстостенных сосудов с шероховатой поверхностью. Несколько обломков стенок сосудов покрыты линейным и волнистым орнаментом. Аналогичная керамика в музейную коллекцию поступила также из раскопок на Старокиевской

¹ В. В. Хвойко, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, К., 1913, стр. 65.

² Настоящее сообщение составлено на основании материалов, хранящихся в Киевском государственном историческом музее.

³ С. Вельмин, Археологические изыскания имп. Археологической комиссии в 1909 и 1910 гг. на территории древнего Киева, Военно-исторический вестник, № 7—8, К., 1910, стр. 136; Раскопки Д. В. Милеева, ОАК за 1911 г., стр. 57.

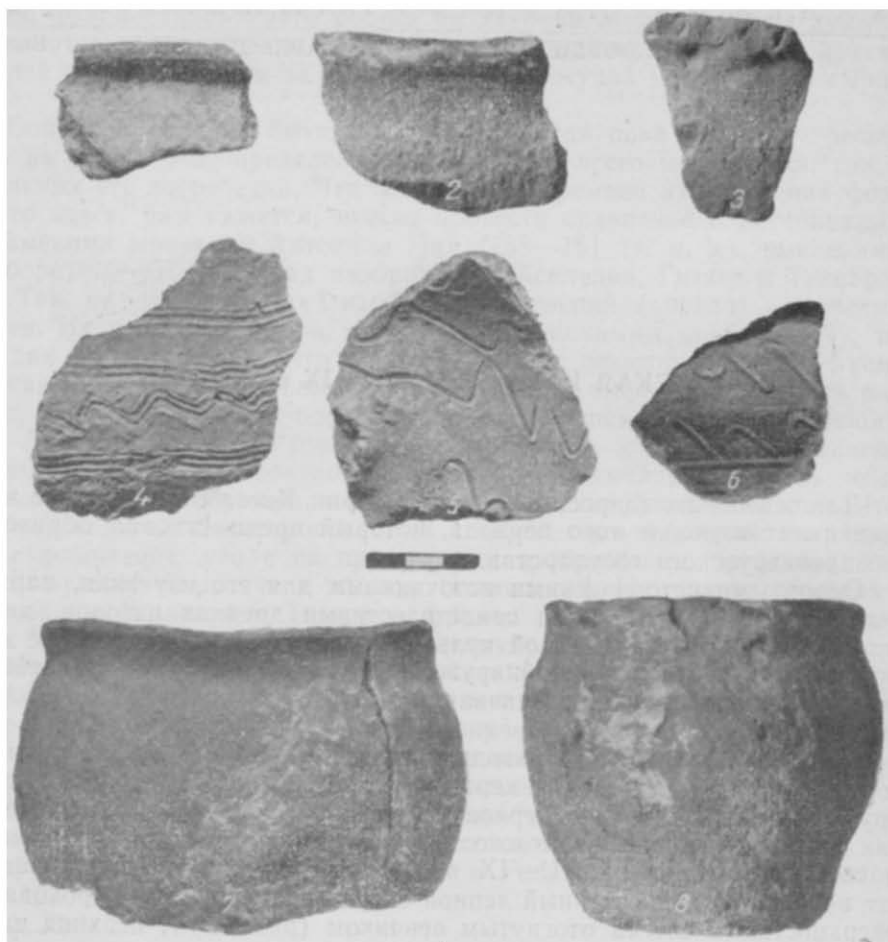

Рис. 1. Обломки керамики из раскопок на Старокиевской горе.

Рис. 2. Сосуды из раскопок на Старокиевской горе.

горе в 1936—1939 гг., в том числе и из землянки, раскопанной М. К. Каргером¹. Это обломки стенок и днищ лепных толстостенных сосудов с шероховатой поверхностью, венчик сосуда, орнаментированный защипами по краю (рис. 1, 3), обломок сковородки (рис. 1, 1), а также обломки толстостенной кружальной посуды, покрытой линейным и волнистым орнаментом (рис. 1, 4—6).

М. К. Каргер при первой публикации материалов из землянки датировал их временем VIII—IX вв.² Однако в своей последующей работе,

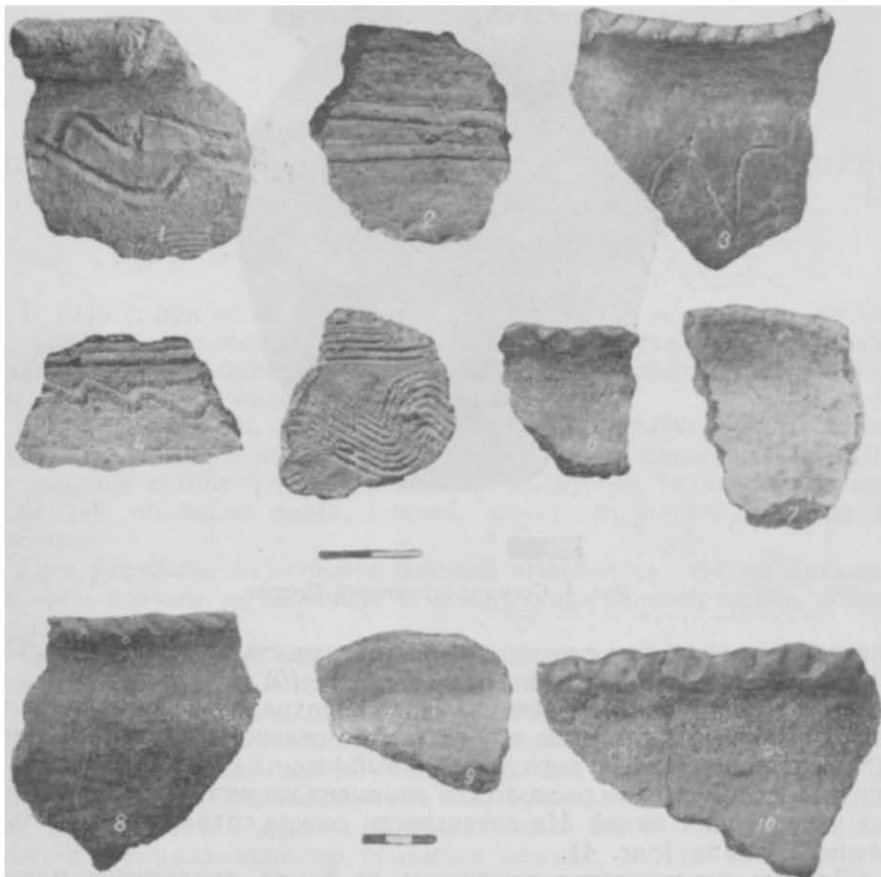

Рис. 3. Обломки керамики из раскопок на горе Киселевке (1—9) и из урочища Кристерова Горка (Приорка) (10).

посвященной археологическим исследованиям древнего Киева³, он отнес керамический комплекс из землянки уже к первым векам н. э., хотя для этого нет оснований.

Керамические материалы, аналогичные происходящим из раскопок на Старокиевской горе, известны также и из других районов Киева. Особенно много их было обнаружено при неоднократных раскопках на горе Киселевке (рис. 3, 1—9)⁴.

¹ М. К. Каргер, К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., КСИИМК, в. VI, 1940, стр. 63—65.

² Там же.

³ М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, К., 1950, стр. 98.

⁴ С. Магура, До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу, Наук. зап. ІМК, кн. I, К., 1934; Розкопи в Києві на горі Кисілівці в 1940 р., Археологія, т. I, К., 1947; А. М. Шовкопляс, Археологические памятники горы Киселевки в Киеве, КСИА, в. 7, К., 1957.

В этом плане представляют определенный интерес и керамические материалы с Приорки. Они обнаружены в 1929 г. во время археологических разведок, проводившихся участниками семинара при археологическом отделе Киевского исторического музея в урочище Кристерова Горка, и отнесены к скифскому времени¹. Между тем среди данной коллекции имеются обломки керамики зарубинецко-корчеватовского типа и славянской керамики VII—IX вв. Последняя принадлежит лепным

Рис. 4. Сосуд с территории Подола.

толстостенным сосудам с шероховатой поверхностью серого цвета. Один из венчиков имеет защипы по краю (рис. 3, 10).

Из раскопок В. В. Хвойко на Подоле сохранился сосуд, представляющий собой горшок темно-серого цвета с сильно отогнутым венчиком, еще очень примитивный, хотя и сделанный уже на гончарном круге. Под венчиком ассиметрично расположен орнамент из зигзагообразной и прямых углубленных линий. На поверхности сосуда сохранился небольшой отпечаток ткани (рис. 4).

Данные керамические комплексы из Киева аналогичны материалам этого же времени с Каневщины². Они относятся к группе раннеславянских памятников Правобережья Днестра типа Луки-Райковецкой³.

Довольно широкое территориальное распространение славянских памятников VII—IX вв. в Киеве свидетельствует об интенсивном его заселении накануне образования древнерусского государства.

Нет сомнения в том, что подобные памятники будут обнаружены и во многих других местах на территории Киева при дальнейших исследованиях, осуществление которых является весьма необходимым.

¹ К. Коршак, 3 праці семінару при археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею, Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, К., 1930, стр. 58.

² В. А. Богусевич, Канівська археологічна експедиція, АП, т. III, К., 1952; Г. М. Шовкопляс, Слов'янські пам'ятки в районі Канева, Археологія, т. X, К., 1957.

³ В. К. Гончаров, Посад і сільські поселення коло Райковецького городища, АП, т. I, К., 1949; его же, Райковецькое городище, К., 1950.

РАСКОПКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫХ ГОРНОВ IX—XI вв. В ГОРОДСКЕ

М. Л. МАКАРЕВИЧ

В 1939 г. при исследовании поселения позднетрипольского времени в с. Городск, Коростышевского района, Житомирской области, между жилищами, на глубине 0,75 м от современной поверхности, были обнаружены остатки железоплавильных горнов.

Культурный слой, образовавшийся в результате развала горнов, четко обрисовывался на фоне суглинка и занимал площадь около 20 м² при толщине свыше 0,4 м. Он состоял из кусков глины с отпечатками жердей, обломков сопел, камней, железного шлака и других материалов.

При расчистке и разборке развала выяснилось, что он принадлежал трем разным по величине и конструкции древнерусским железоплавильным горнам.

Остатки одного из них, наземной конструкции, с частично сохранившимся фундаментом и подом, представляли наибольший интерес. Округлое основание горна, диаметром около 1,25 м, было выложено из обломков камней на глиняном растворе (см. рис.). Среди использованных для этой цели камней обнаружено два обломка жерновов. Под горна, как и камни основания стен, был обмазан толстым слоем глины. Судя по отпечаткам дерева, сохранившимся на глыбах обожженной глины, и по расположению обломков камней, можно предположить, что стены сооружались из больших глиняных вальков, укладывавшихся вперемешку с камнями на заранее подготовленном деревянном каркасе. Расположение сопел указывало на усовершенствованную систему дутья, а совершенно оплавленные куски глины и обломки сопел, лежавшие в развале горна, указывали не только на высокую температуру, развивавшуюся дутьем, но и на то, что эти обломки добавлялись в шихту в качестве флюса.

Сооруженный таким образом горн имел значительную прочность и отвечал всем требованиям техники сыродутной выплавки железа.

Остатки второго горна были обнаружены в 2 м южнее первого. Конструктивно он отличался от первого тем, что его основание было углублено на 0,4 м и представляло округлую яму диаметром 0,6 — 0,85 м (внутренний и внешний диаметры). Остатки этого горна сохранились хуже; здесь встречено значительно меньше обломков сопел, камней и железного шлака.

Остатки третьего горна, весьма плохой сохранныости, были открыты на расстоянии 2,75 м к востоку от первого. Диаметр его основания не превышал 0,45 — 0,6 м. Здесь обнаружено всего лишь пять обломков сопел, лежавших среди шлака. Под этого горна также был углублен на 0,5 м.

Тщательное рассмотрение остатков горнов дает возможность предполагать, что высота первого горна достигала 2 м, а высота двух других не превышала 1,5 м. Все они имели небольшие предгорновые выемки, заполненные шлаком и другими материалами.

Обнаруженные в развалах горнов обломки воздуходувных сопел представлены двумя формами: цилиндрической и призматической,

Остатки железоплавильного горна IX—XI вв. в Городске.

встречавшейся реже. Длина тех и других колебалась в пределах 10—25 см при диаметре отверстия около 2,5 см.

Все сопла изготовлены из огнеупорной глины с примесью крупнозернистого песка. Значительная часть фрагментов сопел ошлакована. У двух обломков концы от сильного воздействия огня сплавились и спаялись. Обломки сопел находились во всей толще развала, хотя наибольшее количество их было обнаружено на самом дне и особенно в предгорновых выемках.

Найденные материалы позволяют утверждать, что на городище существовало два типа горнов. Более ранними являются горны с углубленным основанием; позднее вошли в употребление горны наземного типа, которые сооружались из камня и огнеупорной глины с комбинированной укладкой сопел для дутья, что обеспечивало более легкое отделение металла от шлака.

Обнаруженные в Городске двух типов горны свидетельствуют о широком распространении у древних славян железоплавильного производства уже в IX—XI вв.

М. Я. РУДИНСКИЙ

(1887 — 1958)

23 июня 1958 г. на 71 году жизни скончался старейший украинский археолог, один из организаторов и руководителей советских археологических научных учреждений на Украине, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии АН УССР, доктор исторических наук Михаил Яковлевич Рудинский.

Советская археология на Украине в лице М. Я. Рудинского потеряла одного из наиболее видных своих представителей и руководителей, отдавшего ей около 50 лет многогранной и плодотворной научной деятельности.

М. Я. Рудинский родился 2 (14) октября 1887 года в г. Ахтырке, Сумской области, в семье земского врача. Образование получил в Ахтырской классической гимназии и на историко-филологическом факультете Харьковского университета.

Свою научную деятельность в области археологии М. Я. Рудинский начал исследованиями археологических памятников в бассейне р. Ворсклы в 1905 — 1906 гг. Эти исследования послужили материалом для кандидатской работы «Дюнные стоянки неолитической эпохи в бассейне Днепра», выполненной М. Я. Рудинским при окончании университета в 1910 г.

В период с 1910 по 1917 г. М. Я. Рудинский, работая преподавателем в Путивльской и Переяславской гимназиях и коммерческих училищах в Киеве и Петрограде, проводил археологические исследования на Сейме (Путивль), Ворскле (Ахтырка), Псле (Сумы), Тетереве (Иванков) и на берегу Финского залива (Сестрорецк). В 1916 г. он принимал участие в раскопках Мезинской палеолитической стоянки и проводил обследование неолитических памятников в ее окрестностях.

В первые послереволюционные годы М. Я. Рудинский принимал активное участие в создании советских исторических и искусствоведческих музеев на Украине, в частности на Полтавщине.

В 1919 — 1920 гг. он был организатором и директором Полтавского музея изящных искусств, а в 1920 — 1924 гг. — заведующим археологическим отделом и директором Центрального музея Полтавщины. В 1924 — 1925 гг. работал заведующим отделом истории первобытного общества Исторического и отделом литья и тканей Лаврского музеев в Киеве.

За 1919 — 1924 гг. М. Я. Рудинским осуществлены и значительные археологические исследования на территории Полтавщины, в частности раскопки поселения и могильника раннескифского времени у с. Мачух и могильника так называемой «римской эпохи» у с. Кантемировка близ Полтавы. На основании исследований в Мачухах М. Я. Рудинский пришел к мысли о родстве памятников раннескифского времени на Ворскле с более ранними памятниками Правобережья Днепра (типа белогрудовских и ставших известными позже — чернолесских) и об их отличии от соседних левобережных памятников скифского времени. Это его предположение полностью подтвердилось исследованиями конца 40-х и начала 50-х годов.

Особенно широко развернулась научная деятельность М. Я. Рудинского в середине 20-х годов, после избрания его в 1924 г. действительным членом Всеукраинского археологического комитета (ВУАК) при Академии наук УССР и вхождения в 1925 г. в президиум комитета в качестве ученого секретаря, на посту которого он находился до конца 1928 г.

С именем М. Я. Рудинского связана работа ВУАКа по развертыванию экспедиционных исследований во всех районах Украины с охватом памятников всех древних эпох. Ему же принадлежит идея издания «Коротких звідомлень ВУАК» (вышли два выпуска — за 1925 и 1926 гг.), в которых освещались результаты работ экспедиций. Большую экспедиционную работу в эти годы проводил и сам М. Я. Рудинский — на Черниговщине, Полтавщине, Киевщине и Поднестровье.

Весьма плодотворной была научная и научно-организационная работа М. Я. Рудинского и в Кабинете антропологии АН УССР в 1928 — 1933 гг. Именно в эти годы им были осуществлены широкие и исключительно важные исследования в области палеолита (раскопки в Пушкарях, Мезине, Журавке, изучение памятников Среднего Поднестровья), неолита (Смячкинские местонахождения на средней Десне) и раннего триполья (Озаринцы на среднем Днестре). Много внимания уделял М. Я. Рудинский также изданию научных работ по археологии Украинской ССР, выражением чего служит, в частности, выход в 1928—1931 гг. четырех томов «Антропології» — годовых сборников Кабинета антропологии.

Находясь в течение ряда лет вне пределов Украины, М. Я. Рудинский проводил археологические исследования в бассейне Северной Двины, где им открыт и изучен ряд важных неолитических памятников по рр. Северной Двине, Сухоне, Югу, Тошне и др.

В 1944 г. М. Я. Рудинский возвратился на Украину и до своей кончины работал в Институте археологии АН УССР в должности ученого секретаря, старшего научного сотрудника и заведующего отделом. Под его руководством работало большое количество крупных археологических экспедиций, увенчавшихся важными научными результатами. В качестве примера назовем Средне-Днестровскую (палеолит и триполье), Днепровско-Надпорожскую (неолит), Дубно-Кременецкую (палеолит и неолит), Деснянскую (неолит), Мелитопольско-Терпеньевскую (Каменная Могила) и др. Результаты работ этих экспедиций освещены в ряде научных статей, опубликованных за послевоенные годы.

В 1948 г. М. Я. Рудинскому была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Многие работы М. Я. Рудинского имеют проблемный характер и

касаються важких питань давньої історії Української ССР. Немало зроблено їм також в області вивчення історії археологічної науки на Україні, організації широких кіл музейних працівників і краєведів навколо ВУАКа, Кабінету антропології і Інституту археології. М. Я. Рудинський завжди охотно ділився своїми великими знаннями з товаришами по науці, особливо з науковою молоддю.

В післявоєнні роки, як і раніше, багато уваги надавав М. Я. Рудинський видавничій роботі, состоя членом редколегії серійних видань Інституту археології («Археологія», «Археологічні пам'ятки УРСР», «Короткі повідомлення Інституту археології»). Много зроблено їм також в справі виробки наукової термінології.

М. Я. Рудинський є одним з авторів колективного праці Інституту археології «Нариси стародавньої історії УРСР». В останні роки він працював над великою, залишеною, к шкоду, незавершеною монографією о видатному пам'ятнику первісного мистецтва і ідеології юга України — Кам'яній Могилі на р. Молочної.

М. Я. Рудинський користувався всеобщим шануванням серед радянських археологів, добре відомий в СРСР і за межами нашої країни як глибокий і всебічний дослідник і знавець археологічних пам'яток України.

Світла пам'ять о М. Я. Рудинському — великому ученому-археологу і відважному товариші надовго збережеться в пам'яті всіх, хто його близько знав і з ним працював.

И. Г. ШОВКОПЛЯС

СПИСОК ПЕЧАТНИХ ТРУДОВ М. Я. РУДИНСЬКОГО

1. Музей мистецтва. Короткий провідник, Полтава, 1919.
2. Архітектурні обличчя Полтави, Полтава, 1919.
3. М. Ярошенко. Життя і творчість, Полтава, 1919.
4. Дюні стоянки неолітичної доби в сточищі р. Ворскла (Охтирський повіт на Харківщині), Записки наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, т. I, Полтава, 1919.
5. Археологічні дослідження р. 1925, Коротке повідомлення ВУАК за рік 1925, К., 1926.
6. Передісторичні розшуки на північно-східній Чернігівщині, там же.
7. Знахідки в околицях Трахтемирова, там же.
8. Матеріали до вивчення неолітичної доби в сточищі р. Ворскла. Станція в урочищі Біла Гора під Полтавою, К., 1926.
9. Археологічні дослідження р. 1926, Коротке повідомлення ВУАК за рік 1926, К., 1927.
10. Смячка, там же.
11. Дослідження на Кам'яничині, там же.
12. Дослідження на Полтавщині, там же.
13. Кварцитові вироби в інвентарі пізньонеолітичних станцій на Україні, Записки Історико-філологічного відділу Укр. Академії наук, № 51, К., 1927.
14. Археологічні збірки Полтавського музею, Збірник, присвячений 35-літтю музею, Полтава, 1928.
15. З приводу знахідки в Журавці на Прилуччині, Антропологія, т. I, К., 1928.
16. До питання про культуру «мезолітичної доби» на Україні, там же.
17. Пам'ятки Лоханського острова, там же.
18. Кілька попередніх зауважень до «Матеріалів до вивчення передмікенської культури на Україні», там же.
19. Археологічна розвідка на Дніпрельстані, Збірник Дніпропетровського крайового історико-археологічного музею, т. I, Дніпропетровськ, 1929.
20. Матеріали до вивчення передісторії Поділля, Антропологія, т. II, К., 1929.
21. Дослідження в Журавці, там же.
22. Староорлицький клад пізньонеолітичної доби, там же.
23. До питання про палеолітичні знахідки в Шаповалівці на Конотопщині, Четвертинний період, в. 1-2, К., 1930.
24. Журавка, Антропологія, т. III, К., 1930.
25. Мар'янівська станція, там же.
26. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки, там же.
27. Археологічне минуле Києва — розділ у кн.: Провідник по Києву, вид. АН УРСР, К., 1930.

28. З приводу годинника роботи Томіра в Музеї мистецтва в Полтаві, збірник «Український музей», К., 1927.
  29. Кантамирівські могили римської доби, Записки ВУАК, т. I, К., 1931.
  30. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР, Антропологія, т. IV, К., 1931.
  31. Les trouvailles paléolithiques d'Ozarynci, Knięga pam. Dcmetrykiewiczza, Poznań, 1931.
  32. Die derzeitige Sachlage betreffend paläolithologischen Studien in der Ukr. SSR Четвертинний період, в. 4, К., 1931.
  33. Кістяні вироби Мізинської палеолітичної стації в освітленні Ф. Вовка, К., 1931.
  34. Пушкари. Матеріали к истории изучения палеолитических стоянок у с. Пушкари, Новгород-Северского района, Черниговской области, СА, IX, М.—Л., 1947.
  35. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті, Археологія, т. I, К., 1947.
  36. Стоянки з мікролітичним інвентарем на о. Кізеловому, АП, т. II, К., 1948.
  37. З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 р., там же.
  38. Мачухська експедиція Інституту археології, там же.
  39. Дубно-Кременецька палеолітична експедиція, АП, т. IV, К., 1952.
  40. Каменная Могила, КСИА, в. 1, К., 1952.
  41. Каменная Могила, КСИА, в. 2, К., 1953.
  42. Вовнигские позднеолитические могильники, КСИА, в. 4, К., 1955.
  43. К вопросу о наскальных изображениях Каменной Могили, КСИА, в. 5, К., 1955.
  44. Иван Федорович Левицкий (некролог), КСИА, в. 3, К., 1954.
  45. Перший Вовницький пізньонеолітичний могильник, АП, т. VI, К., 1956.
  46. Погорілівка, там же.
  47. Петроглифический комплекс Каменной Могили, КСИА, в. 7, К., 1957.
  48. К вопросу о древнепалеолитических орудиях из кварцита, КСИИМК, в. 73, М., 1959.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
АС — Археологический съезд.
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
ИМК — Інститут історії матеріальної культури.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МАО — Московское археологическое общество.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
СА — Советская археология.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
ХДПІ — Харківський державний педагогічний інститут.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические раскопки на территории новостроек Украинской ССР

А. И. Тереножкин, Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году	3
В. Н. Даниленко, Археологические исследования 1956 года в Чигиринском районе	13
Е. В. Максимов, Е. А. Петровская, Археологические памятники в окрестностях с. Большой Андрусовки на Тясмине	22
Е. Ф. Покровская, Г. Т. Ковпаненко, Раскопки около сел Калантаева и Степовки на Тясмине в 1956 году	30
Д. Т. Березовец, Славянские поселения в устье Тясмина	37
А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськах близ Черкас	46
Э. А. Симонович, Раннечерняховское поселение у с. Ломоватого на Днепре	55
В. К. Гончаров, В. А. Богусевич, Р. А. Юра, Раскопки древнерусского города Воиня в 1956 году	60
Д. Я. Телегин, Оскольская экспедиция 1955—1956 годов	72
В. А. Ильинская, Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола	80
С. С. Березанская, Поселение срубной культуры на р. Осколе	85
Петр Петрович Ефименко (К 75-летию со дня рождения)	90

Полевые исследования

И. Г. Шовкопляс, Нижний горизонт Мезинской палеолитической стоянки	92
И. Г. Пидопличко, Новые данные о фауне Мезинской стоянки	104
А. С. Руденко, Морские моллюски из Мезинской стоянки	110
С. Н. Бибииков, Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 году	114
В. И. Бибиикова, Фауна из навеса Фатьма-Коба	122
Д. Т. Белановская, Н. М. Шмаглий, Позднетрипольское поселение у с. Троянова, Житомирской области	125
Ю. Н. Захарук, Погребения в каменных гробницах около с. Поповцев, Тернопольской области	129
А. И. Фурманская, Раскопки ольвийского некрополя в 1956 году	133
С. Ф. Стржелецкий, Позднеантичный могильник в Инкерманской долине	139
В. И. Довженок, Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году	146

Публикации

А. М. Лесков, О хронологии таврских каменных ящиков горного Крыма	156
В. А. Анохин, Кувшины с рельефными изображениями Асклепия и Гигиены	166
А. М. Шовкопляс, Славянская керамика VII—IX вв. из Киева	169
М. Л. Макаревич, Раскопки древнерусских железоплавильных горнов IX—XI вв. в Городске	173
[М. Я. Рудинский] (1887—1958)	175

Список сокращений	179
-----------------------------	-----